

**Федеральное агентство по образованию
Воронежский государственный университет**

З.Д.Попова, И.А.Стернин

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Учебное издание

**Москва
АСТ: «Восток-Запад»
2007**

Предлагаемая вниманию читателей монография посвящена актуальным проблемам современной когнитивной лингвистики. Она логически продолжает и развивает идеи авторов, изложенные в их книгах «Очерки по когнитивной лингвистике» (Воронеж: «Истоки», изд.1- 2001, изд.2 –2002, изд.3 – 2003), «Семантико-когнитивный анализ языка» (Воронеж: «Истоки», 2006), конкретизируя их применительно к семантико-когнитивному подходу в когнитивной лингвистике, сформулированному в рамках научной теоретико-лингвистической школы Воронежского университета и используемому в настоящее время в работах многих исследователей как в Воронеже, так и за его пределами.

Авторы кратко рассматривают различные современные направления когнитивной лингвистики, соотношение когнитивной лингвистики с другими науками, уточняют в свете развиваемой ими концепции категориально-терминологический аппарат когнитивной лингвистики, характеризуют некоторые результаты изучения концептов, а также подробно описывают конкретные методы и приемы семантико-когнитивных исследований.

Для лингвистов, когнитологов, культурологов, филологов. Может быть использована начинающими исследователями - аспирантами и студентами, занимающимися проблемами филологии, когнитологии, культурологии.

© З.Д.Попова, И.А.Стернин,
2007

Когнитивная лингвистика. Монография.
Тираж 3000 экз. 16, 8 п.л. 314 с.

От авторов

Когнитивная лингвистика – активно развивающееся лингвистическое направление, во многом определяющее лицо современной мировой лингвистической науки. Вместе с тем, это направление сравнительно новое, молодое, и в нем много дискуссионных моментов как в теоретических вопросах, так и в исследовательской практике, в методах исследования. Это определяет потребность в работах, раскрывающих на базе опыта практического лингвокогнитивного описания языка теоретические и методологические основы когнитивной науки. Именно в таком жанре выполнена наша книга.

Предлагаемая вниманию читателей книга раскрывает одно из направлений когнитивной лингвистики - семантико-когнитивный анализ языка, сформулированный нами в рамках теоретико-лингвистической школы Воронежского университета и используемый в настоящее время в работах многих исследователей, как в Воронеже, так и за его пределами. Данная книга обобщает наши собственные лингвокогнитивные исследования и исследования наших учеников, работающих в рамках научной школы кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета.

В нашей первой монографии, посвященной проблемам когнитивной лингвистики, мы писали: «как во всякой новой науке, переживающей период становления и интенсивного развития, в современной когнитивной лингвистике наблюдаются многочисленные противоречивые подходы, большой разброс в понимании основных терминов, недостаточная определенность в самом предмете когнитивной лингвистики, неясность в методах и т.д. Все это требует прояснения, причем особенно актуально это в первую очередь для студентов и аспирантов, выполняющих исследования в рамках когнитивной лингвистики и сталкивающихся с многочисленными трудностями и противоречиями» (Попова, Стернин 2003, с.4).

С тех пор прошло несколько лет, и многое в когнитивной лингвистике определилось, стало более четким и ясным, многие противоречия устранены. Создано Российское общество лингвистов-когнитологов, начал выходить журнал «Вопросы когнитивной лингвистики», наблюдается консолидация лингвистов-когнитологов вокруг нескольких основных направлений лингвокогнитивных исследований, каждое из которых имеет в последние годы несомненные успехи, растет количество монографических исследований. диссертаций. межвузовских сборников лингвокогнитивной проблематики.

Продвинулись по сравнению с нашими первыми публикациями (Попова, Стернин 1999; Попова, Стернин 2002) в проблематике когнитивной лингвистики и мы вместе с нашими учениками; проделана уже большая работа по освоению когнитивной методики изучения языка,

описаны в лингвокогнитивном плане многие когнитивные категории и концепты, разработаны лингвокогнитивные методики и приемы анализа языка. Все это и обусловило потребность в новой книге, которая обобщает сделанное за последние годы.

Настоящая монография конкретизирует разработку проблем и методов когнитивной семасиологии применительно к *семантико-когнитивному подходу*, сформировавшемуся в последние годы в рамках научной теоретико-лингвистической школы Воронежского университета. В связи с этим возникла потребность в более систематическом изложении данного подхода и определении его места в когнитивной лингвистике.

В данной книге рассматривается соотношение когнитивной лингвистики с другими науками, кратко характеризуются современные направления в отечественной когнитивной лингвистике, сходства и различия лингвокогнитивных направлений; в свете развиваемой нами семантико-когнитивной концепции уточняется категориально-терминологический аппарат исследования, представлены некоторые результаты изучения концептов, а также подробно описываются конкретные методы и приемы лингвокогнитивных исследований.

Данная монография является продолжением и развитием разработок проблем когнитивной лингвистики, предпринятых нами в ряде уже опубликованных совместных работ («Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях». Воронеж, изд. 1 –1999, изд.2, перераб. –2002; «Язык и национальная картина мира». Воронеж, 2002,; изд. 2 –Воронеж, 2003; «Очерки по когнитивной лингвистике». Воронеж, изд.1 –2001, изд.2 –2002, изд.3 –2003; «Семантико-когнитивный анализ языка». Воронеж, 2006). Последняя из перечисленных работ легла в основу данного издания.

Развиваемая нами концепция претерпела изменения за последние годы интенсивных исследований в области когнитивной лингвистики – как под влиянием наших собственных результатов, так и под влиянием работ наших учеников и коллег по лингвокогнитивному цеху. В данной книге эти изменения находят свое отражение.

Существенное развитие получила в данной книге разрабатываемая нами общетеоретическая концепция, сформулирован семантико-когнитивный подход к анализу языка, разграничена когнитивная семасиология и лингвоконцептология, предложены детализированные алгоритмы лингвокогнитивного анализа, приведены примеры целостного анализа концептов на базе разработанных методик.

Уточнено понятие концепта, типология концептов, представление о структуре и содержании концепта, образном компоненте концепта и соотношении компонентов концепта в его структуре, понятие о полевой организации концепта. Определены и проиллюстрированы такие лингвокогнитивные понятия, как номинативное поле концепта, рекуррентность концепта, лексикографическое и психолингвистическое значение, когнитивные и перцептивные образы, зоны интерпретационного поля, когнитивный классификационный признак и когнитивный

дифференциальный признак; сформулировано представление об интегральном характере концепта в отличие от значения, обоснован закон коммуникативной релевантности концепта, существенно уточнены, алгоритмизированы и разграничены методики лингвистического анализа значения и концепта, показано применение экспериментальных методов для концептологического анализа. Сформулированы основные теоретические постулаты и методы лингвокогнитивного исследования языка.

Все это обусловило необходимость при сохранении теоретической и содержательной преемственности с нашими предыдущими работами представить данную книгу под новым названием.

Авторы будут благодарны за любые замечания и соображения коллег по поводу развиваемых в книге идей и положений.

Глава I.

Когнитивная лингвистика в современной науке о языке

1.1. Когнитивная наука и когнитивная лингвистика

Когнитивная лингвистика прочно заняла свое место в парадигме концепций современного мирового языкознания. Именно ее возникновение и бурное развитие на современном этапе является характерной чертой языкознания рубежа веков.

По определению В.З.Демьянкова и Е.С.Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации (Краткий словарь когнитивных терминов, с. 53-55).

В когнитивной лингвистике мы видим новый этап изучения сложных отношений языка и мышления, проблемы, в значительной степени характерной именно для отечественного теоретического языкознания. Когнитивные исследования получили признание в России, как справедливо подчеркивает Е.С.Кубрякова, прежде всего потому, что они обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» (Кубрякова 2004, с.11).

Начало такому изучению положили нейрофизиологи, врачи, психологи (П.Брока, К.Вернике, И.М.Сеченов, В.М.Бехтерев, И.П.Павлов и др.). На базе нейрофизиологии возникла нейролингвистика (Л.С.Выготский, А.Р.Лурия). Стало ясным, что языковая деятельность протекает в мозге человека, что разные виды языковой деятельности (освоение языка, слушание, говорение, чтение, письмо и др.) связаны с разными отделами головного мозга.

Следующим этапом развития проблемы соотношения языка и мышления стала психолингвистика, в рамках которой изучались процессы порождения и восприятия речи, процессы изучения языка как системы знаков, хранящейся в сознании человека, соотношение системы языка и ее использования, функционирования (американские психолингвисты Ч.Осгуд, Т.Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэррол и др., российские лингвисты А.А.Леонтьев, И.Н.Горелов, А.А.Залевская, Ю.Н.Караулов и др.).

Когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX века, но ее предмет - особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка - был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке.

Так, рассматривая теорию В.Гумбольдта о народном духе, А.А.Потебня признает вопрос о происхождении языка вопросом о явлениях душевной жизни, предшествующей языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую душевную деятельность, то есть вопросом чисто *психологическим*. А.А.Потебня понимает, что в душевной деятельности есть понятия сильнейшие, выдвигаемые вперед, и понятия, остающиеся вдали (Потебня 1993, с.83). Именно сильнейшие представления участвуют в образовании новых мыслей (закон апперцепции Гербарта). А.А.Потебня хорошо видит роль ассоциации и слияния ассоциаций в образовании рядов представлений. Разнородные представления, воспринятые одновременно, не теряя своей цельности, могут слагаться в одно целое. При слиянии два различных представления воспринимаются как одно (Потебня 1993, с. 91).

Иначе говоря, А.А. Потебня прекрасно понимал роль языка в процессах познания нового, в процессах становления и развития человеческих знаний о мире на основе психологических процессов апперцепции и ассоциации, на основе разных по силе представлений человека о явлениях, имеющих названия в языке.

Еще более очевиден предмет когнитивной лингвистики в следующем высказывании И.А. Бодуэна де Куртенэ: «...Из языкового мышления можно выявить целое своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)» (Бодуэн де Куртенэ 1963, с.312).

Размышления об участии языка в познании мира можно найти в трудах мыслителей разных времен и народов от античности до наших дней. Их подробные обзоры сделаны Л.Г. Зубковой (Зубкова 2000) и Н.А. Кобриной (Кобрина 2000).

Однако фронтальная разработка лингвокогнитивных проблем начинается лишь в последние десятилетия XX века, и основные публикации по когнитивной лингвистике приходятся на этот период.

Современная когнитивная лингвистика принадлежит к числу ряда наук, исследующих своими специфическими методами один общий предмет – когницию.

В связи с этим сейчас можно говорить о существовании *когнитивной науки*, которая, по определению Е.С.Кубряковой, междисциплинарна и представляет собой зонтичный термин (Кубрякова 2004, с.7) для целого ряда наук – когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, философской теории когниции, логического анализа языка, теории искусственного интеллекта, нейрофизиологии; «уже сложились такие дисциплины как когнитивная антропология, когнитивная социология и даже когнитивное литературоведение, т.е. почти в каждой гуманитарной науке выделилась специальная область, связанная с применением когнитивного подхода и когнитивного анализа к соответствующим объектам данной науки» (Кубрякова 2004, с.10-11). Когниция как процесс

познания, отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании, в настоящее время в современной науке понимается расширительно – «означавший ранее просто «познавательный» или «относящийся к познанию», термин когнитивный все более приобретает значение «внутренний», «ментальный», «интериоризованный» (Кубрякова 2004, с.9).

В задачи когнитивной науки «входит и описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» (Кубрякова 2004, с.8-9).

Таким образом, когнитивная лингвистика – одно из направлений междисциплинарной когнитивной науки.

Формально в лингвистической историографии возникновение когнитивной лингвистики относят к 1989 г., когда в Дуйсбурге (ФРГ) на научной конференции было объявлено о создании ассоциации когнитивной лингвистики, и когнитивная лингвистика, таким образом, стала отдельным лингвистическим направлением. Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских авторов Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера, Рэя Джакендоффа и ряда других. Подробнейшим и детальнейшим образом охарактеризованы труды этих ученых и развитие проблематики когнитивной лингвистики в работах Е.С. Кубряковой (Кубрякова 1994, 1997, 1999, 2004). Труды Е.С.Кубряковой стали фундаментальными, они легли в основу когнитивной лингвистики в России.

Работы американских ученых изданы в переводе на русский язык в серии «Новое в зарубежной лингвистике», вып. XXIII, М., 1998. Особенно подробно и развернуто представлен научный аппарат американской когнитивной лингвистики в «Кратком словаре когнитивных терминов», подготовленном под ред. Е.С.Кубряковой (М., 1996). труды ведущих американских когнитивистов также подробно рассмотрены в статье А. Ченки (Ченки 1996). О когнитивных исследованиях во Франции можно прочитать в статье (Плунгян, Рахилина 1994).

Этапами становления когнитивной лингвистики в России стали книга «Структуры представления знания в языке» (М., 1994), а также книга Н.Н.Болдырева «Когнитивная семантика» (Болдырев 2001).

Много полезных соображений о структурах знания можно почерпнуть в современных работах по проблеме «язык и мышление», авторы которых так или иначе затрагивают проблемы когнитивной лингвистики (Васильев 1990, Сигал 1997, Пинкер 1999 и мн. др.). Разнообразные толкования и определения предмета когнитивной лингвистики и ее категорий предлагают авторы, специально занимающиеся этими проблемами (Розина 1994, Демьянков 1994, Худяков 1996, Фрумкина 1996, Рузин 1996, Баранов, Добровольский 1997, Болдырев 1998, 1999, 2000, 2001, Залевская

1998, 2000, Шарандин 1998, Шаховский 2000, Красных 2000, Архипов 2001 и др.).

В России разрабатывались теории значения слова на основе компонентного анализа. Семантические параметры, найденные Ю.Д. Апресяном, И.А. Мельчуком, А.К. Жолковским, позволили начать составление семантических словарей, поиски семантических первоэлементов. Эти первоэлементы, как теперь все более проясняется, лежат в сфере когнитивной деятельности человека и представляют собой фактически те же категории, которые выделены в работах американских авторов-когнитологов. В этой связи надо упомянуть и работы польской исследовательницы Анны Вежбицкой (Вежбицка 1996).

Оба направления – классический американский когнитивизм и российские структурно-семантические исследования – развивались независимо друг от друга и пользовались разной терминологией, однако открытые в результате этих исследований категории во многих отношениях пересекаются. Это хорошо показано в работах Е.В. Рахилиной, которая предприняла попытку соотнести терминологию американских когнитивных лингвистов и московской семантической школы Ю.Д. Апресяна (Рахилина 1998, 2000).

Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций.

Материалом лингвокогнитивного анализа является язык, а цели такого исследования в разных конкретных направлениях (школах) когнитивной лингвистики могут различаться – от углубленного исследования языка с помощью когнитивного категориально-терминологического аппарата до конкретного моделирования содержания и структуры отдельных концептов как единиц национального сознания (концептосферы).

Таким образом, когнитивная лингвистика как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. Конечной задачей когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности разума» (Кубрякова 2004, с.13). При этом исследование сознания составляет общий предмет когнитивной науки и когнитивной лингвистики (Кубрякова 2004, с.10).

При этом отличие когнитивной лингвистики от других когнитивных наук заключается именно в ее *материале* – она исследует сознание на материале языка (другие когнитивные науки исследуют сознание на своем материале), а также в ее *методах* – она исследует когнитивные процессы, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования.

Современная когнитивная лингвистика неоднородна, «представлены разные направления в когнитивном исследовании и определились лидеры

и ведущие фигуры в разных школах когнитивной лингвистики» (Кубрякова 2004, с.11).

1.2. Основные направления в современной когнитивной лингвистике

Современная когнитивная лингвистика интенсивно развивается в самых разных научных центрах мира, что обуславливает определенные различия в подходах, категориальном и терминологическом аппарате, понимании основных задач когнитивной лингвистики и используемых методах.

В диссертационных исследованиях и обзорных статьях ученые все чаще предпринимают попытки классификации направлений в современной когнитивной лингвистике. Признавая относительность подобных классификаций, отметим, тем не менее, что в них есть свой смысл, поскольку разные направления прежде всего используют разные методические приемы исследования концептов.

Е.Ю. Балашова (Балашова 2004, с.6), характеризуя сложившиеся в отечественной когнитивной лингвистике научные направления, выделяет два основных подхода: лингвокогнитивный и лингвокультурный.

Лингвокультурный подход предполагает изучение специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию. К исследователям, работающим в рамках лингвокультурного подхода, Е.Ю.Балашова относит Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.В. Красных, В.А. Маслову, Н.Ф. Алефиренко и др. Этот подход определяет концепт как базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего (В.И. Карасик).

К лингвокогнитивному подходу Е.Ю.Балашова относит исследователей, которые исходят из того, что в основе знаний о мире лежит такая единица ментальной информации, как концепт, которая и обеспечивает «выход на концептосферу социума». С позиций лингвокогнитивного подхода к изучению концепта была разработана его полевая модель, представленная в терминах ядра и периферии. Представителями данного подхода Е.Ю.Балашова называет Е.С. Кубрякову, З.Д.Попову, И.А. Стернина, В.Н. Телию и др.

Е.Ю.Балашова, кроме двух названных подходов в когнитивной лингвистике, выделяет также еще психологический, психолингвистический, нейропсихолингвистический, семантический, логико-понятийный, логический анализ культурных концептов и подход в рамках традиционной лингвистики, отождествляющий термины «понятие» и «концепт» (с.6).

Лингвокультурологическое направление в когнитивной лингвистике выделяет и А.В.Костин. По его определению, лингвокультурологический подход опирается на идею о кумулятивной (накопительной) функции языка, благодаря которой в нем запечатлевается, хранится и передается опыт народа, его мировидение и мироощущение. Язык, согласно этой

концепции, есть универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни.

К лингвокультурологическому направлению А.В.Костин относит работы С. Г. Воркачева, В. В. Воробьёва, В. Н. Телии, Г. В. Токарева, Ф. Ф. Фархутдиновой, А. Т. Хроленко, В. М. Шаклеина и др. Сюда же можно отнести исследования В.Г.Костомарова и Е.М.Верещагина, В.А.Масловой, В.В.Воробьева.

А.В.Костин выделяет еще целый ряд подходов в современной когнитивной лингвистике: «ментально-деятельностный (С. А. Аскольдова, индивидуально-речевой (Д.С. Лихачева, семантический (Н. Ф. Алефиренко, А. Вежбицкая, В. В. Колесов, И. П. Михальчук, В. П. Нерознак), культурологический (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик), логический (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, Г. В. Макович, Р. И. Павилёнис, М. Р. Проскуряков, И. Г. Проскурякова), когнитивный (А. П. Бабушкин, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. В. Токарев, Ж. Ф. Ришар, С. Х. Ляпин, А. В. Кравченко, Г. А. Волохина, Г. В. Быкова), лингвокультурологический (С. Г. Воркачев, В. Н. Телия, Ф. Ф. Фархутдинова)» (Костин 2002, с.6).

В.В.Колесов разграничивает когнитивную лингвистику (исследующую связи между словом и вещью), контенсивную лингвистику (изучающую семантические «прототипы» - модальность, залоговость, темпоральность и под.) и концептуальную лингвистику, изучающую собственно концепты (Колесов 2005, с.16).

С.В.Кузлякин разграничивает в когнитивной лингвистике психологический подход (Д.С.Лихачев), логический (Н.Д.Арутюнова и школа «Логический анализ языка»), философский (В.В.Колесов), культурологический (Ю.С.Степанов), интегративный подход (С.Х.Ляпин, Г.Г.Слышкин) (Кузлякин 2005).

Е.С.Кубрякова разграничивает классический когнитивизм – исследование структур знаний и их типов преимущественно логическими методами и когнитивно-дискурсивное направление, которое является логическим развитием всей современной лингвистики в целом: «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации»; цель когнитивной лингвистики «не только поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную или когнитивную структуры (объясняя тем самым значение или содержание формы через определенную когнитивную структуру, структуру мнения или знания), но и объяснить причины выбора или создания данной «упаковки» для данного содержания» (Кубрякова 2004, с.16).

Н.Н.Болдырев справедливо отмечает, что можно говорить о двух этапах развития когнитивизма – «раннем – логическом, или объективистском, и

современном – экспериенциальном, основанном на опыте» (Болдырев 2004, с.20).

С нашей точки зрения, можно говорить, по крайней мере, о следующих направлениях в когнитивной лингвистике, которые определились на сегодняшний день (называем типичных представителей данных направлений):

культурологическое - исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю.С.Степанов). Такие исследования обычно де-факто междисциплинарны, не связаны исключительно с лингвистикой, хотя могут выполняться и лингвистами (что и позволяет рассматривать данный подход в рамках когнитивной лингвистики); язык в этом случае выступает лишь как один из источников знаний о концептах (например, для описания концепта используются данные об этимологии слова, называющего этот концепт);

лингвокультурологическое – исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре» (В.И.Карасик, С.Г.Воркачев, Г.Г.Слышкин, Г.В.Токарев);

логическое – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис);

семантико-когнитивное – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С.Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В.Лукашевич, А.П.Бабушкин, З.Д.Попова, И.А.Стернин, Г.В.Быкова);

философско-семиотическое - исследуются когнитивные основы знаковости (А.В.Кравченко).

Каждое из этих направлений можно считать уже достаточно оформившимся в современной лингвистике, все они имеют свои методические принципы (объединяет их все прежде всего теоретическое представление о концепте как единице сознания) и все они имеют своих сторонников среди лингвистов-когнитологов, их представляют достаточно известные научные школы.

Разумеется, предлагаемые разграничения направлений, как и отнесение отдельных ученых к тем или иным направлениям достаточно условно (многие ученые на разных этапах своей научной деятельности работали в рамках разных концепций), но, с нашей точки зрения, подобная классификация отражает основные действующие в современной отечественной когнитивной лингвистике тенденции.

Кроме того, укажем на наличие достаточно большого числа работ, которые объединяет фактическое отождествление понятий *концепт* и *значение слова*: традиционный анализ семантики слова называется при этом анализом концепта, а семантические исследования – когнитивными.

Так, например, В.Я. Мыркин свою очень интересную и информативную статью о видах значения слова начинает такой фразой: «Концепт, закрепленный за определенным словом, является (лексическим) значением слова» (Мыркин 2005, с. 102). Работы такой ориентации в последнее время, по нашим наблюдениям, несколько пошли на убыль, но их поток еще не иссяк (ср. например, Кузлякин 2005).

Подобное отождествление представляется нам неплодотворным, оно отражает тенденцию просто к модному использованию терминов *концепт*, *когнитивный*, о чем мы уже не раз писали (Попова, Стернин 2003; Попова, Стернин 2004, с.53-54). Существование таких работ лишней раз объясняет необходимость системного изложения постулатов когнитивной лингвистики с четким определением ее категорий и установлением однозначных отношений с категориями традиционной семасиологии.

3. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку

Развиваемый нами подход к лингвокогнитивным исследованиям мы обозначаем как *семантико-когнитивный*, подчеркивая этим названием основное направление исследования - исследование *соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными*.

Когнитивная лингвистика стала возможной после оформления теоретических постулатов *психолингвистики*. Именно психолингвисты обосновали существование невербального мышления, существование в сознании людей концептосферы, состоящей из квантов знания – концептов, постоянно изменяющейся и обновляющейся. Выяснилось, что знаки языка создаются людьми для обмена важной информацией, то есть для наиболее общераспространенных и коммуникативно востребованных концептов, что знаки языка лишь пунктир на пространстве концептуальных смыслов, что концептосфера намного объемнее и шире, чем та её часть, которая обозначена языковыми средствами. Эти теоретические достижения психолингвистики стали основой для создания методологии когнитивной лингвистики.

Главное положение этой методологии состоит в том, что через изучение семантики языковых знаков можно проникать в концептосферу людей, можно выяснять, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения, в то время как для другого народа это оказывалось существенным. На основе этого методологического положения были разработаны методы когнитивной лингвистики, которые теперь уже позволяют обнаруживать особенности не только национального, но и группового мышления, и все разнообразие индивидуально-авторских концептосфер.

Основные постулаты развиваемого нами подхода таковы.

Мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди мыслят концептами, кодируемыми единицами этого кода и составляющими базу универсального предметного кода (Выготский 1982, Жинкин 1958, 1982, 1998, Горелов 1980, 2003, Горелов, Седов 1998).

Концепт - принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности.

Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу.

Язык - одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания.

Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц становятся *методами лингвокогнитивного исследования*. Когнитивная лингвистика исследует семантику единиц, *репрезентирующих (объективирующих, вербализующих, овнешняющих)* в языке тот или иной концепт.

Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц.

Совокупность значений языковых единиц образует семантическое пространство языка.

Концепт - единица концептосферы, значение - единица семантического пространства языка.

Значение - элемент языкового сознания, концепт - когнитивного («общего»).

Концепт и значение в равной мере - явления мыслительной, когнитивной природы.

Значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закрепленная языковым знаком в целях коммуникации.

Разграничиваются психолингвистическое значение («психологически реальное», то есть во всем объеме семантических признаков, связываемых со словом в сознании носителя языка; выявляется преимущественно экспериментальными приемами) и «лексикографическое» значение (кратко сформулированное, отраженное в толковых словарях). Концепт, если он назван, включает как свою составную часть психолингвистическое и лексикографическое значение, но по объему своего содержания остается неизмеримо больше, чем оба вышеназванных значения.

Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами.

В акте речи вербализуется коммуникативно релевантная часть концепта. Исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт - путь к описанию вербализуемой части концепта.

Причины вербализации или отсутствия вербализации концепта - чисто коммуникативные (коммуникативная релевантность концепта). Наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его существования в сознании как единицы мышления. В сознании существует большое количество невербализованных концептов. Значительная часть концептов индивидуального сознания вообще не подлежит вербализации.

Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о номинативной плотности (термин В.И.Карасика - 2002, с.111) данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа.

Концепт может быть вербализован в случае коммуникативной необходимости различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта.

Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу.

Концепты внутренне организованы по полювому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле.

Структура концепта образована когнитивными признаками разного ранга, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полювому признаку.

Наблюдается национальная, социальная, групповая и индивидуальная специфика концепта. Концепты имеют национальные особенности содержания и структуры; возможны эндемичные концепты, возможна лакунарность концепта.

Метод семантико-когнитивного анализа предполагает, что в процессе лингвокогнитивного исследования от содержания значений мы переходим к содержанию концептов в ходе особого этапа описания - когнитивной интерпретации. Когнитивная интерпретация - тот этап семантико-когнитивного анализа, без которого исследование остается в рамках лингвистической семантики.

Обеспечив выявление и описание соответствующих концептов, семантико-когнитивный подход предоставляет исследователям две дальнейших возможности использования полученных данных:

возвращение к языку: использование полученных когнитивных знаний для объяснения явлений и процессов в семантике языка, углубленного изучения лексической и грамматической семантики; такое направление исследования представляет собой *когнитивную семасиологию*;

движение к сознанию: моделирование концептов как единиц национальной концептосферы, национальной культуры; данное направление будет представлять собой *лингвистическую концептологию*.

В *когнитивной семасиологии* исследуется, какие компоненты концепта как глобальной мыслительной единицы вошли в семантическое пространство языка (т.е. в семантику единиц, стали семами языковых единиц), какие когнитивные процессы определили и определяют формирование и развитие семантики соответствующих языковых единиц. Когнитивный терминологический аппарат используется для объяснения языковых явлений и процессов. «Соотнесение языковых форм с их когнитивными аналогами и прежде всего ... соотнесение их с разными когнитивными структурами – это только *способ объяснить* (выделено нами – З.П., И.С.) их особенности или функциональные характеристики» (Кубрякова 2004, с.13).

Когнитивная семасиология использует понятие *концепт*, во-первых, как *инструмент для ограничения* исследуемого языкового материала, а также для раскрытия внутреннего единства и структурированности значительных участков лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединяемых репрезентацией одного концепта в разных его ипостасях, во-вторых, как инструмент объяснения и углубленного описания семантики единиц языка.

Лингвистическая концептология использует понятие *концепт* как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, единицы моделирования и описания национальной концептосферы.

Задача лингвистической концептологии: выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих (т.е. выражающих, вербализующих, объективирующих) исследуемый концепт и, описав максимально полно семантику этих единиц (слов, словосочетаний, ассоциативных полей, паремий, текстов), применяя методику когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования, смоделировать содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии и определить место исследуемого концепта в концептосфере.

Семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях свидетельствует, что путь исследования «от языка к концепту» наиболее надежен, и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт (сравните, например, с трудностями описания концептов, выражаемых средствами несловесных искусств - музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т.п.).

Хотим также обратить внимание на связь когнитивной лингвистики и семиотики.

Семиотика, по определению, наука о знаковых системах в природе и обществе. Она находит свой предмет в биологии, психологии, этнографии, социологии, истории культуры, искусствоведении, литературоведении, но главным образом – в лингвистике (Степанов 1971). Знаковые языковые

системы наиболее разработаны, наиболее четко организованы. Лингвистика имеет и наиболее упорядоченный терминологический аппарат. К ней обращаются в своих разработках и биосемиотики, и этносемиотики, и семиотики искусств, и культурологи, и специалисты по другим отделам семиотики.

Областью пересечения предмета семиотики и лингвистики является изучение системы знаков.

В семиотике знак определяется через знаковую ситуацию как некоторое физическое тело, способное сообщать о чем-либо таком, чем оно само не является, в том случае, если оно попало в знаковую ситуацию. Выдающийся семиотик Готлиб Фреге различал в знаковой ситуации три составляющие: тело знака, значение знака и предмет, образ которого отражен в значении знака (Фреге 1997).

В лингвистику семиотический аспект ввел Фердинанд де Соссюр, впервые предложивший развернутую теорию языкового знака и системы языковых знаков (хотя идея о том, что слово – знак мысли, высказывалась и до Соссюра). Помимо трех составляющих знаковой ситуации, указанных Г.Фреге, Соссюр включил в знаковую ситуацию для единиц языка еще и *значимость*, то есть отношение знака к другим знакам той же *системы* (Соссюр 1977).

Немного позднее Карл Бюлер с позиций лингвиста посчитал необходимым включить в знаковую ситуацию для языкового знака позиции *отправителя и получателя* (Бюлер 1993).

Опираясь на разработки выдающихся семиотиков и лингвистов, мы представляем знаковую ситуацию для изучения системы языковых знаков в следующей модели (рис.1), этапы разработки которой мы подробно изложили в другой публикации (Попова 2005).

Эта модель позволяет соотнести различные термины, употребляемые философами, психологами, нейрофизиологами, лингвистами и другими учеными, касающимися вопросов семиотики, применительно к одной и той же составляющей знаковой ситуации. Обзор литературы по семиотической терминологии (Колшанский 1967, Худяков 2000, Алефиренко 2003 и другие) выявляет следующие ряды изосемичных терминов применительно к составляющим знаковой ситуации:

Акустический знак – тело знака, законоситель, медиатор, экспонент.

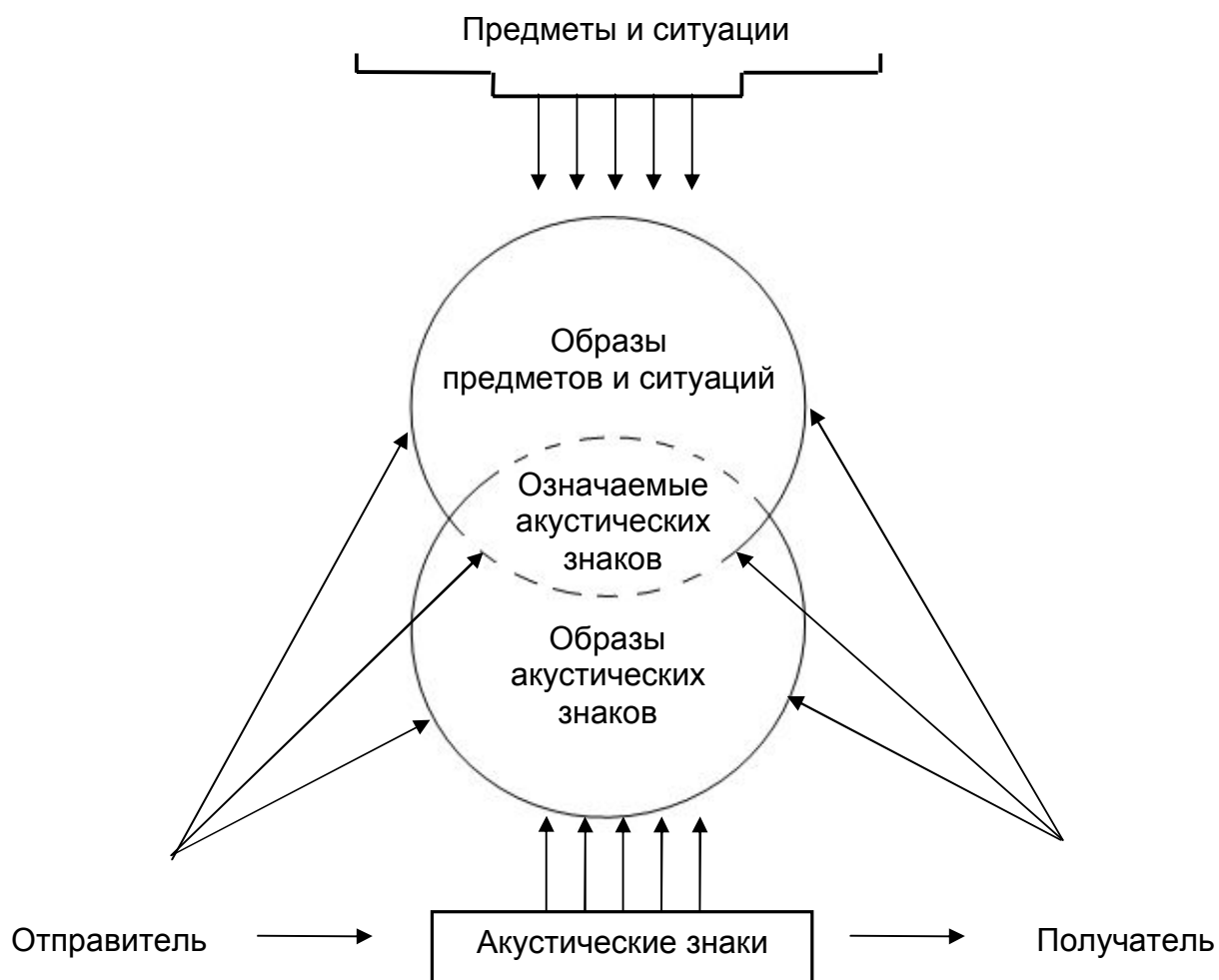
Образ акустического знака – лексема, десигнатор.

Означаемое акустического знака – значение слова, десигнат, семема.

Образы предметов и ситуаций – смысл, концепт, десигнат.

Предметы и ситуации внеязыкового мира – десигнаты, референты.

Рис.1. Знаковая ситуация

Приняв данную модель за эталон, всегда можно установить, какой областью знаковой ситуации занимается тот или иной ученый, независимо от терминологического аппарата, которым он пользуется.

На основе частотности и удобства употребления, применительно к составляющим знаковой языковой ситуации, мы пользуемся следующими терминами

Акустический знак – **акустема**.

Образы акустических знаков – **лексемы**. Так как в разных языках наработаны свои техники построения лексем, в области акустических образов можно различать также **фонемы** (образы звуков и слогов, используемых для смысловоразличения значащих единиц), **морфемы** (образы фрагментов, регулярно используемых для образования лексем).

Означаемые акустических знаков – **семема** (одно означаемое), **семантема** (совокупность означаемых одной лексемы), **синтаксема** (означаемое нормативной последовательности лексем).

Образы предметов и ситуаций – **денотаты** (вербализованные образы), **смыслы** (невербализованные образы), **концепты** (совокупность вербализованных и невербализованных образов предметов и ситуаций, образующих концептосферу человека).

Предметы и ситуации внешнего мира, получившие обозначение с помощью языковых знаков – **референты**.

Предложенная выше модель позволяет с достаточной чёткостью очертить основные сферы лингвистического изучения. Из нее видно, что лексемы и семемы образуют **систему языка**, семемы и денотаты формируют **семантическое пространство языка**, а денотаты и смыслы составляют **концептосферу человека**. Соответственно становится более определенным предмет изучения того или иного отдела языкознания.

Фонетика изучает акустемы, а фонология – образы акустем в языковом сознании человека (фонемы), из которых формируются морфемы (если они есть в данном языке) и лексемы.

Словообразование и морфология занимаются осмыслением морфем, имеющих в языке, их составом, классами и функциями.

Лексикология регистрирует лексемы, устанавливает их связи с семемами, описывает семемы, вербализованные в данном языке.

Фразеология сосредоточивается на сочетаниях лексем, выполняющих роль номинаций тех или иных образов внешнего мира.

Синтаксис описывает структурные схемы простых и элементарных сложных, а также осложненных предложений, несущих типовые пропозиции – образы ситуаций внешнего мира. Предметом синтаксиса могут служить и разнообразные синтаксемы, из которых строятся структурные схемы.

Лингвистика текста изучает более крупные языковые единства – высказывания и тексты. Они выходят за рамки лингвосомиотики, не являются знаками системы языка, и к ним вполне применимы многие постулаты общей семиотики.

С рассмотренных позиций предмет **когнитивной лингвистики** определяется так: когнитивная лингвистика изучает соотношение семем, их сочетаний, типовых пропозиций, нашедших выражение в языке, со сферой концептов (как денотатов, так и смыслов). В сферу смыслов когнитивная лингвистика выходит через лингвистику текста, располагающую средствами обнаружения имплицитных смыслов, лежащих в глубине текстов и не имеющих вербального выражения. *Через анализ языковой семантики – в сферу концептов* такова основная идея когнитивной лингвистики.

Итак, модель языковой знаковой ситуации, построенная на основе семиотических категорий, очерчивает сферу приложения категорий когнитивной лингвистики к изучению языка и мышления как одну из наиболее сложных, как сферу постижения высоких абстракций. Модель показывает, что денотаты (образы предметов и ситуаций) входят как в семантическое пространство языка, так и в область невербальных смыслов,

что они такая же часть концептосферы, как и смыслы. Не удивительно, что денотаты и смыслы свободно перетекают друг в друга. Смыслы постепенно вербализуются и становятся денотатами, а денотаты в потоке речевого общения рождают все новые и новые смыслы. Это взаимодействие идет и будет идти непрерывно, пока люди используют языковые знаки в речевой деятельности.

Если означаемые лексем (по крайней мере, денотативные семемы) конвенциональны и в основном совпадают у всех носителей конкретного языка, то образы предметов и ситуаций, не имеющие вербального воплощения, (смыслы) будут у разных людей различаться и по составу, и по содержанию. Это объясняет, почему люди не всегда понимают обращенную к ним речь или понимают ее не до конца. На этой проблеме в настоящее время сосредоточивается прагмалингвистика и другие отделы лингвистики текста. Но и в этом направлении может помочь когнитивная лингвистика. Она находит методы и приёмы раскрыть те *смыслы*, которые возникают в текстах из последовательностей, часто непредвиденных и непредсказуемых, языковых знаков. Семиотика дает когнитивной лингвистике такие возможности. Но это взаимодействие семиотики и лингвистики заслуживает отдельного обсуждения.

В следующей главе эти положения семантико-когнитивного анализа языка раскрываются более подробно.

Глава 2.

Основные категории и постулаты когнитивной лингвистики

2.1. Понятие концепта

Как отмечает С.Г.Воркачев, «в конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе» с начала 90-ых годов прошлого века столкнулись «концепт» (Арутюнова Н.Д., Аскольдов-Алексеев С.А., Лихачев Д.С., Степанов Ю.С., Нерознак В.П., Ляпин С.Х.), «лингвокультурема» (Воробьев В.В.) «мифологема» (Лехтеэнмяки М., Базылев В.Н.) «логоэпистема» (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.), «однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался «концепт», по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» (Воркачев 2004, с.41).

В настоящее время следует признать, что именно *концепт* является ключевым понятием когнитивной лингвистики. Однако, несмотря на то, что понятие *концепт* можно считать для современной когнитивистики утвердившимся, содержание этого понятия очень существенно варьирует в концепциях разных научных школ и отдельных ученых.

Дело в том, что *концепт* - категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций.

Впервые в отечественной науке термин *концепт* был употреблен С.А.Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. Ученый определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты *растение, справедливость, математические концепты*) (Аскольдов-Алексеев 1928, с.4).

Д.С.Лихачев примерно в это же время использовал понятие *концепт* для обозначения обобщенной мыслительной единицы, которая отражает и интерпретирует явления действительности в зависимости от образования, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка и, являясь своего рода обобщением различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка, позволяет общающимся

преодолевать существующие между ними индивидуальные различия в понимании слов. Концепт, по Д.С.Лихачеву, не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего. Концепт в этом плане, по Д.С.Лихачеву, выполняет заместительную функцию в языковом общении (Лихачев 1993).

Е.С. Кубрякова предлагает такое определение концепта: «*Концепт* - оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» (КСКТ, с.90 - 92).

В.И.Карасик приводит ряд подходов к концептам, развиваемых разными авторами. Среди них назовем следующие:

концепт – идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия (Степанов 1997, с.41-42);

концепт – личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения (Лихачев 1977, с.281);

концепт – это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия (Соломоник 1995, с.246);

концепт – сущность понятия, явленная в своих содержательных формах – в образе, понятии и в символе (Колесов 2004, с.19-20);

концепты – своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум трехмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный или псевдопонятийный базис (Ляпин 1977, с.16-18).

Сам В.И.Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» (Введение в когнитивную лингвистику 2004, с.59), «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» (Введение в когнитивную лингвистику 2004, с.71), «фрагмент жизненного опыта человека» (Карасик 2004, с.3), «переживаемая информация» (Карасик 2004, с.128), «квант переживаемого знания» (там же, 2004, с.361).

А.А.Залевская определяет концепт как объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) (Залевская 2001, с.39).

В одной из последних работ А.А. Залевская характеризует нейронную основу концепта – активизацию многих отдельных нейронных ансамблей, распределенных по разным участкам мозга, но входящих в единый набор. Доступ ко всем этим участкам осуществляется одновременно благодаря слову или какому-либо другому знаку. С психолингвистической точки зрения А.А. Залевская подчеркивает индивидуальную природу концепта –

многомерной симультанной структуры. Концепт – это достояние индивида, – пишет она (Залевская 2005).

С.Г.Воркачев определяет концепт как «операционную единицу мысли» (Воркачев 2004, с.43), как «единицу коллективного знания (отправляющую к высшим духовным сущностям), имеющую языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой» (Воркачев 2004, с.51-52). Если ментальное образование не имеет этнокультурной специфики, оно, по мнению ученого, к концептам не относится.

М.В.Пименова отмечает: «Что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира» (Пименова Предисловие 2004, с.8).

В.В.Красных определяет концепт так: «максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» (Красных 2003, с.272). Национальный концепт В.В.Красных определяет так: «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью (с.268); «своего рода свернутый глубинный «смысл» «предмета» (с.269).

Таким образом, в концепции В.В.Красных концепт может быть только единицей высокой степени абстракции, имеющей национально-культурную специфику, называемой словом и включающей словесные ассоциации на имя концепта.

С нашей точки зрения, ассоциативные связи имени концепта принадлежат сфере вербализации концепта и не могут входить в его содержание, а лишь отражают в языковой форме, позволяют описать его содержание. Кроме того, концепт может не иметь субстантивного наименования и вообще какого-либо языкового наименования.

В.В.Красных выделяет, кроме концепта, еще и такую когнитивную единицу как когнитивная структура.

«Когнитивные пространства и когнитивная база формируются когнитивными структурами, которые представляют собой содержательную (то есть имеющую определенное содержание-значение) форму кодирования и хранения информации. Когнитивные структуры суть определенным образом организованные и структурированные участки когнитивного пространства. Это своего рода «элементарные» единицы, то есть базисные, основные, с одной стороны, и далее неделимые и нечленимые - с другой. Когнитивные структуры формируют нашу компетенцию и лежат в ее основе»... «Когнитивная структура - неделимая и нечленимая когнитивная единица, хранящее «свернутое» знание и/или представление» (Красных 2003, с.64).

В.В.Красных разграничивает два типа когнитивных структур: «Информация, кодируемая и хранимая в виде когнитивных структур, включает в себя сведения (знания и представления) не только о реальном окружающем мире, но и знание языка и знание о языке. Следовательно, мы выделяем феноменологические и лингвистические когнитивные структуры.

Феноменологические когнитивные структуры формируют совокупность знаний и представлений о феноменах экстралингвистической и собственно лингвистической природы, т.е. об исторических событиях, реальных личностях, законах природы, произведениях искусства, в том числе и литературных, и т.д.

Лингвистические когнитивные структуры лежат в основе языковой и речевой компетенции, они формируют совокупность знаний о законах языка, о его синтаксическом строении, лексическом запасе, фонетико-фонологическом строе, о законах функционирования его единиц и построения речи на данном языке» (Красных 2003, с.64).

Соотношение понятий *концепт* и *когнитивная структура* в концепции В.В.Красных остается неразъясненным; в принципе концепт может быть определен как когнитивная структура и наоборот.

Во всех приведенных определениях концепта есть сходства – концепт определяется как дискретная, объемная в смысловом отношении единица, единица мышления или памяти, отражающая культуру народа.

Мы определяем концепт как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.*

Близкое к нашему понимание концепта предложено М.В.Пименовой: «Концепт - это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц - репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения» (Пименова Предисловие 2004, с. 10).

Концепт кодируется в сознании индивидуальным чувственным образом, выступающим как чувственный компонент содержания концепта, и

является базовой единицей универсального предметного кода человека (Выготский Л.С., Жинкин Н.И., Горелов И.Н.).

Наше определение концепта полемизирует с некоторыми признаками концепта, выделяемыми другими авторами и научными школами. Суммируем некоторые из этих «несогласий».

Так, мы полагаем, что концепты правильнее интерпретировать прежде всего как единицы мышления, а не памяти, поскольку их основное назначение – обеспечивать процесс мышления. Они выступают и как хранители информации, но являются ли они единицами памяти, еще предстоит доказать.

С нашей точки зрения, концепт не обязательно имеет языковое выражение – существует много концептов, которые не имеют устойчивого названия и при этом их концептуальный статус не вызывает сомнения (ср. есть концепт и слово *молодожены*, но нет слова «старожены», хотя такой концепт в концептосфере народа, несомненно есть).

Далеко не все концепты, как мы полагаем, «отправляют к высшим духовным сущностям» - многие концепты носят эмпирический характер (бежать, красный, окно, рука, нога, голова и под.).

Не обязательна, с нашей точки зрения, и этнокультурная специфика для концепта – есть множество концептов, у которых или нет никакой этнокультурной специфики (например, многие бытовые концепты), или она исчезающе мала, и чтобы ее найти, надо приложить исключительные усилия.

Не все концепты имеют и ценностную составляющую – с нашей точки зрения, к примеру, пространственные и временные концепты не имеют ценностной составляющей, да и во многих других случаях ценностную составляющую приходится искать «с пристрастием».

Мы не считаем также целесообразным использовать термин «ментальный лексикон» – лексикон остается в сфере языка, а концепты – единицы концептосферы, то есть сознания.

2.2. Понятие концептосферы

Важнейшим понятием когнитивной лингвистики является понятие концептосферы - области знаний, составленной из концептов как ее единиц.

Термин «концептосфера» был введен в отечественной науке академиком Д.С.Лихачевым. Концептосфера, по определению акад. Д.С. Лихачева, это совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Концептосфера народа шире семантической сферы, представленной значениями слов языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа (Лихачев 1993, с.5).

И концепты, и соответственно концептосфера – сущности ментальные (мыслительные), ненаблюдаемые. Современные научные данные убедительно подтверждают реальность существования концептосферы и концептов, а именно, реальность мышления, не опирающегося на слова (невербального мышления).

Необходимо также указать на то, что концептосфера носит, по-видимому, достаточно упорядоченный характер. Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. А.Н.Лук писал, что даже между понятиями *небо* и *чай* существует смысловая связь, которая может быть установлена, к примеру, следующим образом: небо – земля, земля – вода, вода – пить, пить – чай (Лук 1976, с.15).

Конкретный характер системных отношений концептов требует исследования, но общий принцип системности, несомненно, на национальную концептосферу распространяется, поскольку само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация предполагает упорядочение ее объектов.

Таким образом, концептосфера – *это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления.*

В.В. Красных использует термин *когнитивное пространство* и разграничивает *индивидуальное когнитивное пространство* - определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый говорящий и *коллективное когнитивное пространство* - определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум (Красных 2003, с.61). В данной концепции остается неясным различие между этими двумя видами когнитивных пространств: если индивидуальное когнитивное пространство – это то, которым обладает каждый говорящий, а коллективное – то, которым обладают все, то это одно и то же: то, чем обладает каждый и есть то, чем обладают все. Вместе с тем необходимость разграничения индивидуальной и национальной концептосфер не вызывает сомнений.

В.В.Красных предлагает также понятие *когнитивной базы*, под которой понимается определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета (Красных 2003, с.61). Ср. мысль Ю.Е. Прохорова о том, что принадлежность к определенной культуре определяется наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессах социализации индивидуумов в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии (Прохоров 1996, с. 14).

Представляется, что базовое стереотипное ядро знаний или когнитивная база народа действительно существует, но выделяется из индивидуальных концептосфер как некоторая их *часть*, в равной мере присвоенная всеми членами лингвокультурного сообщества.

Можно говорить также о существовании групповых концептосфер (профессиональная, возрастная, гендерная и т.д.). Все эти концептосферы представляют интерес для когнитивной лингвистики, можно сопоставлять групповые и индивидуальные концептосферы с национальной концептосферой, групповые концептосферы с индивидуальными, групповые и индивидуальные концептосферы друг с другом и т.д.

Широко практикуется в когнитивной лингвистике и сопоставление различных национальных концептосфер между собой, что позволяет выявить национальную специфику концептуализации сходных явлений сознанием разных народов, выявить безэквивалентные концепты и концептуальные лакуны (отсутствие концепта).

2.3. Концепт и проблема невербальности мышления

Признание концепта единицей мышления вновь ставит на повестку дня вопрос о соотношении языка и мышления: обязательны ли языковые средства для осуществления концептуального мышления?

По отношению к проблеме вербальности/невербальности мышления В.В.Красных подразделяет ученых на вербалистов и антивербалистов. К вербалистам она относит таких ученых как М.Мюллер, В.фон Гумбольдт, Ф.Шлейермахер, Ф.де Соссюр, А.А.Реформатский (Красных 2003, с.13). Добавим, что сюда же должны быть отнесены и все авторы традиционных вузовских учебников по введению в языкознание и общему языкознанию, а также по философии, вышедшие в советское время.

К антивербалистам В.В.Красных относит таких исследователей как Н.И.Жинкин, Ж.Пиаже, Б.А.Серебренников, П.Я.Гальперин. Мы бы добавили сюда также И.Н.Горелова, К.Ф.Седова (Горелов 1980, Горелов, Седов 1998).

Многие ученые занимают двойственную позицию, признавая как невербальность, так и вербальность мышления. Так, А.Н.Леонтьев и Л.С.Выготский в свое время много писали о действенном, наглядно - действенном и наглядно-образном мышлении, однако одновременно в их работах мы находим утверждения и о языковой природе сознания (Красных 2003, с.14). По нашему мнению, это связано с недостатком в тот период экспериментальных знаний о природе сознания и его связи с языком.

Однако и в современный период развития языкознания в целом и психолингвистики в частности существуют концепции, допускающие двойственную точку зрения. Так, сама В.В.Красных пишет:

«Как бы там ни было, все представленные точки зрения все-таки позволяют думать, что мышление и сознание суть феномены разные, хотя

и тесно связанные. И если трудно утверждать, что мышление осуществимо только с помощью слов, то говорить о языковой природе сознания, пожалуй, вполне допустимо (?). Тем более в рассуждениях лингвиста (?), рассматривающего речевую деятельность человека» (Красных 2003, с.15).

Получается, что если лингвист занимается речевой деятельностью, он *может* считать сознание языковым - ему так удобнее. Проблема кажется нам сложнее - подход к сознанию не может быть лингвистическим, философским, психологическим и под. - сознание едино и все науки, оперирующие этим понятием, должны опираться на естественнонаучное понятие о сознании и его связи с языком, на экспериментальные данные. В настоящее время все больше экспериментальных исследований свидетельствуют о невербальном характере сознания.

Этот вопрос подробно рассмотрен нами в ранее опубликованных работах (Попова, Стернин 2003, с.19-36; Стернин 2004, с.15-24), и мы не будем здесь подробно повторять соответствующую научную аргументацию. Ограничимся лишь суммированием общих положений, подробно изложенных нами в указанных выше работах.

Мышление осуществляется без обязательного обращения к языку. Инструментом мышления выступает универсальный предметный код, концепция которого как нейрофизиологического субстрата мышления была разработана Н.И.Жинкиным, опиравшимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л.С.Выготским. Дальнейшую разработку этой идеи осуществил И.Н.Горелов.

Единицами универсального предметного кода являются предметные чувственные образы, которые кодируют знания. Знания представлены в сознании человека концептами, а в качестве кодирующего концепт образа выступают чувственные образы, входящие в концепт как его составная часть. Таким образом, чувственная составляющая концепта кодирует содержащуюся в нем рациональную информацию, обеспечивая его функционирование как мыслительной единицы. В мыслительном процессе человек оперирует образами, которые несут и «прикрепленные» к образам рациональные знания.

Универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта.

Единицы универсального предметного кода - это чувственные представления, схемы, картины, возможно - эмоциональные состояния, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в его сознании и памяти по различным основаниям.

Образные единицы универсального предметного кода могут косвенно обнаруживать себя. Когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они непроизвольно пытаются помочь себе, изображая руками перед собой в ходе рассуждения некоторые замысловатые фигуры - как бы пытаясь изобразить, передать экзаменатору тот образ, который, как они считают, кодирует необходимую им единицу знания в их сознании и для которого

они не могут найти подходящие слова. Это, как правило, свидетельствует о незнании рационального, логического содержания концепта. Если человек не знает смысл какого-либо абстрактного понятия, он часто помогает себе объяснить это движениями руки. Видимо, он пытается опереться на образное ядро концепта, изобразить его (как, например, можно изобразить образное ядро таких концептов как *рыбь*, *зыбь*, *винтовая лестница*, *круглый*, *квадратный*, *маленький* и др.), в то время как абстрактная идея «руками» изображена быть не может.

Универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка.

Концептосфера невербальна и существует в сознании на базе УПК автономно, независимо от языковых средств ее объективации.

Из всего сказанного следует, что необходимо четко различать *слова* и *концепты*: строго говоря, было бы неверно говорить «концепт дерево» или «концепт дерева», более точно говорить: концепт, репрезентируемый в языке словом *дерево*, представленный в системе языка словом *дерево*, вербализуемый словом *дерево* и т.д.

Проблема вербальной, языковой репрезентации, объективации концептов – это особая проблема, связанная с коммуникативными потребностями индивидов, а не с существованием и функционированием концептосферы как субстрата мышления.

Мышление невербально, язык служит не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительного процесса человека; последний же есть процесс оперирования концептами.

2.4. Концептосфера и сознание. Виды сознания

Вопрос о соотношении понятий *сознание* и *мышление* остается в гуманитарных науках актуальным на протяжении многих десятилетий. В настоящее время к этим понятиям присоединились понятия *интеллект*, *концептосфера*.

Фундаментальным представляется разграничение сознания и мышления и интеллекта.

Сознание, по А.А.Леонтьеву – это «особое внутреннее движение, порождаемое движением человеческой деятельности», «рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя» (Леонтьев 1975, с.13, 97). Сознание включает чувства, эмоции, осуществляет бессознательное отражение действительности.

Мышление же рассматривается как процесс сознательного отражения действительности (Красных 2003, с.21). Мышление связано прежде всего с целенаправленным логическим познанием, с умственным отражением и недоступных для чувственного восприятий объектов и явлений.

«Таким образом, можно выстроить следующую триаду понятий: сознание - как *феномен*, как высшая форма отражения действительности, мышление - как *процесс* сознательного отражения действительности, интеллект - как *умственная способность*» (Красных 2003, с.22). Сознание есть у животных и человека, мышление и интеллект – только у человека.

Концептосфера же человека (упорядоченная совокупность ментальных единиц, отражающих познанный субъектом действительность) составляет *информационную базу* как сознания, так и мышления человека.

Последнее время все более широкое распространение получает понятие «языковое сознание». Оно используется лингвистами, психологами, культурологами, этнографами и др., ср.: Этнокультурная специфика языкового сознания. М. 1996; Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998; Языковое сознание и образ мира. М., 2000 и др. Укажем также на исследования в этой области, опубликованные в тематических сборниках «Язык и национальное сознание» (вып. 1-7, Воронеж, 1998-2005, а также в коллективной монографии «Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии» (Воронеж, 2002).

Языковое сознание описывается в настоящее время как новый объект психолингвистики, определившийся в последние 15 лет (Языковое сознание и образ мира 2000, с.24).

В одной из первых специальных работ по проблеме языкового сознания (коллективная монография «Язык и сознание: парадоксальная рациональность» под ред. Е.Ф. Тарасова, вышедшая в Институте языкознания РАН в 1993 г.), научный редактор констатирует: «в монографии «языковое сознание» и просто «сознание» используются для описания одного и того же феномена – сознания человека» (с.7).

В настоящее время такой подход уже остался в прошлом, и многие исследователи указывают, что между сознанием и языковым сознанием нельзя ставить знак равенства. Можно сказать, что понятие языкового сознания прошло за последние десятилетия определенную эволюцию. Т.Н.Ушакова совершенно справедливо отмечает, что понятие языкового сознания полезно и перспективно для исследования соотношения психики и речи, однако в настоящее время оно имеет достаточно широкое и неопределенное «референтное поле», и это «таит в себе опасность для научной мысли: при громадности проблемы связи психики и материи возникает искушение представлять переход от одного к другому как простой и непосредственный» (Языковое сознание и образ мира 2000, с.22).

В 2000 году Е.Ф.Тарасов уже дифференцирует сознание и языковое сознание, определяя последнее как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей (Языковое сознание и образ мира 2000, с.26).

Отметим, однако, что в данном определении совмещены два аспекта – формирование сознания и его овнешнение, что далеко не одно и то же.

Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется *при участии* языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само сознание в языке для функционирования не нуждается, осуществляется на универсальном предметном коде.

Что касается овнешнения сознания языком, то язык в этом случае обеспечивает возможность обмена информацией в обществе и делает содержание сознания доступным для наблюдения, но факт овнешнения сознания языком в целях коммуникации не может свидетельствовать о наличии некоторого особого *языкового* сознания – овнешняется когнитивное сознание, которое не приобретает при этом какого-либо особого «языкового» статуса.

На неудачность выражения «языковое сознание» обращал внимание еще в 1993 г. А.А.Леонтьев: «эпитет «языковой» в словосочетании «языковое сознание» не должен вводить нас в заблуждение. К языку как традиционному предмету лингвистики этот эпитет прямого отношения не имеет. Изображать язык (в традиционно-лингвистической его трактовке) как то, что опосредует отношение человека к миру – значит попадать в порочный круг» (Язык и сознание: парадоксальная рациональность 1993, с.17).

В некоторых современных лингвокогнитивных концепциях разграничение языкового и неязыкового сознания рассматривается как вопрос несущественный, как проблема терминологической традиции. Ср., например, такую точку зрения: «Говоря о языковом сознании, я имею в виду ту «ипостась» сознания, которая связана с речевой деятельностью личности» (Красных 2003, с.12). На с.15 В.В.Красных продолжает: «Говоря «языковое сознание», я имею в виду тот аспект, который непосредственно связан с процессами порождения и восприятия речи». С этим вполне можно согласиться: языковое сознание выступает здесь как ипостась, то есть как аспект, часть сознания, но не все сознание. Но далее В.В.Красных делает неожиданный вывод: «Итак, сознание (языковое сознание) имеет языковую природу, «манифестирует себя в языке» (с. 16).

С таким подходом вряд ли можно согласиться: то, что сознание имеет языковую *манифестацию*, никак не доказывает, что оно имеет языковую *природу*. К примеру, эмоции имеют языковую манифестацию, но никто не рискнет утверждать, что существование эмоций и их переживание носит языковой характер. Сознание может манифестироваться невербальными средствами, художественными средствами - например, изобразительными, музыкальными, но это не свидетельствует о музыкальном, изобразительном или жестовом характере сознания.

Для нас представляется важным, что в лингвистике и психолингвистике до сих пор не терминологизированы психические механизмы речи, обеспечивающие речевую деятельность человека, *совокупность знаний человека о своем языке*. Мы полагаем, что именно эти механизмы и знания представляют собой языковое сознание человека. В таком случае

традиционная лингвистика тоже изучает языковое сознание – правила употребления языка, нормы, упорядоченность языковых единиц в сознании и т.д., но при этом она практически не исследует *психологическую реальность выполняемых описаний*. На каком-то этапе развития традиционного языкознания этого было достаточно: достаточно этого и для традиционных методов обучения языку. Однако не на современном этапе, когда коммуникативное, антропоцентрическое направление в лингвистике стало доминирующим и у исследователей заметно повысился интерес к живому языку, к языку, функционирующему в реальной коммуникации, а не к абстрагированному от носителя «мертвому» языку, отраженному в словарях и грамматиках, разработаны новые методы исследования. в том числе психолингвистические.. Это и привело к интенсивному развитию исследований в области коммуникации, психических механизмов языка, ассоциативно-вербальных сетей (Ю.Н.Караулов), ассоциативных полей и др.

В связи с этим под *языковым сознанием* предлагается понимать совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть *ментальные механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности* человека. Это «знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений» (Этнокультурная специфика языкового сознания 1996, с.11). Изучением языкового сознания занимаются в разных аспектах психология, психолингвистика, нейролингвистика, онтолингвистика, возрастная лингвистика (ср. Языковое сознание и образ мира 2000, с.24). Подчеркнем еще раз, что языковое сознание (своими методами) изучает и традиционная описательная лингвистика.

Таким образом, языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: *порождение речи, восприятие речи* и – добавим, что очень важно - *хранение языка в сознании*. Система языковых единиц с их разнообразными значениями хранится в сознании и является принадлежностью языкового сознания, а исследование системы языка как феномена сознания есть исследование языкового сознания.

Существует несколько уровней описания языкового сознания, которые могут быть выделены.

Уровень *традиционного лингвистического описания* языкового сознания предполагает обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания. Традиционная, классическая описательная лингвистика изучает язык как систему единиц и правил их употребления. Такой подход предполагает описание того, что *есть* в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях, письменной и устной речи, что устоялось, определилось и является общепринятым. Описывается на индивидуальное в языке.

Продуктами такого описания являются определенные конструкты лингвистов, предлагающие их личное понимание значений и функций тех или иных языковых единиц, форм и структур на данном этапе развития языка. Подобное описание осуществляется в рамках традиционной фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, грамматики. Результатами таких описаний являются фонетики, словари и грамматики, которые представляют собой результат обобщения значений и употреблений языковых форм и структур, описывают наиболее типичные употребления, определяя их как нормативные для языка на данном этапе его развития.

Такое описание необходимо для фиксации и распространения языковых норм, для обучения языку, для сравнения языков, составления словарей и учебников. Однако фиксация значений и функций языковых форм в словарях и грамматиках является результатом обобщения и отвлечения от лингвистической реальности и поэтому нельзя, к примеру, как это часто делается носителями языка, утверждать, что то или иное слово в данном языке не имеет определенного значения или семантического компонента, поскольку это «не отражено в имеющихся словарях» – описание слова в словаре есть результат отвлечения от реальных употреблений слов, определенный лингвистический конструкт, который нельзя абсолютизировать. К тому же словари всегда запаздывают. Важно помнить и мысль Флобера: «Словари как часы: самый плохой лучше, чем никакой, но даже самый лучший никогда точно не показывает».

Уровень *психолингвистического описания* языковых фактов отражает результаты экспериментальных исследований, в частности, выполненных с помощью различного рода ассоциативных экспериментов и многочисленных других экспериментальных процедур (методика интервьюирования, метод субъективных дефиниций, интерпретационный эксперимент, методика семантического шкалирования, методика ранжирования и др., см. применение этих и других приемов в работах Высочина 2001, 2002; Грищук 2002, Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии 2002, с. 286-289, Язык и национальное сознание. Вып. 1-7, 1998-2005, Фридман 2004, 2005), которые позволяют выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально присутствуют в сознании носителей языка, а также выявить характер взаимодействия языковых единиц и структур в процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений.

Исследование языкового сознания возможно как на лингвистическом, так и на психолингвистическом уровнях. Оба подхода предполагают свои методы и дополняют друг друга в описании системы языка. Достоверность традиционно-лингвистического описания повысится, если оно будет включать результаты психолингвистического описания.

Возможен также уровень *нейролингвистического описания*. Это исследование языкового сознания на уровне нейрофизиологических процессов в мозге, исследование речевых зон мозга, нарушений и

патологии в функционировании речевых механизмов. Методами таких исследований являются нейрофизиологические – фиксация электрических колебаний отдельных участков мозга и подобные. Данный уровень исследования находится вне компетенции лингвистов, хотя результаты нейролингвистических исследований могут использоваться для теоретического моделирования языкового сознания.

Языковое сознание - компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека; это один из видов когнитивного сознания, обеспечивающий такой вид деятельности как оперирование речью. Однако речевая деятельность человека сама является компонентом более широкого понятия – коммуникативной деятельности человека. В связи с этим возникает проблема разграничения языкового и коммуникативного сознания.

Коммуникативное сознание – это совокупность знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека. Это коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил ведения общения. Для русского человека *это совокупность знаний о том, как надо вести общение в России*. В коммуникативное сознание входит и информация об иностранных языках – отношение к ним, их оценка, характеристика степени трудности, знания о коммуникативном поведении носителей этих языков и др.

Приведем пример разграничения языкового и коммуникативного сознания:

языковое сознание содержит информацию о *формулах приветствия* (то есть об имеющихся языковых единицах для обозначения некоторого смысла): здравствуйте, добрый день, доброе утро, привет и др., а также об их *дифференцированных значениях* – приветствие утром, вечером и т.д., вежливое, разговорное и др.; это информация, которая является принадлежностью языкового сознания русского человека;

коммуникативному сознанию принадлежит информация о том, как надо приветствовать - с каким лицом, с какой интонацией, на какой дистанции, когда и кого можно не приветствовать, кого надо приветствовать вежливо, на вы, а кого можно попроще и т.д., в каких ситуациях обязательно приветствовать, в каких – нет, надо ли повторно приветствовать в течение дня и т.д.

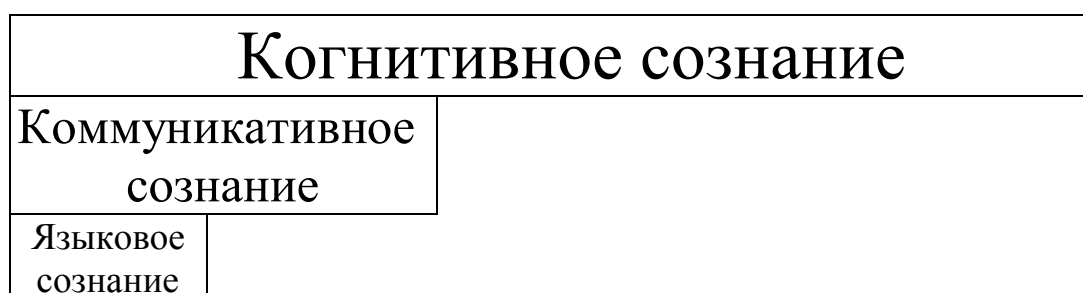
Коммуникативное сознание *включает* языковое (понимаемое в рассмотренном выше смысле) как свою составную часть, но *не исчерпывается* им. «Языковое сознание как совокупность смыслов, имеющих языковую привязку, - только часть сознания в целом, точно так же как мышление - только часть ментальных процессов, осуществляемых в сознании» (Кубрякова 2004, с.14).

Языковое сознание, как говорилось выше, исследуют традиционная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, психология, логопедия, в какой-то степени - методика обучения языку.

Коммуникативное же сознание не изучается до сих пор какой-либо специальной наукой, хотя изучение коммуникативного сознания, особенно его национальной специфики, уже назрело. Интерес к коммуникативному сознанию народа начинают проявлять культурология и лингвокультурология, этнография, этнолингвистика и новая формирующаяся наука о межкультурной коммуникации.

Подчеркнем, что коммуникативное сознание народа в целом, в единстве его языкового и чисто коммуникативного аспектов, входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа.

Соотношение когнитивного, коммуникативного и языкового сознания может быть изображено так:

Поскольку само языковое сознание является частью коммуникативного и когнитивного сознания, четкие разграничения в принципе условны и необходимы преимущественно в исследовательских целях, поскольку методики исследования когнитивного и языкового сознания совпадают лишь частично: при исследовании языкового сознания мы должны стоять исключительно на позициях языка и опираться на лингвистические факты и результаты лингвистических экспериментов; при описании концептосферы, когнитивного сознания, лингвистические методы оказываются лишь одним из способов анализа, могут быть применены и другие – культурологические, этнографические, социально-психологические и т.д., хотя лингвистические методы оказываются, с нашей точки зрения, в любом случае наиболее надежными.

Лингвисты изучают языковое сознание человека; коммуникативисты – коммуникативное сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание. Лингвокогнитологи изучают когнитивное сознание языковыми приемами и инструментами: результаты лингвистических наблюдений подвергаются когнитивной интерпретации, что позволяет моделировать концепты как единицы когнитивного сознания в опоре на полученные лингвистические данные.

2.5. Картина мира

В последнее время выражение «картина мира» получило распространение в самых различных областях гуманитарных наук.

Понятие картины мира действительно важно для современной науки, но оно требует четкого определения, поскольку вольное обращение с этим понятием не позволяет представителям разных дисциплин понять друг друга, достичь согласованности в описании картины мира средствами разных наук. Особенно важно определить это понятие для лингвистики и культурологии, которые в большей степени, чем другие науки, в последнее время используют данное понятие.

Полагаем, что к проблеме общего определения картины мира следует подойти с общенаучной, гносеологической точки зрения, что позволит разграничить принципиально разные *виды картины мира*.

Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать *упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании*.

Принципиальным представляется разграничение двух картин мира – непосредственной и опосредованной.

Непосредственная картина мира – это картина, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности. Познание осуществляется как при помощи органов чувств, так и при помощи абстрактного мышления, которым располагает человек, однако в любом случае эта картина мира не имеет «посредников» в сознании и формируется как результат непосредственного восприятия мира и его осмысления.

Непосредственная картина мира, возникающая в национальном сознании, зависит от того способа, общего метода, которым она была получена. В этом смысле картина одной и той же действительности, одного и того же мира может различаться – она может быть рациональной и чувственной; диалектической и метафизической; материалистической и идеалистической; теоретической и эмпирической, научной и «наивной», естественно-научной и религиозной; физической и химической и т.д.

Подобные картины мира являются исторически обусловленными – они зависят в своем содержании от достигнутого к тому или иному историческому этапу уровня познания; они меняются с изменением исторических условий, с достижениями науки, развитием методов познания. В отдельных обществах или слоях общества может доминировать на протяжении длительного времени какая-то одна картина мира, определяемая господствующим методом познания.

Непосредственная картина мира тесно связана с мировоззрением, но отличается от мировоззрения тем, что она представляет собой содержательное знание, в то время как мировоззрение относится скорее к системе методов познания мира. Мировоззрение определяет метод познания, а картина мира – это уже результат познания.

Непосредственная картина мира включает как содержательное, концептуальное знание о действительности, так и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех

или иных явлений действительности. Такую картину мира мы называем *когнитивной*, так как она представляет собой результат *когниции* (познания) действительности, выступает как результат деятельности когнитивного сознания и основывается на совокупности упорядоченных знаний – концептосфере. Н.М.Лебедева пишет: «Наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую «картину мира» (Лебедева 1999, с.21).

Под **когнитивной картиной мира** понимается *ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного отражения действительности в процессе мышления.*

Таким образом, *когнитивная картина мира* – это совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой.

Когнитивная картина мира в сознании личности системна и влияет на восприятие личностью окружающего мира:

предлагает классификацию элементов действительности;

предлагает приемы анализа действительности (объясняет причины явлений и событий, прогнозирует развитие явлений и событий, предсказывает последствия событий);

упорядочивает чувственный и рациональный опыт личности для его хранения в сознании, памяти.

Национальная когнитивная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа. В связи с этим национальная картина мира, с одной стороны - некоторая абстракция, а с другой - когнитивно-психологическая реальность, обнаруживающаяся в мыслительной, познавательной деятельности народа, в его поведении - физическом и вербальном. Национальная картина мира обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах.

Опосредованная картина мира – это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. Таковы языковая и художественная картины мира.

М.В.Пименова под языковой картиной мира понимает «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» (Пименова Предисловие 2004, с.5).

Мы в свете сказанного выше можем согласиться только с первой частью этого высказывания – представляется, что «способы получения и интерпретации новых знаний» будут относиться к когнитивному сознанию, когнитивной картине мира.

В.В.Красных противопоставляет картину мира и языковую картину мира следующим образом: «картина мира» и «языковая картина мира» должны быть четко разведены» (Красных 2003, с. 17).

В.В.Красных справедливо обращает внимание на то, что «...различия в языковых картинах мира далеко не всегда свидетельствуют о кардинальных различиях на определенных участках картины мира» (с. 19), например, люди различают цвета, даже если у них в языке нет для некоторых из них наименования; категория неопределенности может не иметь грамматического выражения, например, в русском языке, но передается лексически; «с другой стороны, языковая картина мира может оказывать весьма серьезное влияние на способ членения действительности, и, следовательно, на картину мира. Например, многие, кто изучал языки со сложной системой времен, знают, как трудно подчас бывает овладеть не только и не столько формами времен, сколько «способом» членения временной оси. То же справедливо и по отношению к иностранцам, пытающимся овладеть видами русского глагола» (с.21).

Языковая картина, по В.В.Красных, обозначает «мир в зеркале языка», а картина мира (образ мира) понимается как «отображение в психике человека предметной окружающей действительности» (Леонтьев 1993, с.18, Красных 2003, с. 18).

Лингвистические когнитивные структуры «самым непосредственным образом участвуют в формировании языковой картины мира, в то время как «материалом» формирования (концептуальной) картины мира служат в первую очередь феноменологические когнитивные структуры. Последние имеют (или могут иметь) вербальную «оболочку», то есть выступают в паре с лингвистическими когнитивными структурами» (Красных 2003, с.67).

Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире.

Необходимо только помнить, что это – ограниченная и к тому же «наивная» картина мира, она не передает полностью ту картину мира, которая есть в национальном сознании, поскольку язык называет и категоризирует далеко не все, что есть в сознании народа.

Кроме того, языковая картина мира в значительной степени представляет для исследователя-лингвиста лишь исторический интерес, поскольку она отражает состояние восприятия действительности, сложившееся в прошлые периоды развития языка в обществе. По языковой картине мира нельзя достоверно судить о современных представлениях этноса о мире, об актуальной концептосфере народа.

Мышление народа не опосредуется его языком, что можно считать в современной науке установленным фактом, однако оно выражается, фиксируется, номинируется, овнешняется языком, и изучение представлений о действительности, *зафиксированных в языке* определенного периода, позволяет косвенно судить о том, каково было мышление народа, реконструировать в какой-то степени в основных чертах его когнитивную картину мира в этот период.

Однако, подчеркнем еще раз со всей определенностью - языковая картина мира не равна когнитивной, последняя неизмеримо шире, поскольку названо, «оязыковано» далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации. Поэтому судить о когнитивной картине мира по языковой картине мира можно лишь в ограниченном масштабе, постоянно имея в виду, что в языке названо только то, что имело или имеет сейчас для народа *коммуникативную значимость* – об этом народ говорит или говорил. Коммуникативная значимость языковой единицы, по-видимому, связана с *ценностью* выражаемого ею концепта для культуры народа (Карасик, Слышкин 2001, с.77).

Описание картины мира, опосредованной языковыми знаками, дает существенные сведения о когнитивной картине мира, но эти сведения исследователю нужно извлекать из языка специальными приемами. Важнейшая особенность вторичной, опосредованной картины мира заключается в том, что она не влияет на человека непосредственно в акте поведенческо-мыслительной деятельности. На непосредственное мышление и поведение человека в той или иной ситуации влияет когнитивная картина мира.

Так называемое «членение мира», о котором часто говорят в связи с языковой картиной мира, осуществляется в действительности не языком, а когнитивными классификаторами, принадлежащими когнитивной картине мира. Язык вовсе не членит действительность – он отражает, фиксирует когнитивное членение, осуществляемое когнитивным сознанием и фиксируемое концептосферой народа. Язык лишь сигнализирует о таком членении.

Таким образом, изучение языковой картины мира может оставаться в рамках описательной системной лингвистики, а в случае когнитивной интерпретации результатов может выступать как инструмент изучения первичной картины мира, концептосферы народа. Еще раз подчеркнем: эти два направления в описании языковой картины мира нельзя смешивать и тем более ставить знак равенства между ними: языковая картина мира лишь частично отражает концептосферу и лишь фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо нет.

Таким образом, когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление

и его вербальное овнешнение, как содержание сознания и средство доступа исследователя к этому содержанию.

Художественная картина мира - это тоже вторичная картина мира, подобная языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения (или в сознании зрителя, слушателя - при восприятии других произведений искусства).

Картина мира в художественном тексте создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается:

в отборе элементов содержания художественного произведения;

в отборе языковых средств: использование определенных тематических групп языковых единиц, повышение или понижение частотности отдельных единиц и их групп, индивидуально-авторские языковые средства др.;

в индивидуальном использовании образных средств (система тропов).

В художественной картине мира могут быть обнаружены концепты, присущие восприятию мира только данного автора - индивидуальные концепты писателя.

Таким образом, язык выступает средством создания вторичной, художественной картины мира, которая отражает картину мира создателя художественного произведения.

В художественной картине мира могут отразиться особенности национальной картины мира – например, национальные символы, национально-специфические концепты. При этом следует всегда помнить, что художественная картина мира – вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира.

2.6. Концептосфера, менталитет, когнитивная картина мира

Термин *менталитет* в последнее время весьма частотен в работах по когнитивной лингвистике. Однако содержание этого термина до сих пор не может считаться достаточно четко определенным. Существуют самые различные, весьма противоречивые определения этого понятия, причем в словарях и справочниках они стали появляться фактически только в середине 90-х гг. Под менталитетом понимают образ мыслей, психологический склад ума, особенности мышления, характер и мн. др. Слово стало модным, и употребляют его подчас именно для моды, вне строгого определения. Ср. фразу из книги П.С. Таранова «Методы стопроцентной победы» (Симферополь, 1997): «Бумага» заменяет, замещает и подменяет человека... На этом менталитете можно сыграть» (с.17).

В когнитивной лингвистике важно разграничить понятия *менталитет* и *концептосфера*.

Менталитет мы предлагаем определить как *специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей.*

Можно говорить о менталитете личности, группы и народа (этноса). Менталитет конкретной личности обусловлен национальным, групповым менталитетом, а также факторами личного развития человека – его индивидуальным образованием, культурой, опытом восприятия и интерпретации явлений действительности. Это личные ментальные механизмы восприятия и понимания действительности.

Групповой менталитет – это особенности восприятия и понимания действительности определенными социальными, возрастными, профессиональными, гендерными и т.д. группами людей. Хорошо известно, что одни и те же факты действительности, одни и те же события могут быть по-разному восприняты в разных группах людей. Мужчины и женщины, дети и взрослые, гуманитарии и технари, богатые и бедные и т.д. весьма по-разному могут воспринимать и интерпретировать одни и те же факты. Это связано с так называемым механизмом каузальной атрибуции, то есть когнитивными стереотипами, диктующим приписывание причин тому или иному последствию, событию. Менталитет группы формируется в тесной связи с групповыми установками, действующими в группе механизмами апперцепции.

Так, известно, что игроки проигравшей команды имеют тенденцию приписывать поражение влиянию объективных факторов /плохое поле, необъективное судейство и др./, в то время как наблюдатели склонны объяснять поражение субъективными факторами /не проявили воли, не старались, не хватило скорости и др./. Победители обычно успех приписывают собственным усилиям. Ср.: «у победы масса отцов, поражение всегда сирота». Есть детская, мужская, женская «логика» и т.д. Есть менталитет определенных психологических типов людей – ср., к примеру, менталитет оптимиста и пессимиста: первый говорит «еще полбутылки осталось», а пессимист говорит «уже полбутылки нет.». Можно сказать, что менталитет имеет «автоматизированный» характер, он действует практически без контроля сознания, и поэтому во многих случаях «не объективен» - если человек хочет быть объективным, он должен сознательно преодолевать «указания» своего менталитета, свои установки, свою апперцепцию. При этом надо преодолевать и собственные ментальные стереотипы, и групповые, и национальные.

Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Ср.: американец при виде разбогатевшего человека думает: «богатый – значит умный», русский же в этом случае обычно думает: «богатый – значит вор». Понятие «новый» у американцев воспринимается как «улучшенный, лучший», у русского – как «непроверенный».

Восприятие и понимание действительности – сходные, но не совпадающие вещи. Восприятие – первый этап и основное условие понимания. Менталитет разных народов может «заставить» людей разных национальностей воспринимать по-разному одни и те же предметные ситуации. Национальный менталитет нередко как бы «побуждает» органы восприятия человека видеть одно и не замечать другое. Русский менталитет, к примеру, неизменно фиксирует покорность азиатских женщин и не замечает повышенной активности собственных, в то время как азиаты прежде всего фиксируют активность и даже агрессивность русских женщин, не замечая покорности и пассивности собственных.

Понимание воспринятого также обуславливается менталитетом. К примеру, карикатуру в китайской газете – девушка и юноша целуются на скамейке – европейский менталитет трактует как изображение распущенности молодых людей, а китайский – как критику недостатка жилплощади у китайцев.

Японские фильмы периода второй мировой войны, захваченные американцами, очень отличались от батальных лент Голливуда, где изображались победы американской армии – в японских фильмах изображалась в основном гибель людей, страдания солдат, плач матерей при получении похоронок. С точки зрения европейского восприятия, это были фильмы об ужасах войны, а вовсе не милитаристские ленты, призванные повысить дух японской армии и народа. Но японский менталитет воспринимал их по другой ментальной схеме, непонятной европейцам: «Вот видите, в каких условиях японский солдат продолжает выполнять свой долг».

Небольшое опоздание к назначенному сроку в гости русские считают проявлением уважения к хозяевам, а немцы – неуважением. Русские учащиеся понимают повторное объяснение учителем того же самого материала как стремление добиться лучшего понимания ими этого материала, как стремление помочь ученику, а финны нередко думают про такого учителя: «Он нас за дураков считает».

Менталитет и концептосфера тесно связаны и взаимодействуют в процессах мышления.

Концептосфера – сфера знаний народа – в определенной степени определяет менталитет народа (особенности восприятия и понимания действительности): образующие национальную концептосферу ментальные единицы являются основой образования когнитивных стереотипов – суждений о действительности. К примеру, наличие в русской концептосфере концепта «авось» определяет ряд ментальных стереотипов русского сознания, разрешающих непредусмотрительность в поведении.

С другой стороны, национальный менталитет направляет динамику формирования и развития концептов – имеющиеся стереотипы влияют на содержание формирующихся концептов, диктуют некоторые фиксируемые в концептах оценки явлений и событий.

Тем не менее, несмотря на тесную связь, менталитет и концептосфера – разные сущности, и их изучение требует разных методов и подходов.

Менталитет народа проявляется прежде всего в его характере, действиях, коммуникативном поведении. Менталитет формируется под влиянием экономических условий, политических изменений, социально-политических процессов, природных явлений, контактов с другими этническими группами и т.д. Изучать его надо преимущественно этнокультурологическими и этнопсихологическими методами и приемами и это не задача лингвистов и лингвокогнитологов.

Концептосфера – это сфера мысли, информационная база когнитивного сознания народа и отдельной личности. Основным источником формирования концептов – личная познавательная деятельность личности, в том числе – через ее коммуникативную деятельность (общение, чтение, учебу). Изучение концептосферы возможно психологическими, культурологическими и лингвокогнитивными методами и приемами.

В дальнейшем в нашей книге мы говорим о концептосфере и ее составляющих – концептах.

Концептосфера человека является информационной базой когнитивной картины мира, обеспечивает ее упорядоченность, структурированность и системность, обеспечивает во многом понимание воспринимаемой человеком действительности, но не исчерпывает когнитивную картину мира, которая предполагает, кроме системы ментальных единиц-опор еще и динамические механизмы познания, когнитивные стереотипы восприятия и др.

Тем не менее, роль концептосферы в когнитивной картине личности и общества трудно переоценить.

2.7. Концептосфера, семантическое пространство языка, языковая картина мира

Принципиальным для современной лингвистики представляется разграничение концептосферы и семантического пространства языка, которое многие авторы называют термином *языковая картина мира*. А.Я. Шайкевич, например, вообще не видит необходимости в термине *языковая картина мира* в отличие от термина *семантическая система* (Шайкевич 2005, с. 9).

Концептосфера – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира. Концептосфере принадлежат и когнитивные классификаторы, способствующие определенной, хотя и нежесткой организации концептосферы.

Семантическое пространство языка - это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков, совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка.

Значительная часть концептосферы народа представлена в семантическом пространстве его языка, что и делает семантическое пространство языка предметом изучения когнитивной лингвистики.

Докогнитивная семасиология установила, что семантика языка (семантическое пространство языка) – это не набор, не инвентарь семем, а сложная их система, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структурных объединений и групп, которые «упакованы» в цепочки, циклы, ветвятся как деревья, образуют поля с центром и периферией и т.п. Эти отношения отражают отношения концептов в концептосфере языка. И по отношениям между значениями в семантическом пространстве языка можно судить об отношении концептов в национальной концептосфере.

Устанавливая строение семантического пространства разных языков, лингвисты получают сведения о некоторых особенностях когнитивной деятельности человека, поскольку удастся конкретизировать содержание и структуры знаний, находящихся в концептосфере людей.

Между концептами как единицами мыслительной деятельности существуют связи - по концептуальным признакам. Они просматриваются через языковые значения, через единицы, объективирующие концепты в языке, поскольку эти связи в языке маркированы - общностью морфем, просодем, фонетических сегментов, фоносемантически, а значит, могут быть обнаружены и описаны лингвистом.

Концептосферы разных народов, как показывает изучение семантического пространства разных языков, существенно различаются и по составу концептов, и по принципам их структурирования. Лингвисты установили эти различия, занимаясь теорией перевода, типологией языков мира, контрастивным изучением двух языков в процессе преподавания иностранного языка.

В лингвистике стал азбучной истиной тезис, что по устройству одного языка нельзя изучать устройство другого так же, как по плану одного города нельзя осматривать другой город. Национальная специфика концептосферы находит свое отражение и в национальной специфике семантических пространств языков. Сходные концепты у разных народов могут быть сгруппированы по разным признакам.

Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, и в то же время дает возможность увидеть специфическое, национальное, а затем и групповое, и индивидуальное в наборе концептов и их структуризации.

Как семантическое пространство языка, так и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности. Разница между языковым значением и концептом состоит лишь в том, что языковое

значение – квант семантического пространства – прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка; концепт может овнешняться на основе альтернативных знаковых систем, таких как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др.

Итак, концептосфера – область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур и образуемое значениями языковых единиц.

Семантическое пространство языка в рассматриваемом нами смысле в современной лингвистике оказывается синонимичным понятию *языковая картина мира*, а описание семантического пространства языка представляет собой описание языковой картины мира.

Языковая картина мира создается:

номинативными средствами языка - лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, фиксирующими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц (лакунарность разных типов);

функциональными средствами языка - отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц языковой системы;

образными средствами языка - национально-специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц;

фоносемантикой языка.

В.И.Карасик (Языковой круг 2004, с.109) выделяет ряд онтологических характеристик языковой картины мира, которые могут быть выявлены на разных участках лексико-фразеологической системы языка и по которым можно осуществить сопоставление одноименных участков языковой картины мира в разных языках:

наличие имен концептов (хотя у некоторых концептов имена могут отсутствовать);

неравномерная концептуализация (разная номинативная плотность одноименных участков лексических систем);

специфическая комбинаторика ассоциативных признаков концептов (например, различие внутренней формы лексем, называющих одно и то же в разных языках);

специфика классификации определенных предметных областей (на Востоке принято преуменьшать себя в номинации, в Европе – нет);

специальная ориентация предметных областей на ту или иную сферу общения (много разговорных номинаций бесцельного передвижения в русском языке, много высоких наименований путешественников в Китае).

Описание языковой картины мира включает в себя:

описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях);

описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках);

выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка;

выявление эндемичных (выявляющихся только в одном из сравниваемых языков) единиц.

Изучение языковой картины мира само по себе имеет чисто лингвистический смысл – для описания языка как системы, для выявления того, что *есть* в языке и как составляющие язык элементы в нем упорядочены; но если исследователь интерпретирует полученные результаты для выявления обозначенных языком когнитивных структур сознания, описание языковой картины мира выходит за пределы чисто лингвистического исследования и становится частью лингвокогнитивного исследования – используется для моделирования и описания концептосферы, концептуальной картины мира. Языковые знаки, слова выступают в этом случае средством доступа к единой информационной базе человека (А.А.Залевская) – его концептосфере, являются методом выявления когнитивных структур.

Таким образом, исследование системных отношений в языке, а также исследование его национального семантического пространства – это моделирование вторичной, опосредованной, языковой картины мира. Важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками.

Когнитивная интерпретация результатов исследования языковой картины мира, описания национального семантического пространства позволяет перейти от языковой картины мира к когнитивной, к описанию национальной концептосферы.

2.8. Номинативное поле концепта

Основным постулатом когнитивной лингвистики, как уже отмечалось, является мысль о том, что концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации.

«Концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих. Чтобы восстановить структуру концепта, надо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт - (лексические единицы,

фразеологию, паремиологический фонд), включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталон, свойственные определенному языку» (Пименова Предисловие 2004, с. 9).

В связи со сказанным первостепенной задачей когнитивной лингвистики выступает получение исчерпывающего списка языковых единиц, объективирующих интересующий исследователя концепт.

Совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества, определяется нами как *номинативное поле концепта*.

Номинативное поле отличается от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики – лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок в свой состав, и не выступает при этом как структурная группировка в системе языка, представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц. Номинативное поле включает единицы всех частей речи.

Важно иметь в виду, что специализированные языковые средства существуют в языковой системе (или формируются на какой-то определенный период) для коммуникативно релевантных концептов, то есть для тех, которые являются в обществе предметом обсуждения, обмена информацией, высказывания отношения.

Одни концепты имеют обширное, легко выявляемое номинативное поле – много системных средств обозначения концепта и его признаков. Это наиболее коммуникативно релевантные концепты (мужчина, женщина, работать, счастье и под.)

Другие имеют ограниченное номинативное поле – концепты, не имеющие синонимических рядов, не имеющие гиперогипонимического характера. Это коммуникативно малорелевантные для широкого круга людей концепты, отражающие обычно узко специальные, конкретные мыслительные сущности, известные узкому кругу людей. Например, такие концепты как *мизинец, мочка уха, разводить животных* и под.

Третьи не имеют системно обнаруживаемого номинативного поля, они могут иметь только субъективные, окказиональные номинации, описания отдельных признаков концепта, индивидуально-авторские, косвенные номинации, но без названия всего концепта. Например, есть концепт *молодожены* и противоположный ему концепт, обозначающий людей, давно состоящих в браке. Последний концепт коммуникативно нерелевантен, хотя для него может быть использован ряд окказиональных единиц или ситуативных номинаций – **старожены, супруги со стажем, они не первый год женаты, они муж и жена с опытом, супруги с большим опытом семейной жизни, у них большой семейный опыт* и т.д.

Номинативное поле концепта принципиально неоднородно - оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро

номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). Так, в ядро номинативного поля концепта «руководитель» войдут *начальник, руководитель, шеф, босс, хозяин, администратор, первое лицо, власть имущий, руководить, распоряжаться, командовать, руководящий* и др., в периферию – *кричит, толстый, своевольничать, капризный, компетентный, авторитарный, всевластный* и мн.др.

Выявлению в процессе лингвокогнитивного анализа подлежат как системные, так и окказиональные, случайные, индивидуально-авторские номинативные средства, так как все они входят в номинативное поле концепта и все дают материал для когнитивной интерпретации и построения модели концепта.

В.И.Карасик разграничивает три принципиально различных способа языковой объективации концепта – обозначение, выражение и описание.

Обозначение понимается как присвоение фрагменту осмысляемой действительности наименования, специального знака. «Обозначение может иметь разные степени точности. Например, если кто-то хочет сказать, что у него болит зуб, он может уточнить это следующим образом: 1) стандартное обозначение предмета (зуб); генерализирующее обозначение (костный орган); уточняющее обозначение (клык); специальное уточняющее обозначение (нижний левый клык). Стандартное и уточняющее обозначения относятся к наивно-языковой концептуализации, генерализирующее и специальное уточняющее – к специальной сфере общения. Обозначение в сфере непредметных сущностей – это выделение качеств и процессов и присвоение им имен. Например; procrastination – откладывание на потом, перенесение на более позднее время, промедление» (Карасик 2004, с.109-110).

«Выражение концепта – это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» (с.110); «Описание концепта – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений» (с.110). Описание осуществляется дефинированием, контекстуальным анализом, этимологическим анализом, паремиологическим анализом, интервьюированием, анкетированием, комментированием (Карасик 2004, с.110-111).

Все эти способы в равной степени могут участвовать в формировании номинативного поля исследуемого концепта.

Перечислим языковые средства, которые могут входить в номинативное поле того или иного концепта и обеспечить его формирование в процессе лингвокогнитивного исследования:

прямые номинации концепта (ключевое слово-репрезентант концепта, которое избирается исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, и его системные синонимы);

производные номинации концепта (переносные, производные);

однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта; симиляры¹;

контекстуальные синонимы;

окказиональные индивидуально-авторские номинации;

устойчивые сочетания слов, синонимичные ключевому слову (*фруктовый сад, подводная лодка, капитан команды* и др.);

фразеосочетания, включающие имя концепта (*первая ласточка, железная дорога, белая ворона* и др.);

паремии (поговорки, пословицы, афоризмы) *Брань на ворота не виснет; Не обругавшись, и замка в клетки не откроешь; Кто не с нами, тот против нас; Молодо-зелено; Без труда не вынешь рыбку из пруда; Яйца курицу не учат* и др.; необходимо только помнить, что паремии не всегда отражают смысл, актуальный для современного состояния сознания, и насколько установки, выражаемые теми или иными паремиями, разделяются современным сознанием носителей языка, требует проверки;

метафорические номинации (к концепту *душа* - *душа поет, плачет, радуется, скорбит, смеется, рвется* наружу и под.);

устойчивые сравнения с ключевым словом (*высокий как столб, тупой как пробка, умный как Эйнштейн* и под.);

свободные словосочетания, номинирующие те или иные признаки, которые характеризуют концепт (*туча грозовая, большая, черная*);

ассоциативное поле (совокупность ассоциатов), полученное в результате эксперимента со словом-стимулом, именуемым концепт;

субъективные словесные дефиниции, предложенные испытуемыми как толкования предложенного им концепта;

словарные толкования языковых единиц, объективирующих концепт;

словарные статьи в энциклопедии или справочнике (информационно-экспликативные тексты);

тематические тексты (научный или научно-популярный, рассказывающий о содержании концепта);

публицистический или художественный тексты, присущими им средствами раскрывающие содержание концепта;

совокупности текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Концепты, объективируемые лексическими и фразеологическими единицами, часто называют лексическими или лексико-фразеологическими. Но важно помнить, что данное наименование

¹ Под симилярами (термин А.А.Залевской) понимаются выявляемые экспериментально лексемы, близкие по семантике в языковом сознании испытуемых, хотя они и не являются синонимами в традиционном смысле – например, *газета* и *журнал*.

характеризует *способ вербализации* концепта, а не тот факт, что концепт *является* словом или фразеологизмом.

Дискуссионным является вопрос о возможности выражения концептов синтаксическими структурами. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Прежде всего, надо выяснить, есть ли среди синтаксических структур языковые знаки или структуры создаются в речевой деятельности и тут же разрушаются, то есть устойчивыми знаками, входящими в систему языка, не являются?

Наиболее дискуссионным остается вопрос о существовании синтаксических знаков, то есть таких структур, у которых можно было бы находить и план выражения (последовательность словоформ), и план содержания (некоторый синтаксический концепт).

В лингвистике нет единого мнения о том, что считать синтаксическим знаком, какую конструкцию, какими могут быть синтаксические концепты, да и существуют ли они вообще. А.И. Смирницкий в свое время просто отрицал языковую природу предложения, считая его речевым произведением (Смирницкий 1954, с.18). В дальнейшем синтаксисты сумели отграничить речевое высказывание от языковой модели предложения и стали говорить о предложениях как о полных знаках, о высказываниях как о знаках коммуникации, а о словах как об их подзнаках (Гак 1972, с.353-355), предложение рассматривалось как комбинация знаков (Маслов 1975, с.29-30). Иначе говоря, вопрос о знаковости синтаксического построения был поставлен, но большого внимания не привлек и широкого обсуждения не получил. Лишь в последнее время вновь появились трактовки синтаксических конструкций как знаков (Бондарко 1996, с.98; Никитин 1997, с.547).

Мы исходим из того, что синтаксические построения имеют свою знаковую природу и свои означаемые – синтаксические концепты. При этом мы опираемся на понимание языка как системы, которая состоит из символов, а также операций и процессов. Получается аналогия с математическими исчислениями, в которых есть символы (цифры, буквы) и операции над ними, изображаемые специальными знаками (плюс, минус, двоеточие, корень квадратный и т.п.). При таком подходе символами языка оказываются лексемы, а знаками операций над ними являются граммы (флексии, порядок слов, просодемы и др.), используемые при составлении структурной схемы, маркирующие ее.

Структурная схема простого предложения (далее ССП) – это знак операции предцирования, а разновидности ССП – знаки разновидностей операции предцирования.

Знаки лексической системы языка (лексемы) и знаки фразеологической ее части (фразеосочетания) представляют образы вещей, понятий, явлений, их совокупностей и множеств. Их денотатами являются сущности, наблюдаемые в объективном мире или воображаемые, но мыслимые в качестве вещей или явлений.

Отношения между сущностями окружающего мира человек наблюдает и осмысливает, оформляя их в виде суждений. Эти отношения очень разнообразны, возможно - неисчерпаемы. Осмысляя их, человек может делать ошибки, получать ложные суждения. Но как бы то ни было, виды суждений различаются, и люди разнообразят структурное оформление суждений, чтобы разные виды отношений получали и разное структурное выражение.

Структурные схемы простого предложения – знаки разных видов отношений между сущностями, устанавливаемые мыслящими людьми. Именно виды отношений, осмысленные и классифицированные человеком, и являются синтаксическими концептами, стоящими за ССПП (см.: Кравченко 1997, с.11).

Вслед за многими известными учеными мы признаем различие высказываний как конкретных лексически определенных предложений, обладающих позиционной схемой, и предложений (точнее, структурных схем простого предложения) как типовых последовательностей словоформ, используемых для обозначения субъекта и предиката мысли (Падучева 1984; Богданов 1985; Арутюнова 1987; Левицкий 1995 и др.).

Высказывание, как мы уже об этом подробно писали (Попова 1996), содержит в себе позиционную схему, отражающую денотативную ситуацию, о которой идет речь - пропозицию. Пропозиция состоит из отдельных компонентов смысла – актантов и ситуантов – и отношений между ними. Для нас важно подчеркнуть, что в пропозиции нет ни главных, ни второстепенных членов, нет никакой формальной структуры. Это чисто смысловой концептуальный набор компонентов, которые говорящий стремится вербализовать (деятель, действие, инструмент, объект действия, время, место действия и т.п.)

Пропозицию описывали не раз и под разными именами. Практически тождественно нашему пониманию пропозиции у П.Адамца (1978, с.7), смысл в нашем понимании принадлежит высказыванию. Множество высказываний, содержащих одинаковые или близкие по содержанию компоненты, позволяют говорящему усмотреть некоторые обобщенные смыслы, выполнить их категоризацию, установить их типы. Для часто выражаемых смыслов вырабатываются специальные формальные средства. Такими средствами заполняются позиции, представляющие субъект и предикат суждения. Такие обобщенные смыслы – пропозиции, зафиксированные конкретными словоформами, становятся уже языковыми, категориально-системными пропозициями.

Между словоформами, обозначающими субъект и предикат мысли, устанавливается отношение, которое называют предикативным отношением или короче – предикативностью. Предикативное отношение существует только в голове человека, оно может совпадать с реальными отношениями обозначенных в суждении сущностей или не совпадать с ними, быть ложным. Предикативное отношение – это сугубо субъективная реальность.

Установление предикативного отношения между мыслительными сущностями (концептами любого рода) – естественный механизм человеческого мышления. Он описывается в разных науках под названиями «логическое суждение», «психологическое суждение», «замыкание нервных связей между нейронами в коре головного мозга» и т.п. В лингвистике также очень много пишется о предикативности. Широко известно основополагающее учение акад. В.В.Виноградова о наличии в категории предикативности таких компонентов, как модальность, время и лицо (Виноградов 1954), вошедшее во все вузовские учебники.

В свете вышесказанного мы хотели бы отметить, что в состав предикативного отношения входит и типовая пропозиция (категориально-семантический концепт, смысл), для которой и создается структурная схема простого предложения. Что же касается модальности, времени и лица, то эти семы сопутствуют выражению типовой пропозиции, она именно в этих категориях и обрабатывается, то есть представляется как реальная или ирреальная, отнесенная к тому или иному времени и лицу. Та типовая пропозиция, которая зафиксирована конкретной ССПП, и есть в нашем понимании синтаксический концепт – то отношение, которое уловлено говорящим как типовое (отношение бытия, инобытия, небытия и др.).

Одна и та же пропозиция может быть в плане выражения передана разными способами. Ср.: *утро было солнечным; утро было солнечно; сияло солнечное утро; утром ослепительно сверкало солнце* и т.д.

Пропозиция существует в совокупности всех способов своего выражения, во множестве конкретных высказываний. Об этом уже не раз писали исследователи, пытаясь как-то определить, «уловить» эту ментальную сущность, не имеющую четкого формального выражения, однако явно влияющую на многие стороны мироощущения и самоощущения говорящего человека. По определению А.В.Бондарко, смысл – это когнитивная основа лексических и грамматических значений языковых единиц и их реализаций в составе семантических комплексов, выступающих в высказывании (Бондарко 1996, с.318). Для нас важно, что А.В. Бондарко делит смыслы на языковые (категориально-системные) и речевые (там же, с.318).

Набор синтаксических концептов входит в семантическое пространство языка. Без синтаксических концептов семантическое пространство языка существовать не может, ибо знание набора концептов без знания видов отношений между ними лишает такое пространство жизни и движения.

Развитие новых ССПП происходит в составе высказываний на определенную тему. Чем чаще обсуждается людьми данная тема, чем больше на эту тему фиксируется высказываний, тем больше шансов на образование и закрепление новой ССПП, манифестирующей осознание нового концепта.

Позиционные схемы высказываний постоянно варьируются, они подвержены актуальному членению и другим факторам образования текста. Словоформы ССПП занимают две или три позиции внутри позиционной схемы высказывания, причем при анализе позиционной схемы это будут смысловые позиции (деятель, каузатор действия, признак, действие и т.п.). Позиции же субъектива и предикатива определяются только для ССПП, но не для позиционной схемы.

Так, в высказывании В ЭТУ НОЧЬ Я НЕ МОГ УСНУТЬ ДО УТРА ССПП заключена в словоформах Я НЕ МОГ УСНУТЬ. С точки зрения позиционной схемы эти словоформы представляют смыслы «лицо» и его «состояние». Прочие позиционные смыслы – время, причина действия, длительность состояния - представлены компонентами позиционной схемы, но в ССПП не входят.

Та же самая пропозиция, которая развернута в приведенном высказывании, может быть представлена и другими ССПП: В эту ночь от волнения мне не спалось до утра. Волнение не дало мне уснуть в эту ночь до утра. Их ССПП состоят из словоформ МНЕ НЕ СПАЛОСЬ; ВОЛНЕНИЕ НЕ ДАЛО МНЕ УСНУТЬ.

Иными словами, анализ позиционной схемы высказывания (речевого знака) и анализ ССПП (знака языкового) производятся на разных уровнях (подробнее см. Попова, 1996).

Позиционные схемы бесконечно разнообразны, поскольку разнообразны пропозиции, которые они представляют. Типовые же пропозиции, получившие закрепление в ССПП, относительно немногочисленны, и соответственно ССПП вполне исчислимы и обозримы.

Хотя позиционная схема высказывания и ССПП представляют разные уровни анализа, в речевом общении они существуют в неразрывном единстве. Именно в позиционных схемах время от времени формируются варианты ССПП и новые ССПП, вбирающие в себя какую-либо из словоформ, начинающую слишком часто появляться в высказываниях на определенную тему.

Таким образом, ССПП мы понимаем как знаки синтаксических концептов (типовых пропозиций), представленных в семантическом пространстве языка. Через ССПП, выделенные по принципу их информативной достаточности, исследователь, как мы думаем, может вполне объективно раскрыть состав синтаксических концептов современного языка.

Итак, пропозиция формируется в концептосфере говорящего человека.

Типовая пропозиция, застывшая в структурной схеме простого предложения, лежит в семантическом пространстве языка. Такую пропозицию мы назвали синтаксическим концептом в отличие от концептов лексических и фразеологических, которые тоже лежат в семантическом пространстве языка, но выражаются словами и фразеосочетаниями. Синтаксические концепты представляют фреймы, сценарии, они, как правило, динамичны. Но по своей мыслительной

природе они такие же концепты, как и концепты, выражаемые словами и фразеосочетаниями.

Подчеркнем, что выражение «синтаксические концепты» – такое же сокращение, как и «лексико-фразеологические концепты»: оно означает «концепты, объективируемые синтаксическими средствами».

Таким образом, номинативное поле концепта является языковым материалом, выступающим *объектом* лингвокогнитивного исследования. *Предметом* лингвокогнитивного исследования выступает семантика единиц номинативного поля концепта, которая отражает исследуемый концепт в языковом сознании носителей языка. *Целью* лингвокогнитивного исследования выступает описание соответствующего концепта.

Описание семантики единиц номинативного поля позволяет представить содержание концепта в том виде, в котором он отражен и зафиксирован в языке. Это позволит реконструировать, описать лишь часть концепта, включающую его наиболее коммуникативно релевантные признаки (и в силу этого находящие языковую объективацию).

Чем больше по объему и разнообразию представленных в нем единиц сформированное в процессе лингвокогнитивного исследования номинативное поле концепта, тем надежнее будут результаты реконструкции стоящего за данным номинативным полем концепта, тем полнее и точнее удастся описать его содержание и структуру.

2.9. Концепт и слово

Проблема соотношения слова и концепта остается одной из центральных теоретических проблем когнитивной лингвистики.

Такие исследователи как А.П.Бабушкин (в ранних своих работах), Г.Г.Слышкин, С.Г.Воркачев и ряд др. полагают, что концепт всегда имеет словесное выражение, обязательно назван словом, иначе нельзя говорить о существовании концепта. С.В.Кузлякин вообще отождествляет концепт и слово: «в число *концептов* включаются *лексемы*, значения которых составляют содержание национального языкового сознания» (Кузлякин 2005, с.177).

Мы исходим из того, что словесная номинация концепта не является обязательным условием выделения концепта как реально существующей ментальной единицы и в принципе не является обязательной для существования концепта.

Современные психолингвистические и нейролингвистические исследования показывают, что механизм мышления и механизм вербализации - разные механизмы.

Выше мы уже отмечали, что концепты могут быть вербализованы не только лексемами, но и широким кругом других языковых единиц. Кроме того, концепты могут функционировать в универсальном предметном коде человека, выполняя свои функции единиц мышления, но не находя

при этом выхода в язык и коммуникацию, поскольку некоторые из них не просто не предназначены для обсуждения с другими людьми. При этом в случае необходимости они, конечно, могут быть вербализованы - окказиональными языковыми средствами или «выражены», по В.И.Карасику, то есть описаны словесно без прямого названия самого концепта (ср. очень наглядный пример В.И.Карасика с выражением концепта «оставлять на потом» в русском языке (Карасик 2004, с.110), а также могут быть описаны исследователем в словесной форме. При этом существование вербализации не является для концепта обязательным условием его существования.

Подчеркнем, что концепт в процессе мыслительной деятельности (в соответствии с голографической гипотезой считывания информации А.А. Залевской) поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности разные признаки и их совокупности; эти признаки или совокупности признаков концепта вполне могут не иметь стандартного языкового обозначения в родном языке человека.

Любой языковой знак *представляет* концепт в языке, в общении, при этом он представляет концепт не полностью - оно своим значением представляет несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, всем номинативным полем концепта, каждое из которых раскрывает лишь его часть.

Таким образом, могут быть как вербализованным, так и невербализованным как сам концепт в целом, так и его отдельные смысловые части.

Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, непосредственно данным словом не названные. Языковая номинация, таким образом, это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Слово можно уподобить включателю – будучи воспринято, оно «включает» концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления.

Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным (поскольку значения слов, которыми он передается, известны носителями языка, отражаются в словарях).

Сопоставление с другим языком, сопоставление литературного языка с другими формами существования языка, анализ лексико-фразеологических парадигм показывают, что при наличии слова, вербализующего концепт в

одном языке, в другом языке соответствующего слова может не быть. Иначе говоря, в этом языке обнаруживается словесная лакуна.

Можно указать такие сигналы лакунарности лексической единицы (слова, устойчивого сочетания, фразеологической единицы):

- развернутая объяснительная дефиниция слова в двуязычном словаре (возможно указание – «в России», «В США» и под.);
- объяснение слова в переводном словаре перечислением синонимического ряда;
- наличие номинации за пределами литературного языка (в жаргоне, профессиональном подъязыке, диалекте, вульгарной лексике) при отсутствии единицы в литературном языке.

В связи с проблемой лексической лакунарности встает вопрос о том, означает ли *лексическая лакуна* отсутствие и соответствующего *концепта* в концептосфере данного народа. Проблема эта представляется достаточно сложной, и мы изложим здесь наши взгляды на проблему, не претендуя на ее окончательное решение.

Отсутствие стабильного языкового выражения для какого-либо концепта еще не свидетельствует о его отсутствии, так как концепты:

могут быть личными или принадлежать малой группе людей (тогда они будут иметь только личные или групповые названия, но не общеязыковые);

могут быть коммуникативно нерелевантными, то есть могут не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, хотя при этом остаются структурными единицами мышления.

Невербализованные концепты довольно трудно обнаружить.

Наиболее надежный способ выявления невербализованных концептов – контрастивные исследования, позволяющие обнаружить единицы, не имеющие переводных соответствий, в одном из языков.

Рассмотрим следующие примеры.

В русском языке при сравнении с английским языком выявляется отсутствие обозначения для следующих концептов:

«всякий нависающий над краем чего-либо предмет» - flap;

«вечер пятницы, суббота и воскресенье» - weekend;

«животное, которое держат дома для забавы» - pet;

«двухнедельный период времени» - fortnight;

«спускаться с крутизны на веревке» - ср. англ. abseil;

«отнестись благосклонно» - ср. англ. assent;

«бурно аплодировать, шумно приветствовать» - ср. англ. acclaim;

«лишенный руководства, без главы; без первой строфы (стихотворение)» - ср. англ. acephalous;

«выжженный солнцем» – adust;

«воздействие солнца, ветра, воды» – ср. англ. exposure;

«мысль, пришедшая позднее» – afterthought;

«разрешение на отлучку в университете или монастыре» - eheat;

«крутой изгиб дороги в виде буквы S» - ess;

«бюрократ от образования» - *educrat*;

«спрашивающий совета, обращающийся за советом» - *advisee*

и др.

Многочисленные примеры подобного рода см. в (Махонина, Стернина 2006).

С другой стороны, в английском языке нет обозначения для таких русских концептов, как *сутки, кипяток, борщ, щи, маячить, форточка, погорелец* и мн. др.

В русском языке относительно немецкого отсутствуют обозначения для таких концептов как:

«готовый помочь» – ср. нем. *Hilfsbereit*;

«запрет на профессию» - *Berufsverbot*;

«картонная подставка под пивную кружку» - *Bierdeckel*;

«дети одних родителей» - *Geschwister*;

«идти на высоких каблуках, постукивая ими» - *Stocken*;

«одноразовая супружеская измена» - *Seitensprung*;

«учебный текст, предварительно написанный учителем на классной доске» - *Tafelbild*;

«вечер после работы» - *Feierabend*.

В немецком языке нет лексем для обозначения таких русских концептов как *винегрет, квас, лапти, автолюбитель, добрый, кипяток, сутки, сухостой, аврал, облокотиться, однофамилец, здоровяк, ласковый, сладкоежка, именинник, тамада, беспризорник, поземка, погреб, смекалистый* и др.

Во всех этих случаях мы имеем дело с межъязыковыми лакунами. Межъязыковые лакуны делятся на мотивированные и немотивированные.

Мотивированные лакуны в языке объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре (*лапти, щи, матрешка, балалайка, вечер пятницы, суббота и воскресенье, запрет на профессию, картонная подставка под пивную кружку*).

Немотивированные лакуны не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета (*сутки, кипяток, добрый, вечер после работы, спрашивающий совета, именинник, однофамилец*).

Теперь постараемся ответить на вопрос: означает ли наличие межъязыковой лакуны отсутствие у народа концепта? Можно ли говорить об отсутствии концепта в случае межъязыковой лексической лакунарности? Можно, но только применительно к мотивированным лакунам. Английское и немецкое мышление не знакомо с концептом *щи*, поскольку сам предмет в их культурах отсутствует (мотивированная лакуна). Но, заметим, при знакомстве немца или англичанина с российской действительностью у них сразу же возникает соответствующий концепт (скорее всего в виде представления), и если возникает необходимость упомянуть данный концепт, они либо используют в своей речи варваризм, называя *щи* по-русски, либо прибегают к описательному обороту типа «русский капустный суп».

Немотивированные лакуны автоматически вовсе не свидетельствуют об отсутствии у народа соответствующего концепта, поскольку эти концепты в силу конкретных исторических или культурных причин могут просто оказаться не номинированными в данной лингвокультурной общности в силу того, что они коммуникативно нерелевантны для народа.

В некоторых случаях, однако, можно говорить и о безэквивалентности концептов. В.И.Карасик отмечает, например, что в китайском языке есть слово со значением «дурной запах, исходящий от земли» - этот концепт в русской концептосфере отсутствует; в английском сознании нет концепта «необъятная родина», который есть у русских. В английском языке, по свидетельству В.И.Карасика, есть выражение *to match fingers* – оно обозначает постукивание костяшками пальцев одной руки по костяшкам одноименных пальцев другой руки перед собой как отражение нерешительности, размышления. В русской концептосфере этого концепта нет в связи с отсутствием стандартного жеста этого типа в русской невербалике.

Причины отсутствия средств системной языковой объективации для имеющих в языке концептов – предмет для исследования. Общая причина, несомненно – отсутствие коммуникативной потребности, в результате чего не осуществлена номинация. Но отсутствие коммуникативной потребности тоже требует объяснения с позиций уклада жизни, менталитета, тематики общения и т.д., это тоже предмет для исследования и выдвижения гипотез.

Однако отношения концепта, значения (семемы) и лексемы осложняются наличием в системе языка своеобразных семантических «заготовок» для семем, которые можно обозначить термином «потенциальные семемы».

Потенциальная семема – это некий структурированный в системе языка смысл, существование которого обусловлено имеющимися в языке лексическими или лексико-грамматическими парадигмами: определенная парадигма формирует данный смысл в системе языка, подготавливает его для лексической номинации, достаточно четко формирует его компонентный состав, однако самостоятельной лексемы подобная потенциальная семема в языке так и не получает, что и оставляет ее в ранге потенциальной.

О наличии потенциальной семемы можно говорить только в том случае, если в лексической парадигме того или иного языка «*подготовлено место*» для определенного слова, хотя самого слова нет. Например, антонимическая парадигма: есть *молодожены*, но нет антонима – «старожены». Для слова *старожены* есть потенциальная семема – «люди, давно состоящие в браке» против «людей, только что вступивших в брак», есть даже словообразовательная модель, по которой слово может быть легко образовано, но в литературном языке этого слова нет.

Другие парадигмы:

глагольная парадигма лица – есть потенциальные семемы «я одержу победу», «я произвожу уборку пылесосом», «я нахожусь в подвешенном состоянии», но нет литературных лексем *победю, пылесосу, висю*;

парадигма «наименования деятелей по выполняемому действию» («тот, кто делает X»): есть мотальщики, обмотчики, но нет будильщиков, махальщиков и т.д. Нет литературного наименования лица, занимающегося пиаром, как и действия «заниматься пиаром»;

парадигма «наименования деятелей по инструменту»: есть потенциальная семема «работать лопатой», но нет «лопатчиков».

Парадигма «действие по наименованию инструмента действия»: есть потенциальная семема «убирать при помощи грабель», «копать лопатой», но нет литературных глаголов «грабить», «лопатить» и под.

Парадигма «помещение для разведения или содержания животных» – есть *телятник, обезьянник, курятник, свинарник, птичник, овчарня, псарня, конюшня*, но нет *страусятника, куропатника, рыбника* и под., хотя эти семемы потенциально в системе языка есть.

Парадигма обуславливает место для семемы в системе языка и ее семный состав, что и делает возможным существование в лексико-семантической системе потенциальных семем. О том, что потенциальные семемы являются действительно семемами, свидетельствует возможность их компонентного анализа, а также нередко наличие просторечных или шуточных номинаций этих семем, не принимаемых литературной нормой, но, тем не менее существующих в речи: *пограбить* (поработать граблями), *пылесосу, висю* и др.

Однако возможен и такой вариант – концепт есть, а значения и слова нет. В этом случае не фиксируется наличие даже потенциальной семемы, что обусловлено отсутствием соответствующей парадигмы, которая бы системно поддерживала семему и обусловила ее формирование и существование. Если такой концепт надо вербализовать, носители языка используют свободные словосочетания или объяснения.

Такие концепты не вписываются в систему имеющихся в языке лексических парадигм, являются как бы несистемными, стоят в мыслительной сфере человека «по отдельности» либо входят в очень большие парадигмы, которые оказываются неспособными к формированию потенциальных семем.

Например, приведенные выше *бурно аплодировать, спускаться по веревке с крутизны, мысль, пришедшая позднее, обращающийся за советом* и др.

В целом, видимо, возможны, следующие варианты соотношения концепта, значения и лексем:

1) Есть концепт, нет семемы, нет лексем.

Например: «ледяная дорожка на тротуаре, по которой можно, разбежавшись, прокатиться зимой», «говорить умные вещи», «сухое вещество, собирающееся в уголке глаза», «тот, кто раньше с нею был» (В.Высоцкий) и др. В русском языке нет концептов, выражающихся

немецкими словами Spass, англ. fun (оба слова примерно означают *радость, развлечение, нечто интересное, удовольствие, наслаждение и т.д., вместе взятые*).

2) Есть концепт, есть потенциальная семема, нет лексем.

Например: «люди, давно состоящие в браке» - ср. старожены, «заниматься пиаром», «лицо, занимающееся пиаром», «лицо, получающее работу» - ср. отсутствие «работодателя» при наличии «работодателя») и др.

Сюда же относятся так называемые *иллогизмы* (Быкова 2000): они обусловлены отсутствием потребности в предмете. Так, в парадигме «специалист по разведению животных» есть *кролиководы, животноводы, овцеводы* и др., но нет лексем для обозначения специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т.д., поскольку эти профессии не востребованы. Соответствующие концепты есть, есть потенциальные семемы, но нет лексем.

3) Есть концепт, есть семема, есть лексема.

Обычные слова языка – *окно, читать, идти, хлеб* и т.д.

Возможно отсутствие концепта в концептосфере отдельного народа. Так, в русском сознании нет концепта «уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука» (яп. саби), не сформировались свойственные англоамериканской концептосфере концепты, именуемые в русском языке с помощью калькированных переводов: *приватность, политическая корректность, качество жизни, сохранить лицо собеседника*, только начинает на базе заимствованного слова формироваться концепт *толерантность*. Чисто русские концепты – *духовность, интеллигенция, непотворение, разговор по душам, авось*, их нет в концептосферах других народов.

Концепты могут быть внесены в национальную концептосферу из другой концептосферы – национальной (*толерантность, политкорректность, приватность*) или социальной (*беспредел, крыша, авторитет, опустить* и др. – из криминальной сферы). В таком случае концепт формируется на базе значения соответствующего слова, и лишь потом, обрастая новыми смыслами и углубляясь, начинает самостоятельную ментальную жизнь.

Обычно заимствованные концепты относятся к разряду одиночных, индивидуальных – им не сразу находится парадигма в русском языке, не сразу формируется семный состав соответствующего слова, они долго выражаются описательными оборотами, сопровождаются пояснениями и т.д.

Концепт может быть и чисто субъективным, личностным, тогда он в любом случае нуждается в развернутом тексте для экспликации; такие концепты часто бывает трудно понять («не понимаю, что ты имеешь в виду ...»).

Проблему соотношения слова и концепта осложняет тот факт, что кроме концептов, выявляющихся при анализе лексических единиц, существуют

концепты, не выражаемые какими-либо отдельными лексическими единицами и обнаруживающиеся лишь в результате логико-семантического анализа классов и парадигм лексических единиц.

К таким концептам относятся в первую очередь классифицирующие – используемые для классификации различных предметов и явлений действительности. Большинство обобщающих классифицирующих концептов в сознании носителя языка не связано с какими-либо конкретными наименованиями, ср.: «наименования предметов природы», «наименования искусственных предметов», «психические качества человека», «индивидуальные особенности голоса», «наименования цветовых оттенков», «средства передвижения по воде», «получение информации в ответ на запрос» и мн. др. подобного типа.

Эти концепты выявляются в процессе семантического анализа и классификации лексических единиц, при анализе лексико-семантических парадигм. Носитель языка прекрасно понимает, что такое «цветовой оттенок» или «наименование искусственных (созданных руками человека) предметов», при необходимости может оперировать этими концептами в мышлении, хотя в языке эти концепты, как правило, не названы, а описательное обозначение их конструируется обычно только лингвистами в процессе лингвистического анализа лексических микросистем.

Следует также различать актуальные и неактуальные концепты. *Актуальные* концепты регулярно вербализуются, они нужны и для мышления, и для коммуникации. *Неактуальные* концепты нужны в основном для мышления, они редко вербализуются (например, концепты «верхний угол комнаты», «нижний угол комнаты», «левая боковина дивана», «правая боковина дивана» и т.д. Неактуальные в национальной концептосфере концепты могут быть актуальными в групповой и личностной концептосферах и наоборот.

Итак, по соотношению слова с концептом следует разделять *лексические, семантические и когнитивные (концептуальные)* лакуны.

Лексическая лакуна есть отсутствие слова или устойчивого словосочетания, фразеологической единицы в лексико-семантической системе языка при наличии соответствующей потенциальной семемы в условиях имеющейся в языке лексической парадигмы («старожены», «победю», «пылесосу») и при наличии концепта. В этом случае нет лексем.

Семантическая лакуна – отсутствие слова и семемы («спрашивающий совета», «спускаться с крутизны на веревке») при наличии концепта. В этом случае нет слова в целом, то есть в языке вообще не представлено соответствующее значение.

Когнитивные (концептуальные) лакуны – отсутствие слова и концепта (лакуна названа когнитивной потому, что соответствующее явление не познано народом, не концептуализировано - *приватность, уединенное молчание на природе, политическая корректность, толерантность, умение жить в удовольствии*).

По системной принадлежности выделяют два основных типа лакун – *внутриязыковые* (отсутствие слова в языке, выявляемое на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы) и *межъязыковые* лакуны (отсутствие лексической единицы в одном из языков при ее наличии в другом).

В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, то есть пустых мест, не заполненных в лексико-фразеологической системе языка – хотя близкие по значению лексемы могут присутствовать. Например, в русском языке есть слово «старшекласник», но нет узуальной единицы для обозначения учащихся младших классов; есть слова, обозначающие концепт «сообщение о негативных фактах» (жалоба, донос, кляуза, «телега»), но нет обозначения для сообщения о положительных фактах; представлен в лексической системе концепт «заочно передаваемая негативная информация» (сплетни, слухи), но не обозначен концепт «заочно передаваемая положительная информация»; аналогично, не обозначены в русской лексико-фразеологической системе такие концепты, как «говорить в медленном темпе», «говорить о важных вещах или проблемах», «сказать к месту, своевременно», «говорить, сообщая правдивую информацию», «говорить умные вещи», «говорить, выражая информацию прямо, без намеков или обиняков» и мн. др.

Лексически невыраженные концепты, представленные внутриязыковыми лакунами, существуют в национальном сознании, отражают явления, присутствующие в национальной действительности. Причины их лексической невыраженности – коммуникативного, а не концептуального порядка.

Лакуны, если необходимо выразить соответствующий концепт в речи, *компенсируются*, то есть заполняются «временными» средствами языка – свободными сочетаниями, развернутыми объяснениями и т.д. Если компенсация осуществляется достаточно регулярно, соответствующее выражение может впоследствии стать номинацией концепта – напр. *лосьон после бритья* (aftershave), *несчастный случай* (accident).

То, что словами можно объяснить практически любой концепт (правда, объяснение может потребовать большого объема коммуникативных средств, вплоть до текста), говорит не о том, что в данном случае нет лакуны, а о том, что любая лакуна может быть *компенсирована*.

Практика общей переводимости любого текста на любой язык – свидетельство невербальности концептуального мышления и возможности компенсации любой лакуны.

Необходимость использования разных лексических средств для компенсации лакуны – ср. нем. *Hilfsbereit* «готовый помочь» – «он всегда готов помочь», «он всегда готов придти на помощь», «он очень добрый», «он сердечный человек» и т.д. – свидетельство того, что концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства для его компенсации, и каждое из них раскрывает лишь какую-то его часть; только в

совокупности они могут достаточно полно передать содержание концепта в речи.

Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в разных способах вербализации одного и того же концепта, в степени подробности или обобщенности его репрезентации концепта, в количестве и наборе лексем, фразеосочетаний, номинирующих концепт, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке. Таким образом, может быть выявлена национальная специфика репрезентации концепта в разных языках.

Исследование показывает, что высший уровень концептуализации действительности представлен субстантивными формами вербализации концептов, так как в этом случае неязыковые сущности репрезентированы в абсолютизированном ментальном виде. Субстантивная фиксация концепта в языке свидетельствует о надежной концептуализации явления, максимально абстрагированной от ситуации, и максимальной коммуникативной востребованности концепта. Глагол представляет меньшую степени абстракции и соответственно, более низкий уровень концептуализации, как и наречие, и прилагательное.

Подведем итог. Отсутствие лексической единицы (внутриязыковая или межъязыковая лакуна) не означает отсутствия в сознании народа соответствующего концепта, за исключением случаев мотивированных межъязыковых лакун при отсутствии у народа конкретных предметов или явлений.

Лексическая объективация по отношению к тому или иному концепту – вещь вовсе не обязательная. Наличие или отсутствие концепта прямо не связано с наличием или отсутствием в языке номинирующих его единиц, так как концепты возникают как результат отражения действительности сознанием и зависят поэтому от действительности, а не от языка.

В системе языка номинируется все то, что является или становится в обществе предметом обсуждения, но вовсе не все то, что становится предметом мышления. Таким образом, наличие концепта как единицы мышления не предполагает в обязательном порядке наличия в языке единицы, обозначающей данный концепт.

Наличие концепта в концептосфере народа и наличие языковой единицы для сообщения об этом концепте – вещи относительно самостоятельные. Наличие языковой единицы всегда свидетельствует о наличии у народа некоего концепта, но для существования концепта как ментальной единицы ее системная языковая объективация не обязательна.

2.10. Концепт и значение

Осмыслить соотношение концепта и значения слова очень важно, так как от этого зависит как определение предмета когнитивной лингвистики, так

и разработка методов анализа семантики языка. Обратимся к предложенной нами модели знаковой ситуации для языкового знака (с.18).

Модель показывает, что значения помещаются в области пересечения сферы акустических образов и образов предметов и ситуаций. Концепты помещаются только в области образов предметов и ситуаций. Для значений разные авторы, как мы уже сказали, используют термины *значение*, *десигнат*, *семема*, а для концептов – *денотат*, *смысл*, *концепт*.

В нашем изложении для лексического значения используются термины *семема* (один семантический вариант лексемы) и *семантема* (совокупность всех семем одной лексемы). Что касается терминов *денотат*, *смысл*, *концепт*, то мы их разграничиваем: *денотаты* – вербализованные образы предметов, *смыслы* – невербализованные образы объектов внешнего мира, а *концепты* – совокупность всех вербализованных и невербализованных образов предметов и ситуаций внешнего мира.

Сложности в разграничении **значения и концепта** определяются в зоне их пересечения, они и требуют развернутого обсуждения.

Общие черты значения и концепта

Сознание человека, локализуясь в мозге, отражает объективную и субъективную действительность.

Концепт и значение в равной мере представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). Оба явления – значение и концепт – когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека.

Когнитивные признаки, образующие содержание концепта, отражают определенные стороны явлений реальной действительности. Значение слова, семема также имеет когнитивный характер – оно состоит из сем, репрезентирующих, представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

В связи с этим употребляющееся в некоторых направлениях когнитивных исследований словосочетание *когнитивная семантика* представляется тавтологией (типа *коммуникативное общение*), поскольку семантика некогнитивной быть не может – она отражает результаты когниции окружающей действительности.

Различия между значением и концептом

Значение и концепт – продукты деятельности разных видов сознания.

Мы уже обозначили выше различие между *когнитивным* и языковым *сознанием* человека (раздел 2.4 данной главы). Проведенное разграничение позволяет противопоставить концепты и значения как ментальные единицы, вычлняемые, соответственно, в когнитивном и языковом сознании человека и образующие само содержание этих видов сознания.

Концепт – продукт когнитивного сознания человека, значение – продукт языкового сознания.

Особенность семантики языковых единиц в том, что семантика не просто отражает действительность, как концепт, это общеизвестная и коммуникативно релевантная часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации.

Отношения между значением и концептом

Значение по отношению к концепту выступает как его часть, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая в общении коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта.

«Соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга. Компоненты лексического значения выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Концепт объемнее лексического значения слова... Структура концепта гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова», подчеркивает М.В.Пименова (Пименова Предисловие 2004, с.7).

Значение (семема) своими семемами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации всего содержания концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – значения многих слов, а также необходимы экспериментальные исследования, которые дополняют результаты лингвистического анализа.

Таким образом, значение и концепт соотносятся как коммуникативно релевантная часть и ментальное целое.

Однако психолингвистический анализ семантики слова усложняет анализируемую проблему. Дело в том, что значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается объемнее и глубже, чем его представление в словарях, на которое обычно опираются лингвисты в анализе семантики единиц языка. Это позволяет говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах.

Как известно, еще А.А.Потебня разграничивал общеизвестное, «народное», «ближайшее» значение слова и «дальнейшее», личное, включающее эмоциональные, чувственные, научно-познавательные признаки. А.А. Потебня настаивал на том, что языковеды должны изучать только ближайшее значение, что отражает лингвистические представления того времени: изучается то, что вербализовано (Карасик 2004, с.37). В языкознании это требование в основном соблюдалось на протяжении примерно столетия. Однако сформировавшиеся в конце XX века принцип глобализма и антропоцентрический подход к языку изменили и исследовательскую парадигму – распространение сферы интересов

семасиологов и когнитивистов и на дальнейшее значение слова стало общераспространенным принципом анализа в языкознании и смежных науках. Дальнейшее значение неизмеримо ближе к концепту, чем ближайшее, и интерес к нему когнитологов и лингвокогнитологов понятен.

В связи с этим считаем необходимым терминологически разграничить два типа значений – значение, представленное в толковом словаре и значение, представленное в сознании носителя языка.

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редукционизм выступает в данном случае в двух ипостасях – как логический и как описательный. Логический редукционизм связан с идеей о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически вычлененных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность. Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности.

«Значение языкового знака должно выводиться из наблюдаемых фактов его употребления. Об этом писал Б. Рассел: «слово имеет значение (более или менее неопределенное), но это значение можно установить только через наблюдение над его употреблением, употребление дано первым и значение извлекается из него» (Russel B. An inquiry into meaning and truth. N.Y., 1940, p.256) (Пименова Монография 2004, с.8-9). Добавим, что из значения, сформулированного на базе наблюдений за его употреблением, должны быть исключены окказиональные, случайные, индивидуально-авторские семантические компоненты, которые могут быть выявлены в некоторых контекстах, и оставлено только повторяющееся, общеизвестное. Именно таким образом формулируются лексикографические значения слов.

Получаемое в результате применения принципа редукционизма при составлении словарной дефиниции значение мы называем *лексикографическим*, поскольку оно сформулировано (смоделировано) лексикографами специально для представления слова в словарях. Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф фактически априори исходит из того, что именно в определенном лексикографами семантическом объеме употребляет и понимает данное слово основная часть носителей языка. Однако, как уже упоминалось, любые психолингвистические эксперименты, как и многочисленные наблюдения над текстовым употреблением слова, повседневная практика разговорного словоупотребления легко опровергают данное представление о значении.

Вызывает также многочисленные вопросы и идея о том, что включенные лексикографами в дефиницию слова признаки отражают существенные дифференциальные признаки называемых предметов и явлений. Как правило, это можно с определенной долей надежности констатировать для дефиниций научных терминов; для большинства же общеупотребительных слов признаки, образующие лексикографическое описание значения, могут вообще не иметь отношения к категории существенности, поскольку для многих объектов (в особенности для натурфактов) это понятие просто неприменимо. Например, какие существенные признаки есть у зайца, собаки, яблока, березы, моркови, лужи, озера? Те признаки, которые можно выделить для этих предметов как существенные, в действительности сплошь и рядом оказываются существенными не для зайца, яблока и т.д., а для людей, использующих эти предметы, и в силу этого существенность данных признаков весьма относительна.

Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот, – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть очень и очень периферийными, а их яркость в сознании носителей языка оказывается исчезающе мала.

Сказанное нисколько не умаляет достижений лексикографов, не ставит под сомнение необходимость толковых словарей – они соответствуют своему назначению «натолкнуть» читателя на узнавание слова (как отмечал С.И.Ожегов, никто не будет с толковым словарем в руках определять, какая птица пролетела), но свидетельствует о несводимости значения слова к его словарному толкованию.

Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, (ср., к примеру, признаки «слабая», «капризная» и др. в значении слова «женщина»), постоянно обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д., лексикографам и лексикологам, работающим над словарными дефинициями, приходится идти на определенные уловки – признавать возможность наличия у слова дополнительных «оттенков значения», периферийных, потенциальных и т.д. семантических компонентов, не фиксируемых словарными определениями слов.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – *психологически реального (или психолингвистического) значения* слова.

Психолингвистическое значение слова – это *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка*. Это тот объем

семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков - более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психолингвистическое значение структурировано по полювому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости.

Психологически реальное значение теоретически может быть выявлено и описано в своих основных чертах в результате исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова (что, правда, мало вероятно технически; всегда остается возможность, что некоторые семантические компоненты в проанализированном массиве контекстов не нашли актуализации), а также оно может быть с достаточной эффективностью выявлено экспериментальным путем – комплексом психолингвистических экспериментов со словом.

Психолингвистическое значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение).

Проблема описания лексикографического и психологически реального значения связана с проблемой разграничения значения и смысла, которое имеет давнюю психологическую и психолингвистическую традицию.

Значение представляет собой определенное отражение действительности, закрепленное языковым знаком. Значение, по А.Н.Леонтьеву, это то, что открывается в предмете или явлении объективно, в системе объективных связей, взаимодействия предмета с другими предметами. Значение благодаря тому, что оно обозначено знаком, приобретает устойчивость и входит в содержание общественного сознания (Леонтьев 1972, с.288-289), в значениях «представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений. раскрытых общественной практикой» (Леонтьев 1975, с.140-141). «Значение есть та форма, в которой отдельный человек овладевает *обобщенным* и отраженным человеческим опытом» (Красных 2003, с.34).

Конкретная личность, овладевшая значениями, включает их в свою деятельность, возникают определенные отношения носителя языка к данному значению, и оно приобретает для данной личности *смысл*, который представляет собой факт индивидуального сознания. Смысл есть «отражение фрагмента действительности в сознании через призму того места, которое этот фрагмент действительности занимает в деятельности данного субъекта» (Леонтьев Язык 1969, с.216), «отношение субъекта к осознаваемым объективным явлениям» (Красных 2003, с.35).

Смысл не содержится потенциально в значении и не может возникнуть в сознании из значения: он «порождается не значением, а жизнью» (Леонтьев 1947, с.27).

Как подчеркивает В.В.Красных, «смысл зависит не только от индивидуального опыта и конкретной ситуации. В значительной мере он

связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью данного человека» (Красных 2003, с.35).

Е.Ф.Тарасов указывает, что учение А.Н.Леонтьева об образующих сознания (значение, смысл, чувственное содержание) позволяет сформулировать положение о том, что «тело знака (означающее) связано в общественном сознании со значением (общественно закрепленным знанием), а в индивидуальном сознании - с чувственной тканью и смыслом» (Тарасов 1993, с.11-12).

Разграничение значения, смысла и образа важно и принципиально для понимания процессов становления сознания, описания его структуры. Для *экспериментального* изучения *языкового* сознания противопоставление значения и смысла, а также значения и образа оказывается нерелевантным, поскольку экспериментальному исследованию подвергается индивидуальное сознание носителей языка, в котором образность, системное значение и индивидуальный смысл выступают нерасчлененно как психологически реальное содержание слова. Кроме того, в практике психолингвистического и традиционно-семантического исследования разграничение значения и смысла невозможно, поскольку, как отмечалось, многие семантические компоненты, как и значения в целом, имеют «групповую» привязку, носят групповой характер, что традиционно затрудняет лексикографическое описание значения в полноте его смыслового содержания как некоего общепринятого в обществе в целом семантического феномена.

Мы согласны с точкой зрения В.В.Красных, которая, развивая концепцию Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева, приходит к выводу, что «значение должно изучаться именно как обобщение», а «адекватная характеристика обобщения заключается в раскрытии его строения» (Красных 2003, с.36).

Таким образом, экспериментальное изучение значения предполагает выделение и описание всех семантических признаков, образующих его структуру в индивидуальном сознании.

Применительно к значению как компоненту реального языкового сознания носителя языка (психолингвистическому значению) можно говорить лишь о ядерных и периферийных семантических компонентах и семемах.

Содержание же *концепта* шире как лексикографического, так и психолингвистического значения.

В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и признаки, которые отражают общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, они могут и не обнаруживаться в его речи и не осознаваться немедленно при предъявлении соответствующего слова, но являются достоянием личного или коллективного опыта.

Для выявления многих концептуальных признаков нужна рефлексия носителя языка.

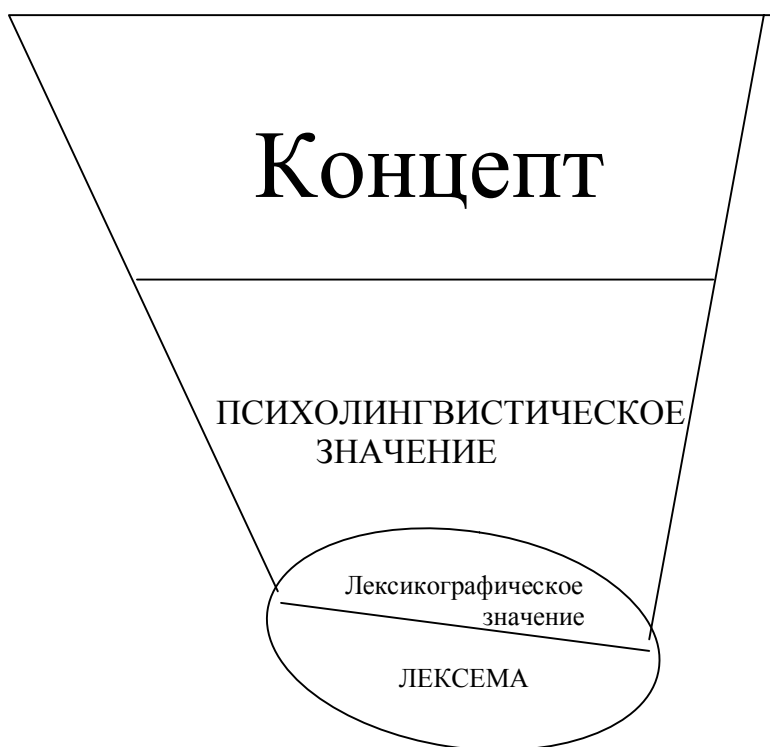
Знания, образующие концепт, представлены и упорядочены в виде поля.

Отдельные компоненты концепта могут быть названы в языке различными средствами, совокупность которых мы обозначили термином *номинативное поле концепта*.

Графически соотношение концепта и значения представлено на рис. 1 и 2.

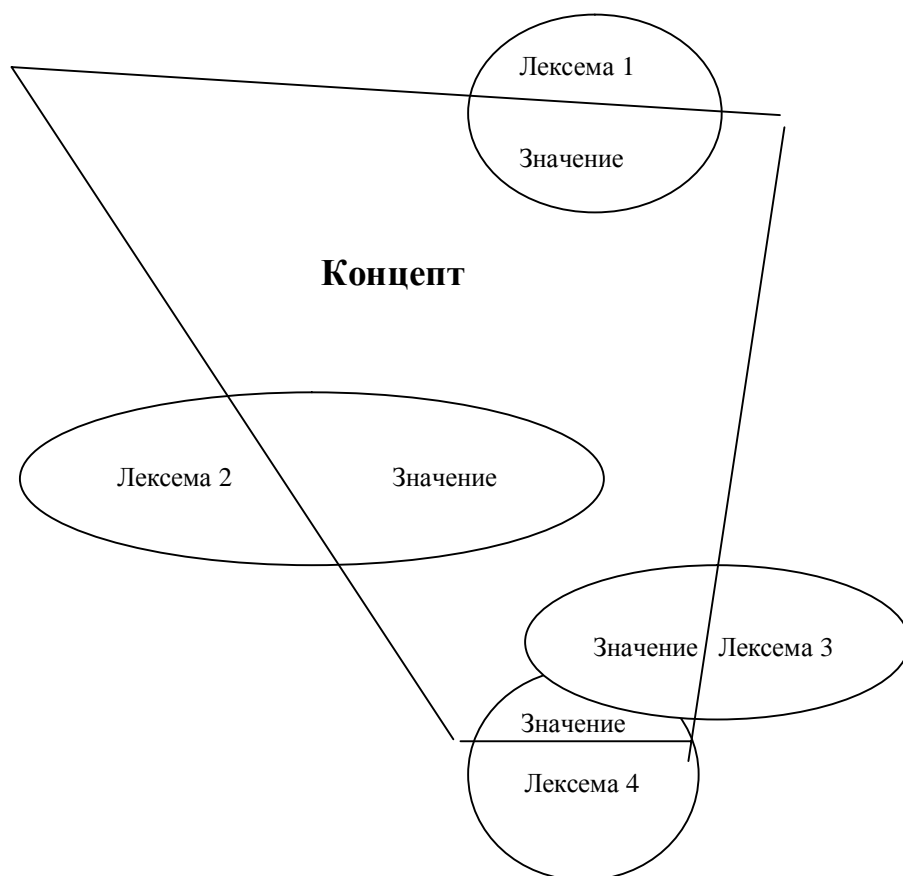
На рис. 1 показан весь объем концепта и разные виды значения – психолингвистическое и лексикографическое – как части этого содержания.

Рис. 1. Типы значений в объеме концепта

На рис. 2 показано, что значения слов, номинирующих концепт, совпадают с некоторыми частями, фрагментами содержания концепта, но ни одно из них не покрывает содержание концепта целиком.

Рис.2. Значения слов – номинантов концепта как части содержания концепта

Можно следующим образом суммировать основные различия между разными видами значения и концептом.

Лексикографическое значение	Психолингвистическое значение	Концепт
Описывается интроспективными, контекстуальными, логическими методами, традиционными методами семного	Описание значения основано на обобщении результатов экспериментальных исследований с учетом только первой реакции испытуемых	Описывается интроспективными, логическими, контекстуальными, культурологическими, традиционными методами семного

анализа и не предполагает экспериментальной проверки, обращения к носителям языка		анализа, а также экспериментальными приемами с учетом нескольких реакций испытуемых
---	--	---

Формулируется логически как перечисление существенных дифференциальных признаков	Выявляется семной и семемной интерпретацией экспериментального языкового материала	Выявляется когнитивной интерпретацией экспериментального языкового материала
Отдельные значения вычлняются на основе различной денотативной отнесенности	Отдельные значения выявляются по денотативной отнесенности групп выявленных семантических компонентов	Не делится на значения, имеет целостный интегральный характер
Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Не предполагает обязательной связной формулировки, перечисляются составляющие концепт когнитивные признаки по убыванию яркости
Все семантические компоненты, вошедшие в дефиницию каждого значения, априори считаются ядерными	Ядро и периферия выделяются в каждом значении отдельно	Ядро и периферия выделяются в содержании концепта в целом
Содержит семемы и семы	Содержит семемы и семы	Содержит когнитивные признаки
Семы упорядочиваются семантическими признаками	Семы упорядочиваются семантическими признаками	Когнитивные признаки упорядочиваются когнитивными классификационными признаками
Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого	Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого конкретной звуковой	Характеризует смысловое содержание, объективируемое группой языковых

конкретной звуковой оболочкой	оболочкой	средств (номинативным полем концепта)
-------------------------------	-----------	--

Включает компоненты, приписанные значению лексикографом	Включает семантические компоненты, актуально связываемые в данный период развития языка с данным словом в сознании испытуемых	Включает как актуально осознаваемые, так и извлекаемые из долговременной памяти путем рефлексии когнитивные признаки
Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных от основного, главного к производным и переносным значениям	Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных по полювому принципу - по убыванию яркости отдельных значений	Структурно представляет собой образ, информационное содержание и интерпретационное поле; признаки данных структурных компонентов концепта упорядочиваются по убыванию яркости в структуре концепта

Таким образом, значение слова как единицы языкового сознания может быть описано на двух уровнях – как лексикографическое (методами традиционной семасиологии) и психологически реальное значение (методами экспериментальной семасиологии и психолингвистики), а концепт описывается лингвистами как единица когнитивного сознания (концептосферы) народа (лингвокогнитивными методами).

Значение – единица семантического пространства языка, то есть элемент упорядоченной совокупности, системы значений конкретного языка. Значение включает сравнительно небольшое количество семантических признаков (сем), которые являются общеизвестными для данного социума и связаны с функционированием соответствующей звуковой оболочки (лексемы). Семантика слова обеспечивает взаимопонимание народа в процессе коммуникации.

Концепт – единица концептосферы, то есть организованной совокупности единиц мышления народа. Концепт включает все ментальные признаки того или иного явления, которые отражены сознанием народа на данном этапе его развития. Концепт обеспечивает осмысление действительности сознанием.

Лингвисты, изучающие языковые значения, изучают языковое сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание; лингвокогнитологи изучают когнитивное сознание языковыми приемами и инструментами.

Описание значения как факта языкового сознания – задача семасиологии как отрасли языкознания; описание концепта через язык как единицы когнитивного сознания - задача лингвокогнитологии.

2.11. Структура концепта

Структуризация концепта, его неоднородность стали очевидны исследователям с самого начала когнитивных исследований. Мнения об основных компонентах концептов высказывались различные.

Так, Ю.С.Степанов вычленяет в концепте обиходную, общеизвестную сущность, сущность, известную отдельным носителям языка и историческую, этимологическую информацию. Так, в концепте «8 марта» исследователь выделял информацию «женский день» (обиходная сущность), «день защиты прав женщин» (известно отдельным носителям языка) и «учрежден по предложению К.Цеткин» (историческая информация) (Степанов 1997).

С.Г.Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимостную составляющую - этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка (Воркачев 2004, с.7).

В.И.Карасик различает в структуре концепта образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) (Карасик 2004, с.118).

Г.Г.Слышкин вычленяет в структуре концепта четыре зоны – основные (интразону, экстразону) и дополнительные - квазизону и квазиэкстразону (Слышкин Автореферат 2004, с.6,17-18). Интразона – это признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата (медведь – любит мед, косолапый, сильный, кудрявый хвост, главенствует в лесу, его дрессируют и др.), в экстразону входят признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений (ленив (*силен медведь, да в болоте лежит*), тяжелый (медведь – каток для укладки дороги), обилие шерсти (*брови, что медведь лежат*) и под.) Квазиинтразона и квазиэкстразона связаны с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов и др. (Слышкин Монография 2004, с.65-66)

М.В.Никитин вычленяет в концепте образ, понятие, когнитивный импликационал и прагматический импликационал (Никитин 2004, с.59-60).

Обращает на себя внимание, что большинство исследователей вычлениют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах.

Опыт наших исследований и опыт исследований наших учеников позволяет нам говорить о трех базовых структурных компонентах (элементах) концепта – образе, информационном содержании и интерпретационном поле.

Поясним наше понимание структуры концепта.

Образ

Наличие в концепте образного компонента определяется самим нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода.

Чувственный образ обнаруживается и в лексикографическом значении многих слов (красный, кислый, теплый, прямоугольный и т.д. – подобные единицы метаязыка входят в словарные толкования многих слов), он может обнаруживаться и в психолингвистическом значении в ходе экспериментов, либо только в чисто когнитивной, невербализуемой составляющей концепта.

Экспериментальное исследование показало, что, например, наиболее яркие наглядные образы у носителей русского языка связаны с названиями астрономических тел, транспортных средств, предметов быта, времен года, месяцев, времени суток, наименований частей тела человека и животных, названий лиц по родственным отношениям, наименований растений, приборов и аппаратов, печатных изданий, частей ландшафта. Максимально яркие образы были выявлены для таких единиц как *солнце, луна, кровь, автобус, стол, ночь, зуб, уголь, бабушка, мать, трава, парта, телефон, ключ, книга, лес, магазин, дождь, собака, яблоко, журнал, чай, очки, улица, газета, голубь*.

Интересно, что те или иные образы обнаружены и для абстрактной лексики – они тоже имеют чувственный характер, но более субъективны, резче различаются у разных испытуемых: религия – *церковь, монахи, молящиеся люди, иконы, библия, свечи*; молчание – *люди со сжатыми губами и выразительными глазами, пустая комната, тишина*; быт – *мытьё посуды на кухне, телевизор в доме, уборка квартиры*; математика – *цифры, формулы, графики, примеры в учебнике, в тетради или на доске, исписанная формулами доска* и т.д. (Бибчук 1991, Розенфельд 2005).

Наличие образа в структуре концепта подтверждается т.н. прототипной семантикой, которая получила широкое развитие в современной лингвистике. Прототипы, пишет Д. Лакофф, - это наиболее четкие, яркие образы, способные представить класс концептов в целом (например, для

класса *птицы* – это воробей). На основе важнейших признаков прототипа человек производит классификационную (таксономическую) деятельность, выполняет категоризацию знаний (КСКТ, с.54-56).

Э.Рош определяет прототип как единицу, проявляющую в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы, а также как единицу, реализующую эти свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств (Rosh 1978, p. 29).

Как отмечает В.И.Карасик, для многих прототипом слова *фрукт* является образ яблока, а прототипом слова экзамен – обобщенная картина беседы преподавателя со студентом за столом (Карасик 2004, с.127).

О наличии прототипных образов свидетельствуют многочисленные стандартные ассоциативные реакции – великий русский поэт – *Пушкин*, часть лица – *нос*, великая русская река – *Волга*, домашняя птица – *курица* и т.д.

Образы могут быть сугубо индивидуальными – город – *мой*, муж – *Леша* и под., но если чувственный образ выявляется как групповой, совпадающий у группы испытуемых (ср., например, образы, выявляемые некоторыми частотными ассоциативными реакциями в ходе свободного ассоциативного эксперимента: береза – *белая*, пустыня – *песок*, цветок – *ромашка*, *роза* и т.д.), то этот образ уже можно рассматривать как факт концептосферы *народа*, как относительно стандартизованный образ, обработанный и «признанный» национальным сознанием.

Чувственный образ в структуре концепта неоднороден. Он образован:

1) перцептивными когнитивными признаками, формирующимися в сознании носителя языка в результате отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств (перцептивный образ),

2) образными признаками, формируемыми метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления (т.н. когнитивной или концептуальной метафорой, см. Пименова Монография 2004, с.14-15). Этот образ можно назвать метафорическим или когнитивным (поскольку подобная метафора называется когнитивной).

Перцептивный образ включает зрительные, тактильные, вкусовые, звуковые и обонятельные образы (*роза красная*, язык *громкий*, шершавый, церковь *с куполами*, нож *острый*, лимон *кислый*, апельсин *оранжевый*, котенок *теплый*, медведь *бурый*, *белый* и т.д.).

Когнитивный образ отсылает абстрактный концепт к материальному миру. Так, в работах М.В.Пименовой исчерпывающе продемонстрирована роль концептуальных метафор в формировании содержания абстрактных концептов внутреннего мира человека – *душа*, *дух* и их английских соответствий. Показано на примере художественного текста, что русский концепт *душа* концептуализируется через метафору *дом*: душу можно запереть на замок, душу может выдуть сквозняк, в чужую душу можно проникнуть как в чужой дом – влезть в душу, забраться в душу, можно войти в душу, в душу может проникнуть холод, но душу можно и согреть, в душе может погаснуть свет, в нее можно закрасться, в ней можно жить,

она может быть стеснена, в ней может жить страх, ее можно очистить. в нее можно открыть дверь и ее можно закрыть перед кем-либо, она может быть открытой и закрытой и т.д. (Пименова Монография 2004, с.351-353). Эти метафоры формируют тот когнитивный чувственно-наглядный образ, который «приземляет» абстрактный концепт, наполняет его конкретным образным содержанием, позволяющим его закрепить в универсальном предметном коде мышления.

Исследование Л.А.Тавдгиридзе показало, что концепту *русский язык* русское когнитивное сознание приписывает многочисленные человеческие качества – моральные, психические, интеллектуальные, физические, эмоциональные, культурные навыки (умный, вежливый, культурный, ласковый, веселый, живой и др.). Эти признаки переносятся на язык с человека, который владеет языком, и создают антропоморфный образ языка как человека - носителя определенных качеств (Тавдгиридзе 2005).

При описании содержания концепта выявленные когнитивные образы в процессе когнитивной интерпретации должны быть сформулированы как определенные когнитивные признаки, входящие в структуру концепта. Когнитивные образы труднее формулируются по сравнению с перцептивными, но они, как правило, более многочисленны, что свидетельствует о важном месте, которое они занимают в структуре концепта.

Итак, образный компонент в структуре концепта состоит из двух составляющих – перцептивного образа и когнитивного (метафорического) образа, в одинаковой мере отражающих образные характеристики концептуализируемого предмета или явления.

Информационное содержание

Информационное содержание концепта включает минимум когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее существенные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления.

Это признаки, наиболее существенные для самого предмета или его использования, характеризующие его важнейшие дифференциальные черты, обязательные составные части, основную функцию и под.

Информационных когнитивных признаков обычно немного, это дефиниционный минимум признаков, определяющих сущность концепта. Информационное содержание многих концептов близко к содержанию словарной дефиниции ключевого слова концепта (если оно есть), но в него входят только дифференцирующие денотат концепта признаки и исключаются случайные, необязательные, оценочные. Примеры информационных компонентов концептов:

квадрат – прямоугольник, равные стороны;

звезда – мировое тело, самосветящееся, раскаленное;

Москва – город, столица России;

самолет – летательный аппарат, тяжелее воздуха, с крыльями;

собака – животное, домашнее, родственное волку;

окно – отверстие в стене, для света, для воздуха.

Определять информационное содержание концептов, отражающих артефакты и научные понятия, легче, чем определять информационный минимум концептов, отражающих натурфакты (наименования животных, явлений природы) или концептуализирующих абстрактные сущности. Многочисленные частные, энциклопедические, оценочные признаки не входят в информационное содержание концепта, они принадлежат уже интерпретационному полю, хотя не всегда можно провести четкую грань между информационным и интерпретационным содержанием концепта.

Интерпретационное поле

Интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него, представляя собой некоторое выводное знание, либо оценивают его.

Интерпретационное поле неоднородно, в нем достаточно отчетливо вычленяются несколько зон – таких участков интерпретационного поля, которые обладают определенным внутренним содержательным единством и объединяют близкие по содержанию когнитивные признаки.

На данном этапе исследования нам представляется возможным выделить по крайней мере такие зоны:

оценочная зона – объединяет когнитивные признаки, выражающие общую оценку (хороший/ плохой), эстетическую (красивый/некрасивый), эмоциональную (приятный/неприятный), интеллектуальную (умный/ глупый), нравственную (добрый/злой, законный/незаконный, справедливый /несправедливый и под.);

энциклопедическая зона – объединяет когнитивные признаки, характеризующие необязательные признаки концепта, требующие знакомства с ними на базе опыта, обучения, взаимодействия с денотатом концепта и т.д.

К примеру, для концепта *Москва* – это такие признаки как *древний город, основан в 1147 г., место расположения оптовых рынков для челноков, мэр Лужков, стадион «Лужники», есть метро, Кремль, центр - Красная площадь, есть ГУМ и ЦУМ, мишень для терактов, много иностранцев, дорогой город, долго строился, захватывали французы, не захватили немцы, Большой театр и т.д.*

Для концепта *гроза* - это такие признаки как *опасна для человека, наиболее опасна шаровая молния, бывает обычно летом, губит самолеты, препятствует полетам, нарушает работу электроприборов, нельзя прятаться под высокими деревьями, вызывает страх у детей и под.*

Концепт *вода*: в воде можно утонуть, вода бывает голубая, воды часто не бывает, без воды и не туды и не сюды, за воду дорого платить, в воде приятно купаться, зимой вода холодная и т.д.

Энциклопедических признаков обычно выделяется много, но они часто имеют ярко выраженный групповой и индивидуальный характер;

утилитарная зона – объединяет когнитивные признаки, выражающие утилитарное, прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями его использования для каких-либо практических целей.

Например:

автомобиль – много хлопот, дорого эксплуатировать, удобно ездить летом на дачу, зимой не нужен;

русский язык – сложный, нужный, необходимый, трудно выучить;

английский язык – сейчас без него никуда;

собака – дорого обходится содержание, от нее шерсть везде валяется, с большой собакой дома спокойнее;

кошка – лечит болезни, приятно гладить;

счастье – во многом зависит от везенья и т.д.;

регулятивная зона – объединяет когнитивные признаки, предписывающие, что надо, а что не надо делать в сфере, «покрываемой» концептом:

русский язык – надо учить, надо говорить культурно;

закон – надо охранять, надо соблюдать, наказывать нарушителей, нельзя нарушать;

быт – надо поддерживать, должен быть удобным;

зуб – надо вовремя лечить;

собака – нужно кормить, выводить два раза в день;

автомобиль – надо ездить по правилам;

улица – надо переходить по переходу и т.д.;

социально-культурная зона – объединяет когнитивные признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа: традициями, обычаями, конкретными деятелями литературы и искусства, определенными художественными произведениями, прецедентными текстами и под.

Ср. концепт *гроза*: Иван Грозный, Островский, пьеса «Гроза», Катерина, люблю грозу в начале мая; концепт *русский язык* – Пушкин, Лермонтов, Есенин, Ленин, частушки, песни, луг, поле, березки, деревня, бедность, нищета, сарафан, кокошник и др.;

паремиологическая зона – совокупность когнитивных признаков концепта, объективируемых пословицами, поговорками и афоризмами, то есть совокупность утверждений и представлений о явлении, отражаемом

концептом, в национальных поговорках (например: *достижение результата в труде предполагает значительные усилия* – без труда не вынешь рыбку из пруда; *не следует доверять внешнему впечатлению* – внешность обманчива; *время позволяет людям привыкнуть друг к другу* – стерпится-слюбится; *брань помогает в физической работе* – не выбравшись, и замка в клетки не откроешь, *любому человеку приятно услышать ласковые слова* – доброе слово и кошке приятно и т.д.).

Паремиологическая зона – особая зона в структуре концепта, поскольку она отражает не современные, а преимущественно исторические представления об отношении народа к концепту и понимании народом различных сторон этого концепта.

Паремии внутри зоны могут быть упорядочены по принципу поля с учетом частотности выражения того или иного смысла в паремиологическом фонде языка.

Образ и информационное содержание концепта представляют его информационный каркас, который имеет относительно структурированный характер.

Интерпретационное поле, как воздух, пронизывает концепт, наполняет его, заполняет «место» между его структурными компонентами – это *наименее структурированная* часть концепта, она может быть описана как перечисление признаков.

Характерная черта интерпретационного поля – сосуществование в нем противоречащих друг другу когнитивных признаков (например, оценочная зона концепта *русский язык* включает оценки *хороший* (60%) и *плохой* (17%), утилитарная зона включает признаки *сложный* и *простой* и т.д. Подобная противоречивость выделяемых признаков объясняется, как уже указывалось выше, именно их принадлежностью к интерпретационному полю концепта, которое содержит «выводы» из разных когнитивных признаков ядра, сделанные в разных условиях, в разные исторические периоды, разными группами носителей языка.

Структура того или иного концепта может быть описана лишь после того, как установлено и описано его содержание – то есть выявлены образующие содержание концепта когнитивные признаки.

Отношения между отдельными структурными компонентами концепта и его полевой организацией не симметричны.

Базовые структурные компоненты концепта – образ, информационное содержание и интерпретационное поле – распределяются по разным полевым участкам концепта, при этом отсутствует жесткая закрепленность структурных компонентов концепта за определенными полевыми зонами – так, информационное содержание концепта может принадлежать и к ядру, и к ближней периферии, и к другим зонам периферии, а признаки интерпретационного поля могут войти по яркости в ядро концепта и т.д. Лишь паремиологическая зона, как указывалось выше, преимущественно составляет крайнюю периферию содержания концепта.

Образ не обязательно входит в ядро концепта как структуры, хотя в индивидуальном сознании конкретный образ, очевидно, таковым является, поскольку кодирует концепт для данного носителя языка.

Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или ненужности в структуре концепта, статус признака лишь указывает на меру его удаленности от ядра по степени яркости.

Таким образом, в теории и описании концептов необходимо разграничивать *содержание концепта* и *структуру концепта*.

Содержание концепта образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полювому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется прежде всего яркостью признака в сознании носителя соответствующего концепта. Описание осуществляется как перечисление признаков от ядра к периферии по мере уменьшения яркости признака.

Структура концепта включает образующие концепт базовые структурные компоненты разной когнитивной природы - чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле и описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта.

Исследованию подлежит как содержание, так и структура, как ядро, так и периферия концепта, однако важно дифференцировать их в процессе описания, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны и они требуют разных приемов описания.

2.12. Типы концептов

Вопрос о типологии концептов – один из первых теоретических вопросов, поставленный когнитивной лингвистикой в процессе ее становления. Поиски определения концепта, его ментальной специфики тесно были связаны с проблемой классификации концептов, которой исследователи уделяли большое внимание.

Интенсивное развитие когнитивной лингвистики, теоретическое осмысление понятия концепт и типологии концептов привело исследователей к пониманию того, что *концепт* представляет собой зонтичный термин, объединяющий разные виды ментальных явлений, функцией которых является структуризация знаний в сознании человека. Выработано понимание того, что концепты – это единицы мышления, которые по своему содержанию и организации могут быть весьма различны при сохранении своих основных функций – структурировать знания и выступать единицами мыслительного процесса. Типология

концептов возможна и необходима в силу того, что различаются типы знания, представляемые концептами.

А.П.Бабушкин разграничивает мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, инсайты, сценарии, калейдоскопические концепты (1996, с.43-67.) Н.Н.Болдырев разграничивает конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты (Болдырев 2001, с.36-38). С.Г.Воркачев выделяет концепты высшего уровня (долг, счастье, любовь, совесть) и обычные концепты (Воркачев 2004, с.44). Г.Г.Слышкин выделяет первичные и вторичные концепты, метаконцепты (которые образуются в результате осмысления продуктов предыдущей концептуализации и в которых реализуется рефлексия носителя языка (Слышкин Автореферат 2005, с.5), а также пропорциональные, сформировавшиеся, формирующиеся, предельные и рудиментарные лингвокультурные концепты (с.6-7). В.И.Карасик разграничивает параметрические и непараметрические (регулятивы и нерегулятивы) концепты. М.В.Пименова выделяет следующие виды концептов: - образы (*Русь, Россия, мать*), идеи (*социализм, коммунизм*) и символы (*лебедь*). (Пименова Предисловие 2004, с.8), а также концепты культуры, которые делятся на несколько групп: универсальные категории культуры - *время, пространство, движение, изменение, причина, следствие, количество, качество*; социально-культурные категории - *свобода, справедливость, труд, богатство*, для русских - *достаток, собственность*; категории национальной культуры - для русских это *воля, доля, соборность, душа, дух*; этические категории - *добро, зло, долг, правда, истина*; мифологические категории - *боги, ангел-хранитель, духи, домовый* (там же, с.10). Существуют и другие классификации.

Концепты можно классифицировать по разным основаниям, каждое из которых будет отражать «когнитивную реальность». С нашей точки зрения, наиболее важно различать концепты по тому *типу знания, отражения действительности*, которое они закрепляют, поскольку именно от этого зависят методы выделения и описания концептов.

Наши исследования в этой области позволяют предложить следующую типологию концептов.

Представление – обобщенный чувственно-наглядный образ предмета или явления.

Концепты-представления, как правило, объективируются в языке преимущественно лексическими единицами конкретной семантики. О том, что смысловая сторона подобных единиц репрезентирует именно представление, свидетельствуют словарные дефиниции этих лексем, многие из которых практически целиком состоят из перечисления чувственно воспринимаемых признаков предмета номинации: *дрожь – частое судорожное вздрагивание тела*, *клен – листовое дерево с широкими резными листьями*, *ласточка – перелетная птица с узкими, острыми крыльями, юркая и быстрая в полете*.

Представления статичны и являют собой отражение совокупности наиболее ярких внешних, чувственно воспринимаемых признаков отдельного предмета или явления.

Схема - концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом - дерево *вообще*, (наглядный образ дерева вообще - ствол и крона), образ реки как протяженности, ленты, схематический образ человека - голова, туловище, руки и ноги («точка, точка, запятая, минус, рожица кривая, палка, палка, огуречик - вот и вышел человечек» - как в детских рисунках и др.). Н.Н.Болдырев определяет схему так: «мыслительный образ предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер» (Болдырев 2000, с.36)

Схемы можно нарисовать, что говорит о реальности существования данной формы структуризации знаний. Схема - промежуточный тип концепта между представлением и понятием, определенный этап развития абстракции.

Понятие - концепт, который отражает наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления. Например: квадрат - *прямоугольник с равными сторонами*, самолет - *летательный аппарат тяжелее воздуха с несущими плоскостями*).

Понятие возникает на базе представления или схемы путем постепенного, поэтапного отвлечения от второстепенных, случайных, индивидуальных чувственно воспринимаемых признаков (*фрукт, овощ, птица*), либо путем соединения в понятийном образе мыслительных компонентов других концептов.

Соединяться могут как признаки, отражающие реально существующие элементы действительности (*самолет, автомобиль* и др.), так и признаки, отражающие элементы действительности, не существующие в том или ином конкретном сочетании (*русалка, кентавр*). В последнем случае концепт есть, но нет в природе самих денотатов концепта, хотя чувственные образы, отражающие реально существующие признаки, налицо - русалку и кентавра, как и бога можно нарисовать; это свидетельство того, что, во-первых, фантазия - это необычное сочетание обычных элементов, а, во-вторых, что концепт - это продукт отражения действительности, но продукт, *обработанный* в результате мыслительной деятельности.

В силу сказанного следует признать, что концепты-понятия формируются в мышлении преимущественно как отражение научной и производственной сфер действительности (терминология). Понятия вербализуются, как правило, терминологической и производственной лексикой, а также лексемами рациональной семантики типа *житель, клиент, проситель, истец, ответчик, судья*.

Многие понятия фактически создаются лингвистами, стоящими перед необходимостью дать слову дефиницию в толковом словаре в опоре на

небольшое количество дифференциальных признаков или выполнить компонентный анализ значения слов, чтобы разграничить сходные по смыслу слова. Как отмечал Ю. С. Степанов, «логические понятия выработаны не для каждого явления, называемого отдельным словом, так как не все объекты и явления являются предметом общественного познания» (Степанов, 1975).

Фрейм - мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении. Например, *магазин* (компоненты - покупать, продавать, товары, стоить, цена и др.), *стадион* (устройство, внешний вид, поле для игры на нем и др.). Примеры фреймов: *ресторан, кино, поликлиника, больница, экзамен.*

Сценарий (скрипт) - последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития. Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов: *посещение кино, поездка в другой город, посещение ресторана, поликлиники, драка, игра, экскурсия. Стадион* - это фрейм, а *посещение стадиона, выступление на стадионе, реконструкция стадиона* и т.д. - сценарии.

Гештальт - комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальт (термин Х.Эренфельса, австрийского искусствоведа конца 19-го века) представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления.

Экспериментальное исследование показало, что значение подобных слов испытуемые связывают с чувственно воспринимаемыми явлениями, которые увязываются сознанием в некоторую комплексную картину. Типичными гештальтами являются концепты, объективированные такими лексемами как *очередь, игра, пытка, любовь, судьба* и др. Таковы основные типы концептов по характеру концептуализируемой информации.

Существенной для лингвокогнитивного исследования оказывается также типология концептов по характеру их «наблюдаемости», объективированности для человека. С этой точки зрения концепты можно подразделить на *вербализованные* – для которых есть в системе регулярные языковые средства выражения и которые регулярно овнешняются в коммуникативном процессе в данной языковой форме, и *невербализованные*, не имеющие в системе языка регулярных, стандартных средств языковой объективации или имеющие только косвенные способы языковой объективации и вербализуемые искусственно в условиях принудительно поставленной задачи (например, в условиях эксперимента или при необходимости их словесно описать в ходе исследования).

Также существенной для лингвокогнитивного исследования оказывается классификация концептов по их принадлежности

определенным группам носителей. С этой точки зрения выделяют *универсальные концепты* (*вода, солнце, родина, земля, дом* и др.), хотя и такие концепты могут обнаруживать национальную специфику; *национальные концепты* – присущие только одному народу, ср. японское *саби* – уединенное молчание на лоне природы, японское «женщина, которая, живи она в другое время, пользовалась бы большим успехом у мужчин», финск. *сису* – «жизненная стойкость и умение противостоять обстоятельствам, свойственная финнам», фр. *savoir-vivre* «умение жить в удовольствие», русские концепты *духовность, пошлость, смекалка, авось*, западные концепты *толерантность, приватность, вызов, честная игра* и под.

Существуют также *групповые* (возрастные, гендерные, профессиональные и под.), а также *индивидуальные* концепты.

И еще одно важное разграничение: по степени абстрактности содержания концепты подразделяются на *абстрактные* (ментефакты) и *конкретные* (натурфакты и артефакты).

Предложенные классификации – по типу отражаемого знания, по языковой объективированности, по принадлежности и по степени абстрактности – актуальны для методики лингвокогнитивного исследования, поскольку разные из названных типов концептов требуют различающихся методик анализа и описания.

2.13. Понятие концептуализации. Формирование концептов в фило- и онтогенезе

Концептуализация - это процесс образования и формирования концептов в сознании (Болдырев 2004), осмысление новой информации, ведущей к образованию концепта (КСКТ, с. 93 - 94).

Сознание человека, выделив в объективной или субъективной (мысленной) действительности некоторую отдельную область, сферу, осмысляет ее, выделяя ее отличительные признаки и подводя ее под определенный класс явлений. Это и является концептуализацией. Результат концептуализации - концепт, мысленное отражение выделенных признаков данной области, выступающей денотатом концепта, то есть той реальной сферой, которая нашла в концепте мыслительное отражение.

Концептуализация денотата – длительный процесс как в онтогенезе, так и в филогенезе.

В онтогенезе ребенок концептуализирует действительность постепенно, поэтапно, его концепты по содержанию и структуре существенно отличаются от концептов взрослого и сильно изменяются с его развитием и взрослением (Грищук 1999, 2002, 2005, Лемяскина 1999, 2000, 2004, Чернышова 2001, Чернышова, Стернин 2004).

Формирование концепта в онтогенезе идет от образного, чувственного к более абстрактному, рациональному. У маленького ребенка концепты на

начальном этапе его развития практически равны образам формирующегося универсального предметного кода, концепт обычно равен конкретному чувственному образу, и только впоследствии эти образы начинают «обрастать» концептуальными признаками, возникают новые компоненты концепта, углубляется и расширяется его содержание, формируется структура.

Маленький ребенок сначала мамой называет только свою маму и лезет драться, когда кто-то называет мамой другую женщину: концепт *мама* для него пока – только его личная мама. Для ребенка *Джерри, собака, колли и животное* - все эти слова репрезентируют один чувственный концепт - образ собственной собаки. Впоследствии каждая из названных лексем будет представлять разные, хотя и связанные между собой концепты.

Таким образом, в онтогенезе чувственный образ сначала выступает как конкретное чувственное содержание концепта, а затем становится средством кодирования «нарастающего на нее» объемного, многослойного концепта. Однако у малоразвитых в интеллектуальном отношении людей концепты, видимо, мало чем отличаются от начального эмпирического образа - единицы УПК.

Наш опыт исследований показывает, что концепты формируются в сознании человека по крайней мере из следующих источников:

1. из его непосредственного сенсорного опыта - восприятия действительности органами чувств;
2. из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности;
3. из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами - такие операции могут привести к возникновению новых концептов; Г.Г.Слышкин называет их метаконцептами (Слышкин Автореферат 2005);
4. из языкового общения (концепт может быть сообщен, разъяснен, предложен человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе - ребенок все время спрашивает, что значит то или иное слово или для чего тот или иной предмет;
5. из самостоятельного познания человеком значений языковых единиц, усваиваемых в процессе жизни (взрослый человек смотрит толкование неизвестного для него слова в словаре и через него знакомится с соответствующим концептом).

Язык, таким образом, выступает лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Для эффективного формирования концепта в сознании, для полноты его формирования только одного языка мало - необходимо обязательное привлечение чувственного опыта (*лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*), необходима наглядность (что отчетливо проявляется в процессе обучения), необходима предметная деятельность с той или иной вещью. Только в таком сочетании разных видов восприятия в сознании человека формируется полноценный концепт

в единстве образного компонента, информационного содержания и интерпретационного поля.

Образная основа концепта, составляющая его ядро как единицы УПК, носит всегда индивидуально-перцептивный характер, поскольку формируется на базе личного чувственного опыта человека. Первичный эмпирический образ, лежащий в основе концепта и становящийся впоследствии единицей УПК, сродни представлению, знаку в концепции А.А.Потебни. Эти образы конкретны и, в общем, случайны – часто они отражают первое впечатление о том или ином предмете или явлении, либо основаны на опыте взаимодействия с предметом, который получил данный человек в тот или иной момент своей жизни.

К примеру, концепт *университет* кодируется у одного выпускника университета образом тяжелой входной двери, которую надо было открывать, у другого - дверью кафедры, у третьего - видом длинного извилистого коридора, у четвертого - образом аудитории, где проходило большинство лекций, у пятого – общим видом здания с той стороны, с которой он обычно подходил к нему от остановки транспорта и т.д.

Образ, кодирующий концепт и превращающий его в единицу УПК, может быть несущественным для данного концепта именно в силу его сугубо личной, индивидуальной природы, но, тем не менее, он выполняет кодирующие, знаковые функции для концепта в целом. Многие образы, лежащие в основе соответствующих единиц УПК, выявляются в ассоциативных экспериментах: город - *Воронеж*, дом - *родной*, мама - *моя*, кот - *Васька* и т.д. Не случайно так мало ассоциативных стимулов, на которые испытуемые давали бы в своей массе одинаковые образные парадигматические ответы – образ, кодирующий концепт, отражает индивидуальный опыт.

Если же единообразные ответы появляются, то они обычно отражают или устойчивую сочетаемость (темный - *лес*, интересный - *фильм*, дорогой - *подарок*, белый - *Бим черное ухо*, дерево- *жизни*, держать - *в руках*, культура - *речи*, принимать - *гостей*, резать - *хлеб* и др.) либо уже стандартизованный концептуальный образ (кузница - *молот*, кровь - *красная*, расческа - *волосы*, рост - *высокий*, спать - *долго*). Такие ответы называют образный компонент концепта, но сам образ резания хлеба, темного леса, белого Бима, приема гостей и т.д. все равно будет в сознании каждого человека индивидуальным.

Многие концепты сохраняют и у взрослого человека преимущественно чувственный, эмпирический характер - например, концепты *кислый*, *сладкий*, *соленый*, *гладкий*, *шероховатый*, а также такие как *окурок*, *яма*, *лужа*, *ложка*, *вилка*, *тарелка*, *чашка*, *стол*, *стул* и под. Соответствующие концепты отражают чисто чувственное знание о предмете, которого для мышления об этих предметах и оперирования с ними в практической деятельности вполне достаточно. Содержание таких концептов раскрывается преимущественно остенсивно - через демонстрацию предмета или явления (*кислый - это лимон, попробуй*; *яма - это вот то*,

что сейчас перед нами и т.д.). Если легче показать, продемонстрировать предмет или явление, чем объяснить, что это такое - значит, с высокой долей вероятности можно предположить, что соответствующий концепт носит преимущественно чувственно-образный характер, его образное ядро очень яркое и занимает основной объем содержания концепта.

Итак, концепт рождается как чувственный образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением количества закрепленных концептом признаков, с возрастанием уровня абстрактности концепт постепенно эволюционирует от чувственного образа к собственно мыслительному. Вместе с тем, тот общеизвестный факт, что любую абстракцию надо объяснять на примере, свидетельствует об образной природе (основе) любого концепта. Об этом же свидетельствуют многочисленные когнитивные метафоры, формирующие образный компонент абстрактных концептов.

Жизненный опыт человека постоянно обогащает содержание концептов, которые составляют его концептосферу, причем обогащается как образный компонент концепта (съездив на море, человек обогащает содержание своего концепта «море», увидев пожар, человек обогащает содержание концепта «пожар»), так и рациональная составляющая – информационный минимум и интерпретационные признаки (человек получает дополнительные сведения о море, пожарах, осмысляет или переосмысляет уже имевшиеся у него сведения).

В процессе исторического развития концептосфера человека также претерпевают изменения. Многие концепты исчезают в ходе развития общественной жизни – например, русский концепт *местничество*, который играл большую роль в жизни российского общества и государства в 16-17 вв., научный концепт *эфир*.

В.И.Карасик вводит понятие *угасание концепта* - например, угасает в русской концептосфере концепт *кротость*, концепты *гнедой*, *каурый*, *буланный*, *вороной* (Карасик 2004, с.122, 135).

Многие концепты претерпевают изменения в условиях изменений в человеческом обществе (ср., например, движение признаков в концепте БЫТ, выявленное А.В.Рудаковой в русском сознании (Рудакова 2003). Одновременно возникают новые концепты.

Филогенез в принципе предполагает концептуализацию действительности в направлении от образного к рациональному.

Е.С.Кубрякова подчеркивает первичность предметных, бытийных концептов в сознании человека и развитие на их базе новых, более абстрактных производных концептов в процессе развития общества и познания:

«Не сомневаясь в том, что у истоков человеческого опыта оказывались концепты, основанные на телесном опыте и обобщающие опыт тела (т.е. его рецепторов, воспринимающих реальность в диапазонах, предписанных биопрограммой человека), полагаем вместе с тем, что с развитием

человека подобный опыт выходил далеко за пределы прямого восприятия мира в ситуациях присутствия человека в этих актах и непосредственного его столкновения с тем или иным фрагментом реальности. Из опыта наглядного такой опыт перерастал в нечто большее и гораздо более сложное. С одной стороны, в силу способности человека к разумным умозаключениям, а с другой в силу развития инструментальных методов в разных фундаментальных науках, человек неизбежно переходил от прямого созерцания за природой и непосредственных наблюдений над нею к осмыслению непосредственно не наблюдаемого. ... Человек не только обозначал мир, но и описывал его. В таких описаниях рождались новые концепты... Их появление – это результат аргументации языковой, следствие дискурсивной деятельности человека, о которой можно говорить как о деятельности речемыслительной, да еще осуществляемой в совершенно определенных исторических, культурологических и особенно прагматических условиях. В этих ситуациях концепты возникают в условиях их номинального определения» (Кубрякова 2004, с.16).

Концептуализация – постоянно продолжающийся процесс как в обществе, так и в индивидуальном сознании.

2.14. Категоризация, дифференциальные и классификационные когнитивные признаки

Понятие категоризации относится к центральным, основополагающим понятиям когнитивистики в целом и когнитивной лингвистики – в особенности.

Под *категоризацией* понимается осмысление объектов и явлений действительности в рамках категорий – обобщенных понятий. Осуществляя категоризацию действительности, сознание человека «сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики, т.е. классифицирует их и подводит под такие объединения – классы, разряды, группировки, множества, категории» (КСКТ, с.45-46).

Сознание человека, осмысляя действительность, относит отдельные ее фрагменты к определенным разрядам, категориям – устанавливая общие черты с другими фрагментами и выделяя особенные черты, отличающие данную категорию от других. Установление общности фрагментов действительности и выработка для этой общности мышлением обобщающего понятия, которое часто (но не обязательно) получает закрепление словом, представляет собой категоризацию как когнитивный процесс.

Результатом категоризации как когнитивного процесса является формирование когнитивных классификационных признаков, которые выявляются в группах концептов и обнаруживаются в отдельных концептах. Когнитивные классификационные признаки упорядочивают концепты и их группы в единую концептосферу.

В пределах концепта когнитивные классификационные признаки упорядочивают в единую структуру многочисленные дифференциальные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

Поясним понятия когнитивного дифференциального признака и когнитивного классификационного признака – основных составляющих структуры концепта как ментального явления.

Когнитивный дифференциальный признак (или просто - когнитивный признак) – это отдельный признак объекта, осознанный сознанием человека и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания.

Когнитивный классификационный признак – это компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта. Классификационные когнитивные признаки всегда являются общими для ряда, группы или многих концептов.

Например, ряд объектов живой природы концептуализируются сознанием народа как имеющие пол (в соответствующих концептах выделяется когнитивный классификационный признак ПОЛ). По данному классификационному признаку объекты живой природы, имеющие пол, объединяются в группу (люди, животные) и противопоставляются другим группам объектов, не характеризующимся данным классификационным признаком (предметы, растения, абстрактные сущности). Когнитивный классификационный признак ПОЛ конкретизируется в структуре соответствующего концепта дифференциальными когнитивными признаками («мужской пол» и «женский пол»).

Когнитивный классификационный признак РАЗМЕР конкретизируется дифференциальными когнитивными признаками *маленький, большой, среднего размера, микроскопический, огромный* и т.д.

Дж. Лакофф одним из первых ввел в научный обиход понятие *классификатор*. В статье «Мышление в зеркале классификаторов» он писал, что различные народы мира классифицируют, казалось бы, одни и те же реалии совершенно неожиданно. В каждой культуре существуют специфические сферы опыта (рыбная ловля, охота и другие), которые определяют связи в категориальных цепочках понятий; идеальные модели мира, в т.ч. мифы и различные поверия, которые также могут задавать связи в категориальных цепочках; специфическое знание, которое получает при категоризации преимущество перед общим знанием и проч.

Дж.Лакофф отмечает, что основным принципом классификации является принцип сферы опыта. В заключение Дж.Лакофф приходит к выводу, что когнитивные модели используются при осмыслении мира. Они помогают осмыслить ту часть опыта, которая ограничена человеком и воспринимается им самим. Система классификаторов отражает экспериенциальный, образный и экологический аспекты мышления (Лакофф 1988, с.12-51).

Исследование Дж.Лакоффа убедительно показывает, что классификаторы – категория исключительно ментальная, порождаемая мышлением человека. Из опыта анализа действительности человек выводит классификационные категории, которые затем прилагает к воспринимаемой и осмысляемой действительности. Эти классификационные категории являются элементами концептосферы (то есть определенными обобщенными концептами), и они упорядочивают для человека и действительность, и язык: в соответствии с этими классификаторами объединяются и дифференцируются как концепты, так и номинирующие их языковые единицы. Эти концепты называются *когнитивными* классификаторами потому, что они классифицируют опыт в процессе его познания (когниции). Будучи отражены в семантике классов единиц, эти классификаторы выступают как интегральные или дифференциальные семы.

Важно подчеркнуть, что все они при этом остаются обобщающими концептами в концептосфере, лишь будучи *представлены* в семантическом пространстве языка соответствующими семами.

Выделяемые нами когнитивные классификационные признаки сходны с выделенными Дж.Лакоффом когнитивными классификаторами, но в отличие от последних когнитивные классифицирующие признаки не обязательно выражены языковыми единицами и вообще языковыми средствами.

Набор когнитивных классифицирующих признаков специфичен для каждого концепта, для группы концептов и для концептосферы в целом. Среди когнитивных классифицирующих признаков есть разные по степени абстракции.

Можно выделить *универсальные* когнитивные суперклассифицирующие когнитивные признаки, которые могут быть применены к любому предмету или явлению. Например, таковыми будут являться, очевидно, *временная характеристика, пространственная характеристика, общая оценка, эмоция*.

Могут быть выделены классификационные признаки меньшего уровня обобщения – *классификационные признаки классов*, характеризующие преимущественно тот или иной тип фактов - *артефакты, ментефакты, натурфакты*. Артефакты характеризуются такими классификационными признаками как *функция, конструктивные особенности, материал изготовления* и др.; натурфакты – *среда обитания, вкусовые качества, срок хранения, цель разведения* и др.; ментефакты – *нравственная характеристика, носители признака, социальные условия существования* и т.д.

Еще менее обобщенные классификационные признаки – *групповые*, характеризующие только определенные группы явлений и предметов (средства транспорта, фрукты, учебные заведения, политические понятия, цветы, жанры искусства, педагогические концепты, наименования языков и др.). Для средств транспорта релевантны такие классификационные

признаки как *источник энергии, скорость движения, среда передвижения, объем полезной нагрузки, тип движителя* и т.д.; для наименований учебных заведений – *форма обучения, срок обучения, присваиваемая квалификация, ведомственная подчиненность* и др.

Группы могут быть разного размера, соответственно и групповые классификационные признаки будут характерны для более широкого круга концептов (большие группы) и для узкого круга концептов (маленькие группы). Например, такие классификационные признаки как *богатство словарного состава, сложность грамматики, сложность фонетического строя, объем заимствований, объем выразительных средств* будут характеризовать сравнительно небольшую группу однотипных концептов, категоризирующих национальные языки (русский, английский, немецкий, французский и т.д.)

Когнитивный классификационный признак ПОЛ в структуре концепта может быть представлен либо только одним дифференциальным когнитивным признаком (например, классификатор ПОЛ в любом концепте представлен когнитивным признаком либо «мужской», либо «женский») или несколькими когнитивными дифференциальными признаками (например, классификатор «ОБЩАЯ ОЦЕНКА» в определенном концепте может быть представлен одновременно когнитивными признаками *хороший, плохой, неплохой, удовлетворительный, неважный, отвратительный и под.*, то есть частью носителей концепта явление концептуализируется как плохое, частью как удовлетворительное, частью – как хорошее и т.д., причем яркость этих признаков концепта будет разной в разных групповых концептосферах. Например, классификационный признак *особенности словарного состава* конкретизируется в концепте «русский язык» когнитивными признаками *простой и сложный*, в зависимости от возраста и пола носителей концепта.

Набор когнитивных классификационных признаков, при помощи которых концептуализируется, то есть осмысливается тот или иной предмет, специфичен для национальной концептосферы и может различаться в разных национальных культурах.

Набор когнитивных классификационных признаков часто оказывается глубоко национальным, что особенно заметно на примере категории именного класса (рода) – количество родов колеблется в разных языках от нуля (английский язык) до 40 (вьетнамский) и более.

Существенные различия наблюдаются при категоризации явления обыденным и научным сознанием, ср. исследование О.С.Фисенко «Концепт гроза в русском языковом сознании» (Воронеж, 2005), в котором показано различие в категоризации грозы рядовыми носителями языка и учеными-метеорологами: в научном сознании гораздо больше когнитивных признаков, чем в обыденном; в научном сознании наблюдается преобладание информационно-понятийного компонента в структуре концепта, выявляется специфическая узкоспециальная

ценностная ориентация, строгая систематизированность когнитивных признаков по роду и виду, максимальный уровень обобщенности, элиминирование взаимоисключающих и противоречивых когнитивных признаков (Фисенко 2005, с.21).

Когнитивные классификационные признаки, как уже отмечалось, отражаются в виде архисем в значениях ключевых слов концептов, и через семантический анализ таких слов можно выявить соответствующие классификационные признаки. Покажем это на примере небольшого участка семантического пространства русского и английского языков, отражающего наименование посуды, из которой пьют и в которую наливают жидкость.

Посуда, в которую наливают воду для разных целей, посуда, из которой пьют разные напитки, в сущности в обиходе европейцев одна и та же. Однако русский и английский языки свидетельствуют о разных принципах классификации образов такой посуды в сознании говорящих по-русски и по-английски.

Все, что сделано из стекла (glass), объединяется в английском семантическом пространстве именно по этому признаку и так и называется – glass (стекло), независимо от формы, назначения и размера такой посуды. Поэтому английское glass переводится на русский язык как стакан, рюмка, бокал, фужер, стопка, чарка (Бархударов, с. 91). В тех случаях, когда говорящему на английском языке понадобится конкретизировать назначение или размер, или форму «стекла», он использует определения: white wine glass – «стекло» для белого вина, red wine glass – «стекло» для красного вина, sherry glass – рюмка для шерри, champagne glass – бокалы для шампанского, tapered glass – конусообразный бокал, а crystal glass – хрустальный бокал, brandy glass – рюмка для бренди, liqueur glass – рюмка для ликера, spirit glass – стопка для спирта, beer glass – стакан для пива и т.п.

Посуда со сравнительно небольшим углублением изогнутой формы объединяется с другими предметами такой же формы лексемой bowl. В русском языке классификатора «емкость изогнутой формы с углублением» нет, соответственно нет и слова для его обозначения. Лексема bowl переводится на русский язык и как *чаша*, и как *салатница*, *ваза*, и как *кубок*; этой же лексемой англичане называют углубление ложки, подсвечника, чашки весов.

Ёмкости, имеющие плоское дно и широкую открытую поверхность, по этим признакам объединяются лексемой basin. Basin – это и бассейн реки, и резервуар фонтана, в котором налита вода, и раковина умывальника, и плевательница для пациентов у зубного врача, но это и миска, и таз, и большая чашка. В русской концептосфере классификатора «емкость с плоским дном и широкой открытой поверхностью» нет, поэтому и переводы оказываются столь многообразными.

Нет среди русских «посудных» концептов и того, что англичане называют beaker (от beak – клюв) – посуда с «клювиком» для слива воды.

Это может быть и химическая мензурка, и керамический сосуд типа корчажки.

В свою очередь, в английских концептах нет единого образа спортивного кубка. В зависимости от формы вручаемого «посудного» приза англичане называют его *bowl* (широкой, изогнутой формы), *goblet* (удлиненной формы, выдуваемый из стекла типа бокала), *jug* (большой сосуд, типа кружки) и *cup* (форма чаши). В русском сознании «спортивный кубок» - единый функциональный классификатор, важно его назначение, а форма не имеет значения.

Наибольшее сходство в «посудном» отсеке семантики русских и англичан обнаруживает концепт чашки – англ. *cup*. Эти лексемы одинаково используются и применительно к чашечкам цветов, и к деталям технических устройств, имеющих форму чашечки, и к образам чаши терпения, горькой чаши бытия и др.

Анализ показывает, что для сознания англичан в «посудной» предметной сфере наиболее важны классификаторы *формы* и «стекла», то есть *материала изготовления*. Для русского же сознания в этой сфере более важным оказывается классификатор *назначение сосуда*.

Другой имеющийся в нашем распоряжении пример – когнитивные классификаторы на участке семантического пространства языка, отведенного под концепты овощей и фруктов (Попова, Хаустова 1998).

Рассмотрение лексико-семантической группы наименований плодов позволяет выявить когнитивные признаки, по которым классифицируются плоды носителями русского языка. Такими признаками оказываются *размер* и *способ употребления плода в пищу*. В соответствии с этими признаками (классификаторами) русские плоды подразделяются на фрукты, ягоды, орехи и бахчевые культуры. Назовем эти подразделения ЛСГ парцеллами.

Парцелла **фрукты** выделяется на основе таких сем, как *сладкая мякоть*, *штучность*, *возможность держать плод в руке*. Согласно этим признакам, фруктами обычно называют *яблоко*, *грушу*, *лимон*, *мандарин*, *апельсин*, *абрикос*, *персик*, *грейпфрут*, *банан*.

Парцелла **ягоды** выделяется на основе сем: *сладкая мякоть*, *плоды*, *мелкие по размеру*, *кучные*, *возможность набрать их в горсть*. Набором таких признаков обладают семемы лексем *вишня*, *черешня*, *виноград*, *бузина*, *ежевика*, *клубника*, *клюква*, *крыжовник*, *малина*, *смородина*.

Парцелла **орехи** выделяется на основе признака твердой скорлупы, которую надо разбить, разгрызть, разломить, чтобы достать и съесть ядрышко. К ней относятся *арахис*, *грецкий орех*, *фундук*.

Парцелла **бахчевые культуры** выделяется на основе таких сем как *сладкая мякоть*, *столь большие по размеру, что для еды режутся на ломти*. Набором таких признаков обладают семемы лексем *арбуз*, *дыня*.

Ананас еще не освоен русской классификацией. В бахчевые он не войдет, так как способ его выращивания в России не известен. Скорее всего, он попадет во фрукты.

Вернемся к английскому fruit. Напомним, что в английском языке фрукт – это часть растения, развивающаяся из завязи, содержащая семена, со сладкой мякотью, идущая в пищу. Словарные толкования позволяют выявить важнейшие для fruit классификационные признаки. Для носителя английского языка оказались важными классификаторы, связанные со способом употребления в пищу.

Первую группу составляют fruits, объединенные семей «с мягкой и легко снимающейся кожицей». В нее входят: currant (смородина), grape (виноград), banana (банан), cherry (вишня), orange (апельсин), tangerine (мандарин), grapefruit (грейпфрут), apricot (абрикос), peach (персик), plum (слива), tomato (помидор).

Вторую группу составляют fruits, объединенные семей «с твердой, но без большой усилий очищаемой кожурой». В нее входят melon (дыня), muskmelon (дыня), watermelon (арбуз), pumpkin (тыква), apple (яблоко), pineapple (ананас).

Третью группу составляют fruits, объединенные семей «с мягкой мясистой плотью, охватывающей завязь», то есть не требующие очистки. В нее входят различного рода ягоды (berries): blackberry (ежевика), raspberry (малина), strawberry (клубника), gooseberry (крыжовник), cranberry (клюква).

Четвертую группу составляют названия орехов (nuts), объединенные семей «с твердой (разбиваемой) скорлупой»: hazelnut (лесной орех), walnut (грецкий орех).

Таким образом, именно на основе этих классификационных сем в состав fruits попадает tomato («с легко снимающейся кожицей») и pumpkin («с твердой, но без большой усилий очищаемой кожурой, с семенами, со сладкой мякотью, идущей в пищу»).

Если принять, что все семемы лексем, которые входят в объем понятия fruits, образуют некоторое семантическое пространство, то эквивалентное семантическое пространство русского языка покрывает лексема *плод*. Казалось бы, примерно одинаковое семантическое пространство в языковом сознании русских и англичан членится когнитивными классификаторами по-разному, вследствие чего оно и организовано неодинаково: русские фрукты – лишь часть того семантического пространства, которое охватывают английские fruits. Однако эта часть точно не соответствует ни одной из парцелл, на которые делится английское семантическое пространство fruits. В русском понимании важен тот признак, что фрукт (одну штучку) можно взять в руку. Какая у фрукта кожаца – значения не имеет.

Английские fruits (даже если исключить парцеллы berries и nuts) безразличны к размеру, но не безразличны к качеству кожуры, поэтому среди них и помидор, и арбуз, и тыква, и различные виды дынь, и другие не всегда известные русскому читателю плоды.

Совершенно другие наборы когнитивных классификаторов просматриваются в сфере абстрактных концептов.

Когнитивные классификационные признаки в поле интеллектуально-модальных состояний человека (вера, надежда, уверенность и др.) рассматривала О.В.Ивашенко. Среди этих классификационных признаков обнаружены:

оценка истинности имеющегося знания (у *веры* она выше, у *надежды* ниже);

оценка степени отчетливости, ясности знания (у *веры* высокая, у *надежды* невысокая);

вид объекта знания (любая информация, мифологическая информация, только желательная информация и нек.др.) (Ивашенко 2001).

Выявление и описание когнитивных классификационных признаков в лингвокогнитивном анализе представляет определенную трудность, поскольку классификаторы далеко не всегда имеют в языке названия и подобрать адекватную номинацию бывает затруднительно. Ср. традиционную трудность студента или аспиранта в ходе научной работы, транслируемую обычно научному руководителю: «Я сгруппировал примеры, но не знаю, как назвать эту группу!».

Важной задачей когнитивной лингвистики мы считаем исследование когнитивных классификационных признаков и создание их приблизительного перечня для определенных классов денотатов, что значительно облегчило бы дальнейшие исследования. Необходимо также найти адекватные словесные формулировки для классификационных признаков, которые были бы понятны и позволяли без осложнений применять их для описания концептов и значений.

В качестве примера возможного перечня приведем список когнитивных классификационных признаков, составленный одним из авторов в 1985 г. Тогда еще не было когнитивной лингвистики, и когнитивные классификационные признаки, выявленные при анализе варьирования существительного в тексте, автор интерпретировал в рамках семасиологии как *семантические признаки*, то есть как классификационные признаки сем. В современной когнитивной терминологии это когнитивные классификационные признаки. В перечень вошли только коммуникативно релевантные признаки, то есть такие, которые часто актуализируются в речи в условиях употребления существительных.

Материально-вещественный аспект

Общие габариты: крупный, небольшой

Вес: тяжелый, легкий

Толщина: толстый, тонкий

Высота: высокий, невысокий

Площадь: большая, небольшая

Внешние очертания

Цвет

Прочность: прочный, непрочный

Ровность поверхности: ровная, неровная
 Тактильность: твердый, мягкий
 Звучание: громкое, слабое
 Температура: высокая, низкая
 Материал изготовления
 Вкусовые качества: вкусный, невкусный
 Горючесть: горючий, негорючий
 Длина: длинный, короткий
 Ширина: широкий, узкий
 Освещенность: высокая, низкая
 Текучесть: текучий, нетекучий

Биологический аспект

Потребность в пище: большая, небольшая
 Биологическое состояние
 Отношение к противоположному полу
 Здоровье: здоровый, нездоровый

Временной аспект

Характерность для определенного момента
 Удаленность момента существования объекта от акта речи:
 давно, недавно
 Срок существования (возраст): старый, молодой
 Длительность существования объекта: долго, недолго

Пространственный аспект

Место функционирования объекта
 Место изготовления, получения объекта
 Место применения объекта
 Расположение в пределах другого объекта
 Удаленность от цивилизации: далеко, недалеко

Конструктивный аспект

Совершенство объекта: совершенный, примитивный
 Вместимость: большая, маленькая
 Сложность: сложный, простой
 Конструктивная важность: основной элемент, второстепенный элемент
 Качество изготовления: высокое, низкое
 Типичные конструктивные элементы
 Упорядоченность элементов: упорядочены, не упорядочены

Замкнутость объема: замкнут, не замкнут

Тщательность обработки: тщательно, нетщательно

Функциональная пригодность: пригодность, непригодность

Форма рабочей части

Приспособленность к тем или иным условиям функционирования.

Плодородность: плодородный, неплодородный

Погодные условия.

Плановость деятельности: плановая, бесплановая

Характер труда

Характер быта

Сфера деятельности

Самостоятельность приведения в действие: самоходность, несамоходность

Способ изготовления

Внешняя привлекательность: привлекательный, непривлекательный

Социально-психологический аспект

Интеллектуальный уровень: высокий, низкий

Профессиональный уровень: высокий, низкий

Уровень образования: высокий, низкий

Наличие тех или иных специальных знаний, навыков

Уровень культуры: высокий, низкий

Информированность: высокая, низкая

Характер.

Самостоятельность деятельности: самостоятельный, несамостоятельный

Круг возможностей: большой, незначительный

Уровень сознательности: высокий, низкий

Верность долгу: верен, неверен

Наличие предрассудков: наличие, отсутствие

Внимание к собственной внешности: проявляет, не проявляет

Моральный уровень: высокий, низкий

Моральные обязанности

Жизненный опыт: зрелый, незрелый

Политические, социальные взгляды

Характерные интересы

Функционально-деятельностный аспект

Скорость: высокая, низкая

Сила, мощность: большая, небольшая

Способность преодолевать препятствия; легко, с трудом

Активность, интенсивность функционирования: высокая, низкая

Производительность: высокая, низкая
 Ловкость, маневренность: высокая, низкая
 Типичное поведение.
 Характер воздействия на другой объект
 Эффективность действия: высокая, низкая
 Результат деятельности, действия.

Утилитарный аспект

Повседневная необходимость: является, не является необходимым
 Полезность для общества: полезен, не является полезным
 Требуемое объектом отношение
 Комфортабельность: комфортабельный, некомфортабельный
 Основное назначение объекта
 Побочные применения объекта
 Требуемые усилия для обращения с объектом: трудность, легкость обращения
 Условия жизнедеятельности: благоприятные, неблагоприятные
 Влияние на деятельность человека: препятствует, способствует
 Влияние на организм человека: благоприятное, неблагоприятное
 Влияние на жизнь человека: представляет угрозу, не представляет угрозу
 Вызываемые объектом эмоции: положительные, отрицательные
 Способность защитить людей: способен, не способен
 Требуемая объектом квалификация: высокая, низкая
 Даваемый жизненный опыт, навыки
 Даваемые знания
 Испытываемое объектом отношение
 Удобство использования: удобно, неудобно

Общественно-значимостный аспект

Дороговизна: дорогостоящий, недорогой
 Престижность: престижный, непрестижный
 Модность: модный, немодный
 Общественная значимость: высокая, невысокая
 Дефицитность: дефицитный, недефицитный
 Экзотичность: экзотичный, неэкзотичный
 Уникальность: уникальный, обычный
 Общественное положение: высокое, невысокое
 Перспективы роста: наличие, отсутствие
 Привилегированность: пользуется привилегиями, не пользуется
 Популярность: популярный, непопулярный
 Авторитетность: авторитетный, неавторитетный
 Заслуженность: заслуженный, не имеющий заслуг

Вызываемое общественное уважение: вызывает, не вызывает
 Материальная обеспеченность: высокая, низкая

Социально-культурный аспект

Категория лиц, пользующихся объектом

Отражаемый объектом материальный уровень развития общества:
 высокий, низкий

Отражаемый объектом научно-технический уровень развития
 общества: высокий, низкий

Отражаемый объектом социально-политический уровень развития
 общества: высокий, низкий

Отражаемый моральный уровень общества: высокий, низкий
 (Стернин 1985, с.152-155).

Классифицирующая роль когнитивных классификационных признаков вполне очевидна. Их состав и функции еще предстоит выявить. Изучение когнитивных классификационных признаков только началось и должно раскрыть много интересных особенностей в группировках концептов и языковых знаков.

2.15. Национальная специфика концептов

Национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноименных концептах в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры.

При этом, как справедливо отмечает В.И.Карасик, «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта» (Карасик 2004, с.112)

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты неполностью совпадают по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации. Показательны следующие примеры:

«Солнце по-русски - это совсем не то, что куёш по-узбекски, и уж совсем не то, что офтоб по-таджикски. В какие отношения - дружелюбные или тягостные - человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-уменьшительное «солнышко», так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодонесущим и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение - все красивое и желанное

он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным” (Т.Пулатов. Язык, автор, жизнь. «Литературное обозрение», 1976, № 8, с. 109).

«Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько недель в сентябре-октябре, когда в виноградарских деревнях Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие - праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь, так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу.

... Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? Но прежде - как объяснить «ртвели»? Сказать, что это пора сбора винограда, работа от зари до зари, а ночью - костер, отблеск пламени на человеческих лицах, искры в крошечной темени вина, уставшая за день долина выдыхает жар, посеребренные ранним октябрьским снегом горы струят неземной свет на виноградники.

Зачем тебе «ртвели»?... Тебе нужна прозрачная ясность этой поры, та ее неизбежная ясность, в которой всегда зрим итог пути. Тебе нужен самый воздух этого времени, растворенное в нем чувство... блага жизни, осознание ее смысла и цели. И сильнее, чем когда-либо, ощущаешь, что и сам принадлежишь этой земле.

В эту пору грузинской жизни, когда даль прояснена до конца, когда открыты связи между земным и возвышенным, зримым и потаенным, личным и общинным, скоротечным и вечным, лишь тот несчастлив, кто отстранен от праздника неистовой работы» (Т.Мамаладзе. Несокрушимый Давид? «Литературная газета», 1982, 24 марта).

Солнце, луна, пора сбора винограда – эти концепты есть в русской, узбекской и грузинской культурах, но их содержание национально специфично.

Национальная специфика концептов проявляется в наличии несовпадающих когнитивных признаков, в разной яркости тех или иных когнитивных признаков в национальных концептах, в разной полевой организации одноименных концептов (то, что в одном языке составляет ядро, в другой культуре может быть периферийным), в различиях образного компонента, интерпретационного поля, в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата – одни классификаторы важнее и ярче в одной культуре, другие – в другой и т.д.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептов проявляется в наличии безэквивалентных концептов в национальных концептосферах.

Безэквивалентные концепты могут быть выявлены через безэквивалентные языковые единицы. Безэквивалентная единица – всегда показатель наличия некоторой уникальности, национального своеобразия концепта в сознании народа. Ср. русские безэквивалентные единицы – и, соответственно, представляемые ими концепты - *авось, духовность,*

интеллигенция, непротивление, пошлость, порядочность, смекалка, разговор по душам, выяснение отношений, соборность.

Примеры национальных концептов, представленных в концептосферах англо-саксонского мира: *life quality* «качество жизни», *privacy* «неприкосновенность частной жизни», *self* «самостоятельность личности» *quality time* «время, проведенное за любимым или важным занятием», *tolerance* «толерантность», *political correctness* «политическая корректность», *fun* «все, доставляющее радость, развлечение, удовольствие», *fortnight* «период времени продолжительностью в две недели», *challenge* «некоторая сложная задача или проблема, стимулирующая заняться ее решением, требующая усилий, мужества, смелости и напряжения сил для ее решения и предоставляющая возможность людям проверить свои силы на решении этой проблемы, доказать свою способность оказаться на высоте при ее решении», *fair play* «честная игра», *diffamation* «публичное оскорбление, унижение, дезинформация» etc.

Немецкие безэквивалентные концепты: *Spass* «все, доставляющее радость, развлечение, удовольствие», *Feierabend* «часть суток от окончания рабочего дня до отхода ко сну».

Китайский безэквивалентный концепт: *shan wei* «резкий бараний запах».

Японский национальный концепт: саби («уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука»), есть концепт «женщина, которая, живи она в другое время, имела бы большой успех у мужчин».

Финский национальный концепт: *sisu* – «особая финская твердость духа и умение стойко преодолевать препятствия».

Французское *savoir-vivre* – «умение жить в удовольствие, с наслаждением».

У индейцев Северной Америки есть концепт *потлач* – «пир, который разоряет человека и делает его знаменитым».

В одном из палеоазиатских языков есть концепт «плывя вниз по течению на каноэ, пристать к берегу, чтобы лечь на дно лодки и провести в ней ночь».

Примеры таких концептов могут быть умножены.

Однако надо иметь в виду, что словесная невыраженность – не гарантия концептуальной безэквивалентности концепта. В другом языке концепт может быть выражен фразеологизмом, устойчивым сочетанием слов, может иметь устойчивое описательное выражение. Кроме того, концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но быть лексически не выраженным, не вербализованным. Например, таков китайский концепт *ling shi* «нулевая еда» (например, семечки, орешки, мороженое): в русской концептосфере этот концепт есть (мы понимаем, что такая еда есть, что это не настоящая еда, говорим «Разве это еда?»), но у нас нет языковой

единицы для его обозначения, а китайцы этот концепт номинативно обозначили.

Возможна и такая ситуация: при отсутствии общенародного концепта наличие в сознании отдельных людей или групп людей концептов, свойственных концептосфере других народов (ср. западное понимание демократии, прав личности, закона, толерантности и мн.др. в сознании ряда российских политических деятелей и сторонников либеральных политических взглядов).

Таким образом, если установление национальной специфики концептов требует описания концептов двух культур и сопоставления этих концептов по составу когнитивных признаков и их статусу, яркости в структуре концепта, то выявление безэквивалентных, эндемичных концептов требует тщательного когнитивного, культурологического и исторического анализа.

2.16. Номинативная плотность концепта

Важной характеристикой концепта является его *номинативная плотность* (термин В.И.Карасика). Мы в этом смысле употребляли ранее термин *номинативная дробность*, но термин, предложенный В.И.Карасиком, представляется более удачным.

Под номинативной плотностью понимается степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» (Карасик 2004, с.112).

«Неравномерная концептуализация различных фрагментов действительности проявляется в виде *номинативной плотности* – одни явления действительности получают детальное и множественное однословное наименование, между лексическими и фразеологическими выражениями соответствующих концептов устанавливаются различные системные отношения уточнения, сходства и различия, в то время как другие явления обозначаются общим недифференцированным знаком» (Карасик 2004, с.111).

Например, по свидетельству В.И.Карасика, в китайском языке много однословных наименований путешественников, обозначены отдельными словами путешествующие императоры, аристократы. В русском есть одно слово – путешественник. В китайском языке намного больше однословных наименований запахов, чем в русском. У тюркских народов есть однословная дифференциация напитков из кобыльего и верблюжьего молока – *кумыс* и *шубат*. В английском языке много дифференцированных названий концепта *плыть*.

Известно, что у северных народов много однословных названий снега, оленей, моржей. Кстати, в русском языке пять названий снега с ветром – *метель, пурга, вьюга, поземка, буран*, а в большинстве европейских языков есть одно словосочетание или сложное слово – *снежный шторм*.

Номинативная плотность – относительный показатель: в одном языке много прямых наименований различных видов концепта, а в другом мало или используется не однословное, а описательное выражение.

О чем свидетельствует высокая или низкая номинативная плотность концепта, о каких признаках концепта как когнитивного феномена?

Высокая номинативная плотность концепта свидетельствует:

1. об актуальности осмысления той или иной сферы действительности для конкретного сообщества: «важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности» (Карасик 2004. с.112). Если наименований много, то данная сфера действительности важна для практической деятельности народа и поэтому детально осмысливается;

2. о древности соответствующего концепта, а также о его ценностной значимости: «чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива» (Слышкин От текста к символу 2000, с.18);

3. о коммуникативной релевантности концепта, необходимости обсуждать его, обмениваться данной концептуальной информацией в конкретном социуме: раз у концепта много видовых названий, значит об этом необходимо детально говорить, данная концептуальная информация коммуникативно востребована.

Подчеркнем еще раз, что причины вербализации или отсутствия вербализации концепта - чисто коммуникативные (коммуникативная релевантность концепта).

Вместе с тем, количественная незначительность номинативного поля концепта, особенно в области прямой, непосредственной номинации концепта (то есть номинации собственно концепта в целом, а не отдельных его признаков), далеко не обязательно свидетельствует о его коммуникативной нерелевантности – ср. концепт «русский язык», который имеет ограниченную системную объективацию (*русский язык, русский*), но частотность этих единиц велика и концепт коммуникативно релевантен.

Известно также, что увеличение количества языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, формирование обширного синонимического ряда или лексико-фразеологического поля является отражением коммуникативной значимости, а, следовательно, популярности того или иного предмета, явления («закон Шпербера»). Такой предмет или явление подвергается в соответствующий период развития общества дополнительному осмыслению, в нем выявляются новые признаки, которые и отражаются в увеличении номинативного поля данного концепта и повышении его номинативной плотности.

2.17. Рекуррентность концепта

Рекуррентность концепта (частотность его языковых репрезентаций в речи) является важным показателем актуальности концепта в когнитивном сознании народа. Она отражает не только языковую, но и когнитивную, и лингвосоциальную актуальность концепта (Титова 2003).

Мы уже отмечали, что увеличение количества языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, формирование обширного синонимического ряда («закон Шпербера») – отражение роста популярности денотата концепта.

Представляется, что то же самое можно сказать и о частотности языковых единиц, номинирующих актуальный, важный или популярный в тот или иной период развития общества концепт: если возрастает частотность единиц, объективирующих концепт, то это свидетельствует прежде всего о повышении коммуникативной релевантности концепта, то есть о том, что он активно обсуждается в обществе, а, следовательно, о его *профилировании* (термин Лангакера) в национальной концептосфере – выдвигании на передний план, усилении яркости концепта как компонента национальной концептосферы, то есть его *актуализации*. Это можно назвать *законом коммуникативной релевантности* концепта: если концепт актуализируется, «профилируется» в концептосфере, то возрастает и его рекуррентность, т.е. повышается частотность номинирующих его лексических единиц; если его актуальность утрачивается, снижается и частотность объективирующих его языковых средств.

Проиллюстрируем закон коммуникативной релевантности концепта материалами Частотного словаря иноязычных слов (Шилова, Стернин 2005), которые позволяют убедительно проследить действие названного закона в русской лексике.

Анализируя наиболее частотные единицы языка в определенный период его развития, можно методом когнитивной интерпретации выявить концепты, обладающие наибольшей актуальностью для данного периода развития национального сознания.

Анализ состава иноязычных лексических единиц, повысивших свою частотность в последние десятилетия в сопоставлении данными более ранних частотных словарей – Частотного словаря русского языка под ред. Л.Н.Засориной (М., 1977) и Частотного словаря языка газеты Г.П.Поляковой и Г.Я.Солганика (М., 1971) – свидетельствует, что в начале XXI века в русской концептосфере значительно повысилась коммуникативная релевантность таких концептов как:

ВЛАСТЬ (представлен номинативным полем *президент, президентский, вице-президент, резиденция, администрация, губернатор, губернаторский, премьер-министр, премьер, департамент, инстанция, элита*);

ФЕДЕРАЦИЯ (*федерация, федеральный, региональный*);

ВЫБОРНЫЕ ОРГАНЫ (*депутат, лидер, парламент, парламентский, кандидат, фонд, кампания, дискуссия, кворум, депутатский*);

РЕФОРМА (*реформа, модернизация, модель, прогноз, стратегия, доктрина*);

ФИНАНСЫ (*финансы, бюджет, финансовый, тариф, банковский, финансирование, валюта, кредит, инфляция, финансировать. валютный тариф, субсидия, кредитный, балансовый, дебиторский*);

БИЗНЕС (*бизнес, коммерческий, реализация, конкуренция, аренда, акционер, контракт, клиент, банкрот арендовать, бизнесмен, корпоративный, конъюнктура*);

ЭКОНОМИКА (*экспорт, импорт, лот, инвестиция, депрессия, инвестиционный, экспортный, монополист, индекс, банкротство, статистика, аудитор, приватизация*);

ТЕРРОРИЗМ (*террорист, терроризм, террористический, террор*);

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (*лидер, концепция, декларация, оппозиция, фракция, диалог, конгресс, санкция, досье, регламент, референдум, оппонент, дискутировать, лидерство, оппозиционный*);

КОНФЛИКТ (*конфликт, стабильность, стабильный, катаклизм*);

ИНФОРМАЦИЯ (*комментировать, комментарий, пресс-служба, сенсация, комментатор, сенсационный*);

КРИМИНАЛ (*бандит, дезертир, криминал, коррупция*);

ЭКСПЕРТИЗА (*экспертный, прогноз, экспертиза, компетентный*);

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА (*субсидия, гуманитарный, компенсация*).

Даже беглый взгляд на объем номинативных полей, включающих, напомним, высокочастотную лексику, повысившую свою частотность в последние десятилетия, показывает, что актуальны для современной публичной концептосферы прежде всего концепты *власть, финансы, экономика, бизнес, политическая деятельность*.

Новые частотные иноязычные слова, зафиксированные словарем 2005, также сигнализируют о коммуникативной релевантности практически тех же концептов:

регион – **ФЕДЕРАЦИЯ**;

интернет, компьютер, факс, сайт, компьютерный - **КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**;

регистрировать, офис, приватизация, дефолт, лизинг, тендер, экспортировать, бартер, холдинг – **ЭКОНОМИКА**;

тарифный, грант, бюджетный, демпинговый, кредитование, кадастровый – **ФИНАНСЫ**;

менеджер, олигарх, миноритарный, трансфер - агент – **БИЗНЕС**;

вердикт, арбитражный - **СУД**;

индексация, ликвидатор, спонсор - **СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА**;

теракт, блокпост, антитеррористический, экстремист – **ТЕРРОРИЗМ**;

лицензия, лицензировать, сертифицировать – **КОНТРОЛЬ**;

спикер, мажоритарный, вице-спикер - **ВЫБОРНЫЕ ОРГАНЫ**;

реформирование, реформировать, реструктуризация, оптимизация, стабилизировать, реструктурировать, адаптироваться – РЕФОРМЫ;

мэр, мэрия, муниципалитет, автономия, гарант – ВЛАСТЬ;

наркотики, криминальный, талиб, мафия, наркоман, экстремист, криминогенный – КРИМИНАЛ;

саммит, консенсус, лоббировать, мораторий, инициировать, декларировать - ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;

геополитический, глобальный, глобализация, интеграция – ГЛОБАЛИЗАЦИЯ;

экологический, экология – ЭКОЛОГИЯ;

контактный, пиар, аналитик, консультировать - ИНФОРМАЦИЯ;

лицензия, визовый – КОНТРОЛЬ.

Новые иноязычные слова преимущественно объективируют те же концепты, что и повысившая частотность «старая» иноязычная лексика, но появляются в общественном сознании и новые коммуникативно релевантные концепты: *глобализация, экология, компьютерные технологии, суд, контроль.*

Анализ в словаре 2005 списка слов, которые понизили свою частотность за истекшие десятилетия, также дает материал для выявления концептов, утративших коммуникативную релевантность в общественном сознании. В этой сфере выявляются некоторые явления, которые могут выглядеть неожиданными и требуют объяснения.

Резко снизилась частотность употребления общих терминов *экономика, экономический*. Это связано, видимо, с переносом внимания общества от общих проблем экономики к экономике конкретной, что выражается в повышении частотности конкретных экономических терминов за счет общих.

На ослабление коммуникативной востребованности концепта *демократия* указывает существенное сокращение частотности лексем *демократический, демократия, демократ*. С одной стороны, это связано, видимо, с достижением российским обществом определенных демократических свобод (как, например, вышло из употребления слово *гласность* после достижения гласности), а с другой – проявляющейся в последнее время тенденцией уменьшения значения *демократии* в обществе в пользу *порядка и стабильности*.

Снижение частотности лексем *эффективность, традиция, традиционный, претензия, диктатор, диктатура, результат* также свидетельствуют о снижении коммуникативной релевантности объективируемых ими концептов в современном публичном сознании. Снизилась и весьма существенно рекуррентность концепта *военный*.

Вместе с тем, снижение частотности некоторых лексем - *аппарат, дебют период, факт* и нек. др. – не поддается когнитивной интерпретации и связано, видимо, со случайными причинами – выбор текстов, общественный момент и др.

Таким образом, когнитивная интерпретация рекуррентности лексических единиц позволяет выявить коммуникативно релевантные и нерелевантные концепты в концептосфере народа и проследить их динамику.

Рекуррентность языковых объективаций концепта свидетельствует о процессах актуализации и деактуализации концептов в общественном сознании, и по показателю частотности можно судить об изменениях актуальности концепта в концептосфере народа.

Рекуррентность концепта может также свидетельствовать об актуальности или неактуальности концептов в индивидуальной концептосфере. Покажем это на примере анализа частотного словаря языка М.Ю.Лермонтова (Лермонтовская энциклопедия 1981, с.717-774).

Предметом анализа была коммуникативная лексика поэта. Под коммуникативной лексикой понимается лексика, относящаяся к тематической сфере «коммуникация» и включающая слова, характеризующие язык, его элементы, процессы говорения и слушания, различные речевые жанры и др. Ставилась задача определить, какие коммуникативные концепты были наиболее актуальны для Лермонтова и наиболее востребованы им в его творчестве.

Анализ позволяет в определенной мере реконструировать языковое сознание автора и сделать определенные выводы о его языковых и когнитивных предпочтениях, установить, какие коммуникативные концепты для поэта были более, а какие – менее актуальны, какие концепты он чаще актуализировал в своем творчестве, какие из них были для него коммуникативно, а следовательно и когнитивно релевантны в тот или иной период творчества.

Разумеется, по частотному словарю нельзя составить полной картины коммуникативного сознания поэта, поскольку словарь включает только написанное им, но определенные тенденции анализ частотного словника позволяет уловить достаточно отчетливо.

В частотном словаре, как показывает анализ, зафиксированы следующие коммуникативные лексемы (приводятся слова из первой тысячи частотных слов с указанием их абсолютной частоты в шеститомнике сочинений М.Ю.Лермонтова): *сказать 1101, говорить 732, слово 542, отвечать 335, голос 272, слышать 249, просить 230, улыбка 202, песня 199, молчание 181, слушать 166, смеяться 152, прощай 132, послушать 127, разговор 127, спросить 127, клясться 124, молчать 121, имя 119, писать 118, звать 106, крик 99, читать 95, ответ 91, шутить 90, внимать 87, немой 86, рассказать 85, молча 79, слышать 72, смех 72, благодарить 68, написать 65, книга 65, услышать 65, молить 64, кричать 61, признаться 60, рассказывать 60, проклятие 59, рассказ 57, улыбаться 57, клятва 56, утка 56, закричать 53, объяснить 52, глухой 51, вопрос 50, название 49, проклясть 48, спрашивать 48, шептать 48.*

Таким образом, из 1000 самых частотных слов 52 слова – это коммуникативная лексика. Это немного, но, как известно, поэт сам не был очень коммуникабельным человеком, что несомненно отразилось и в его

творчестве. Следует отметить, что некоторые слова многозначны, и слово может «набрать» данную частотность, будучи употреблено не только в «коммуникативном значении» – ср. немой, глухой, прощай и нек. др. Но количество таких случаев в массиве коммуникативной лексики невелико М.Ю.Лермонтова и серьезных изменений в результате исследования это не может внести. Разумеется, при анализе всего массива словника частотного словаря (а не только тысячи наиболее частотных единиц) список коммуникативных лексем расширится, но основные тенденции, как показывает практика подобных исследований, в основном сохраняются – тысяча самых частотных единиц является достаточно репрезентативной выборкой для лексикона человека.

Естественно, вербализация коммуникативных концептов поэта фиксируется Словарем в художественных текстах, где использование той или иной номинации опосредовано художественными задачами, тематикой конкретного произведения и другими творческими факторами. Но мы полагаем, что тенденции, проявляющиеся в наиболее частотном словоупотреблении поэта, в любом случае в художественной форме отражают его личную концептосферу, в том числе - отражают его коммуникативное сознание, которое может быть частично моделировано методом когнитивной интерпретации языковых фактов (Стернин 2003, с.18-19).

В текстах М.Ю.Лермонтова выделяются следующие основные семантические разряды коммуникативной лексики:

обозначение процесса устной и письменной речи:

- процесс речи – сказать 1101, говорить 732, отвечать 335, разговор 127, писать 118, рассказать 85, написать 65, рассказывать 60;

- отсутствие процесса речи - молчание 181, молчать 121, молча 79;

- восприятие речи – слышать 249, слушать 166, послушать 127, читать 95, внимать 87, слыхать 82, услышать 65;

обозначение различных видов речи:

спокойная, неэмоциональная речь – просить 230, спросить 127, звать 106, ответ 91, благодарить 68, признаться 60, рассказ 57, объяснить 52, спрашивать 48;

эмоциональная речь - клясться 124, крик 99, шутить 90, молить 64, кричать 61, проклятие 59, клятва 56, шутка 56, закричать 53, вопрос 50, проклясть 48; шептать 48;

обозначение невербальных компонентов общения – улыбка 202, смеяться 152, смех 72, улыбаться 57;

обозначение элементов речи – слово 542, голос 272, имя 119, название 49;

обозначение лиц по речевому признаку – немой 86, глухой 51;

обозначение жанров словесных произведений – песня 199, книга 65;

единицы речевого этикета – прощай 132.

Когнитивная интерпретация описанных языковых фактов позволяет выявить коммуникативные концепты, отраженные в творчестве поэта

употреблением определенных семантических разрядов лексики. Это концепты «процесс речи», «виды речи», «компоненты речи», «характеристика лиц по речи», «словесные произведения», «речевой этикет». Данные концепты вербализуются единицами различных семантических подгрупп, каждая из которых представляет в тексте определенный компонент соответствующего концепта, образуемый, в свою очередь, некоторым набором когнитивных признаков.

Наиболее ярким, активным в коммуникативном сознании поэта и наиболее часто вербализуемым им в тексте оказывается коммуникативный концепт «процесс речи» (3875 вербализаций). В структуре данного концепта яркость когнитивного компонента «наличие процесса речи» (вербализован в различной языковой форме 2772 раза) более чем в три раза превышает яркость компонента «восприятие речи» (871 вербализация), а компонент «молчание», в свою очередь, почти в три раза уступает по яркости компоненту «восприятие речи» (381 вербализация). Для коммуникативного сознания поэта речевая деятельность как процесс, очевидно, выступает как доминирующий, основной когнитивный признак концепта «процесс речи»: для М.Ю.Лермонтова процесс речи представляется преимущественно в виде процесса говорения, а не слушания или, тем более, молчания.

В компоненте «наличие процесса речи» доминирует по яркости когнитивный признак «говорение» (сказать 1101, говорить 732), затем идут признаки «ответ» (отвечать 335), «письмо» (писать 118, написать 65), «рассказ» (рассказать 85, рассказывать 60); «разговор» (разговор 127),

В компоненте «восприятие речи» выделяется очень яркий признак «слушание» (слышать 249, слушать 166, послушать 127, внимать 87, слышать 82, услышать 65) и гораздо менее яркий когнитивный признак «чтение» (читать 95).

Достаточно ярким выступает и концепт «виды речи» – он вербализован 1586 раз. В данном концепте у М.Ю.Лермонтова выделяются два основных когнитивных компонента – «неэмоциональная речь» и «эмоциональная речь». При этом характерно, что вербализация первого из названных компонентов (889 вербализаций) оказывается по частотности несколько выше частотности вербализации второго (758 вербализаций) – для коммуникативного сознания поэта такой признак речи как ее неэмоциональность оказывается несколько более существенным и коммуникативно востребованным, чем эмоциональность.

Отметим, что в структуре компонента «эмоциональная речь» выделяется достаточно яркий когнитивный признак «проклинать» (проклятие 59, клятва 56, проклясть 48), что, видимо, отражает индивидуальные особенности коммуникативной концептосферы поэта.

Концепт «компоненты речи» (1465 вербализаций) по яркости примерно равен концепту «виды речи». В нем выделяются два основных когнитивных компонента – «вербальные компоненты речи» и «невербальные компоненты речи». В первом из этих компонентов

наиболее ярким является признак «слово», гораздо менее яркими выступают признаки «голос» и «имя (название)».

Второй компонент включает исключительно характеристику улыбки, смеха (483 вербализации). Другие компоненты невербальной коммуникации в концептосфере Лермонтова не представлены.

Концепты «характеристика лица по речи» и «словесные произведения» незначительны по яркости и бедны когнитивным содержанием.

Невысокая яркость разряда единиц речевого этикета (единственная лексема *прощай*) свидетельствует о «нелюбви» поэта к речевому этикету – по крайней мере, к его изображению в своих произведениях. Концепт «речевой этикет» в коммуникативном сознании поэта занимает далеко не самое важное место.

Таким образом, рекуррентность языковых объективаций концепта в речи отражает определенные особенности когнитивного сознания народа или отдельной личности, которые могут быть выявлены через анализ частотности языковых вербализаций.

Рекуррентность отдельных единиц номинативного поля концепта отражает связь между актуальностью концепта для когнитивного сознания и его номинацией в коммуникативном процессе, что подтверждает действие закона коммуникативной релевантности концепта: частотные номинации свидетельствуют об актуальности концепта для сознания его носителей.

Обзор основных категорий и постулатов когнитивной лингвистики показывает всю сложность и противоречивость становления этого отдела науки о языке.

Развиваемый нами семантико-когнитивный подход к изучению языковых единиц опирается на следующие основные методологические установки.

Концептосфера людей – совокупность концептов (образов предметов и ситуаций внешнего мира). Наиболее нужные для общения, коммуникативно востребованные концепты получают выражение, овнешнение с помощью языковых знаков, вербализуются. Вербализованные концепты разными своими признаками входят в семантическое пространство языка. Изучая семантическое пространство языка, лингвист добывает разнообразную информацию о концептосфере человека. Семантика языковых знаков доступна лингвистическому анализу благодаря специально разработанным методам и приёмам. О некоторых из них пойдет речь в следующей главе.

Глава 3.

Методы и приемы семантико-когнитивного описания концептов

3.1. Принципы семантико-когнитивного анализа концептов

«Методика исследования концептов ... заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов; в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов. Затем - на их основе - обобщение особенностей концептов, а также выделение концептуальных структур, когнитивных моделей и языковых схем актуализации исследуемых концептов в сравниваемых языках» (Пименова Монография 2004, с.20).

Как отмечает Н.В.Крючкова, «для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентаций концепта в лексико-семантических системах языков, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта. Такой анализ позволяет увидеть, какое содержание вкладывают носители того или иного языка в те или иные понятия и выявить связи, существующие в концептуальной системе носителей языка (т.е. взаимодействие анализируемого концепта с другими концептами). Материал ассоциативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания признаков концепта» (Крючкова 2005, с. 23).

Основные этапы семантико-когнитивного исследования в нашем представлении таковы:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.
4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка.

Данный этап факультативен, но желателен, поскольку в любом описании концепта велика роль субъективизма исследователя в выделении и формулировании когнитивных признаков, а носители языка в специальном эксперименте могут подтвердить или опровергнуть правильность выделения исследователем того или иного когнитивного признака. Появляется также возможность при обработке результатов, полученных от испытуемых, вычислить яркость каждого признака в структуре концепта, что позволяет ранжировать когнитивные признаки в концепте по яркости, выделить ядро и периферию.

Если у исследователя отсутствуют возможности проведения верификации, ему приходится полагаться на собственную языковую интуицию, собственный опыт носителя языка.

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Следующие шаги будут зависеть от того, ставит ли исследователь своей задачей двигаться дальше в сферу когнитивно-семасиологических либо лингвоконцептологических исследований (то есть, ставит ли он задачу описать семантику тех или иных языковых единиц с использованием когнитивных данных или моделировать концепт как единицу сознания).

В первом случае полученные когнитивные данные просто используются для объяснения семантического развития исследуемых языковых единиц. Например, понятия когнитивного признака, классификатора используются для объяснения появления тех или иных сем или семем, их группировок, изменений в семантике слова, перестроек семантемы слова.

Во втором случае необходим этап моделирования концепта, который позволит описать концепт как целостную ментальную единицу и предполагает несколько последовательных шагов:

- описание макроструктуры концепта (атрибуция выявленных когнитивных признаков образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);
- описание категориальной структуры концепта (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков);
- описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Результаты когнитивной интерпретации и верификации позволяют представить модель содержания исследуемого концепта.

Итогом моделирования концепта в рамках лингвоконцептологического исследования является словесное или графическое представление содержания концепта в виде полевой структуры.

1. Словесная модель

Концепт описывается словами, отдельно – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия.

Когнитивные признаки, выделенные и распределенные *по полевым зонам в структуре концепта*, ранжируются по степени их яркости в структуре концепта (по процентному количеству установленных в эксперименте языковых репрезентаций, объективирующих соответствующий когнитивный признак).

Следует иметь в виду, что полевое описание содержания концепта далеко не всегда совпадает с его макроструктурой: яркими (профилирующими), и, соответственно, ядерными, в равной степени могут оказаться и компоненты образа, и компоненты информационного содержания концепта, и компоненты его интерпретационного поля, аналогично, отдельные признаки данных макрокомпонентов могут оказаться и в ближней, и в дальней, и в крайней периферии содержания концепта. Принадлежность того или иного признака концепта конкретной полевой зоне определяется исключительно яркостью соответствующего когнитивного признака, его актуальностью для когнитивного сознания, и не зависит от макрокомпонента концепта, которому он принадлежит.

Примеры словесного представления полевой структуры концепта:

- концепт «английский язык» по данным направленного ассоциативного эксперимента (163 ии, Тавдгиридзе 2001, с.66-70):

Ядро:

всемирный 34%; прекрасный (34%);

Ближняя периферия:

общедоступный 23%; благозвучный 23%;

Дальняя периферия:

сложный 16,5%, необходимый 15%, хороший 15%, чуждой 12%, ужасный (12%), красивый 10%; современный 10%, интересный 10%,

Крайняя периферия:

многообразный 7%, стандартный 7% грубый 7%, яркий 5%, умный 5,5%, тупой, вежливый, оригинальный, культурный 2,5%;

- концепт *закон* по данным свободного ассоциативного эксперимента (400 ии, Фридман 2004, с. 39-44):

Ядро:

правило общественного поведения, общепринятое, обязательное (40%); за нарушение следует наказание (36,5%),

Ближняя периферия:

постановление высшего органа государственной власти (20%);

Дальняя периферия:

опубликовано в книгах (12,6%), система нравственных требований (10%);

Крайняя периферия:

соблюдать закон - моральная обязанность человека (4%), закон можно повернуть в нужном направлении (4%), известные фильмы, телевизионные программы, посвященные закону - «Человек и закон» (1,3) «Закон есть закон» (1,3%), закон ограничивает деятельность человека (1,3%).

2. Графическая модель

Ее преимущество – в наглядности представления полевой структуры, но в ней трудней представить содержательные компоненты концепта, поскольку в ней чисто технически трудно разместить всю необходимую содержательную информацию.

Примеры графического представления модели некоторых концептов приведены в параграфе седьмом данной главы.

Необходимо помнить, что, даже рассмотрев всю доступную нам совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, проведя психолингвистические эксперименты и осуществив когнитивную интерпретацию их результатов, мы все равно не получаем исчерпывающего описания концепта, это всегда будет лишь описание части концепта, так как:

во-первых, концепт представляет собой объемную нежестко структурированную ментальную единицу, исчерпывающе ее выразить языковыми средствами просто невозможно;

во-вторых, в концепте всегда есть невербализованная часть содержания; *в-третьих*, всегда есть возрастная, профессиональная, гендерная, а также индивидуальная составляющие концепта, которые далеко не во всем объеме вербализуются и их далеко не всегда удастся обнаружить в полном объеме при описании концепта;

в-четвертых, ни один исследователь и ни один лингвистический метод не может выявить и зафиксировать все средства языковой и речевой репрезентации концепта в данном социуме, всегда что-то остается «за кадром», не зафиксированным и, следовательно, неучтенным;

и в –пятых, концепт величина динамичная, в огромной степени зависимая от состояния общества, общественной ситуации: «содержание концепта, а также его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые в свою очередь определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей»

(Крючкова 2005, с.23), поэтому любое синхронное описание концепта всегда будет именно описанием структуры и содержания концепта на данном конкретном историческом этапе, и его нельзя экстраполировать на более или менее длительный период существования общественного сознания.

В любом случае моделирование макроструктуры и полевой организации концепта - это гипотетическая модель концепта, даже если в ходе исследования были применены экспериментальные приемы исследования и верификации, поскольку концепт – явление сознания и исследователь в любом случае моделирует концепт по косвенным признакам его проявления. Как совершенно справедливо отмечает А.А.Залевская, «весьма наивной представляется вера некоторых исследователей в то, что якобы можно описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка..., мы можем лишь *строить определенные предположения, модели и подобное*, в отношении того, что не поддается прямому наблюдению» (Залевская 2003, с.32).

Таким образом, любая модель концепта – это лишь исследовательская модель, некоторое приближение к концепту как ментальной единице.

3.2. Методы описания значений и концептов: сходства и различия

Лингвокогнитивная методика описания и моделирования концептов строится на анализе семантики языковых средств, объективирующих концепт. Анализ семантики, как традиционно- лингвистический, так и экспериментальный, может дать исследователю как описание собственно значений лексических единиц (лексикографического и психолингвистического), так и описание концепта.

В связи с многочисленными трудностями разграничения значений и концептов, которые встают перед молодыми исследователями в ходе практического исследования, изложим отдельно методики «извлечения» из языкового материала значений и концептов.

Лексикографическое значение

Наиболее надежными приемами описания содержания и структуры *лексикографического значения* являются логический метод, метод интроспекции, анализ употребления слова в различных письменных и устных контекстах, в идеале – метод компонентного анализа (хотя большинством составителей словарей этот метод не применяется из-за его трудоемкости).

Лексикографическое значение формулируется на основе анализа многочисленных контекстов употребления слова путем логической редукции семантических признаков, признаваемых лексикографом

несущественными. Если слово обозначает разные денотаты, то выделяются разные значения, которые располагаются в словарной статье от основного к производным, более поздним по возникновению, связанным с основным отношениями семантической производности.

Основное, ядерное значение и порядок расположения периферийных, производных значений в семанте определяется логическим анализом, историческим анализом, субъективно определяемой частотностью значений, а также лексикографической традицией.

Психолингвистическое значение

Наиболее эффективным методом изучения психологически реальных значений и концептов как «реальностей сознания» людей является психолингвистический эксперимент, и прежде всего - ассоциативный эксперимент в двух его разновидностях - свободный и направленный.

При описании психолингвистического значения ассоциативный эксперимент – как свободный, так и направленный – дает достоверные данные при учете только первой ассоциативной реакции, поскольку остальные ассоциации могут быть уже ассоциациями не на собственно стимул, сколько на предыдущую реакцию; учет первой реакции позволяет избежать этого недостатка.

Ассоциативный эксперимент, как свободный, так и направленный, имеет своей целью построение ассоциативного поля стимула (описание совокупности реакций, упорядоченных по убыванию частотности), которое далее выступает как материал для семантической интерпретации.

Методика описания психолингвистического значения слова может быть представлена следующим образом:

1. Проведение ассоциативного эксперимента с исследуемым словом в качестве стимула.
2. Построение ассоциативного поля исследуемого слова-стимула.
3. Семантическая интерпретация ассоциативных реакций как языковых репрезентаций сем.
4. Семемная атрибуция полученных сем (распределение сем по отдельным значениям по денотативному принципу).
5. Семное описание содержания и структуры выделенных значений как связной совокупности сем.
6. Моделирование семантемы как упорядоченного множества выделенных семем по принципу убывания яркости семемы в семантеме.

Проиллюстрируем изложенную методику примером конкретного описания значения слова *жертва* (исследование проведено под нашим руководством Ж.И.Фридман).

1. Ассоциативный эксперимент.

С группой испытуемых (500 человек) был проведен свободный ассоциативный эксперимент со стимулом «жертва». Информанты напротив предложенного слова-стимула должны были записать первое

слово, которое придет им в голову. В случае, если такое слово не находится, опрашиваемые ставили прочерк. Полученные ответы были обработаны и построено ассоциативное поле стимула «жертва».

2. Построение ассоциативного поля.

Ассоциативное поле исследуемого слова в сознании носителей русского языка по завершению обработки полученных ответов приобрело следующий вид:

Жертва 500 - убийство **33**, преступление **30**, насилие **26**, труп **23**, потерпевший **19**, хищник **14**, боль, смерть **12**, кровь **11**, овца **10**, террор **8**, жалость, любовь, слабость, теракт **7**, обстоятельств **6**, жизнь, маньяк, пострадавший, секта, страх **5**, война, горе, жалость, животное, нападение, невинная, обмана, палач, самоотдача **4**, войны, костер, милостыня, ночь, несправедливость, подвиг, потеря, преступник, приносить, приношение, религия, убийца, ягненок **3**, алтарь, бедняга, беззащитность, беспомощность, горе, заговор, изгой, лишение жизни, необходимость, оккультизм, охотник, помощь, ради чего-то, репрессий, садизм, свинья, сериал, системы, случайность, сожаление, терроризм, унижение, уничтожение **2**, авария, автокатастрофа, агнец, беда, бедная, бессилие, бессмысленная, бомж, бюрократизм, виновный, вклад, во имя чего-то, гибель, глупость, Голгофа, голод, город, грех, грубость, дань, дар, диета, других людей, Жанна Д'арк, женщина, заяц, зло, идол, Иисус, капкан, кара, котлета, крыса перед змеей, какой-то аферы, ловушка, ложь, месть, муки, мучение, мясо, нападавший, напрасно, народ, невезучий, невнимательность, ненависть, несчастная, нож, обреченность, обряд, ограбление, отказ, пассивность, печаль, плач, племя, пленник, подопытный кролик, покушение, польза, поражение, предательство, преклонение, преступность, птица, раб, ради кого-то, разбой, рана, раненый, раненый зверек, репрессий, семья, скандал, слабый человек, слезы, Сталин, траур, убитое животное, убитый, узники, улица, усилие, утрата, ущерб, фильм, цель, человек, что-то страшное, язычество **1**, отказы – **33**.

3. Семантическая интерпретация ассоциативных реакций.

Семантическая интерпретация полученных реакций заключалась в осмыслении полученных ассоциаций как языковых репрезентаций семантических компонентов слова-стимула (сем).

Значения ассоциатов переформулировались как значения семантических компонентов, образующих значение слова-стимула. При этом производится обобщение полученных результатов: близкие по семантике ассоциаты, по-разному называющие фактически один и тот же семантический компонент, объединяются, а их частотность суммируется.

Например: преступление 30, насилие 26, теракт 7 → преступление 63. Обобщению подлежат также однокоренные ассоциаты, перифразы, номинации одного семантического компонента словами разных частей речи, синонимами и т.д., то есть ассоциаты, фактически словесно номинирующие один и тот же семантический компонент. Не

интерпретируются индивидуальные ассоциации, если они носят субъективно-личностный характер, то есть неясна связь стимула и реакции, например: **ЖЕРТВА** – *облако*. Далее на этом же этапе осуществляется формулирование сем, то есть такое формулирование семантических компонентов, которое позволяет приписать данную сему значению исследуемого слова. Полученные формулировки сем должны согласовываться с исследуемым словом, например:

жертва -

является результатом преступления 114,

является следствием обстоятельств 52,

является результатом слабости 11,

является результатом убеждения 11,

вызывает жалость 13,

вызывает горе 6,

вызывает страх 5,

выступает в виде потерпевшего 47,

выступает в виде изгоя 2

и т.д.

4. Семемная атрибуция полученных сем.

На этом этапе семы группируются по значениям по денотативному принципу: они разделяются на группы по числу отдельных значений, которые они представляют в смысловой структуре слова.

В результате становится ясным количество разных семем, реально представленных в значении слова-стимула, и при этом каждая семема оказывается представленной набором некоторых сем.

Проведенное исследование позволило сгруппировать выделенные семы значения слова *жертва* в пять отдельных значений:

1. живое существо 29 (овца 10, жизнь 5, животное 4, птица, ягненок 3, свинья 2, агнец, заяц 1);

убиваемое 19 (кровь 11, лишение жизни 2, убиваемое животное 1 и т.д.);
в результате религиозного обряда 14 (секта 5, религия 3, оккультизм 2, алтарь, идол, обряд, язычество 1);

приносимое в дар божеству 7: приносить 4, приношение 3;
для очищения грехов 3 (грех 2, кара 1).

2. добровольное приношение 7: вклад, милостыня 3, дар 1.

3. добровольный отказ от кого/чего-либо в чью-либо пользу 11:
цель 6: ради чего-то 2, во имя чего-то, котлета, ради кого-то, цель 1;
оценка 3: глупость, напрасно, необходимость 1;

4. самопожертвование 5: самоотдача 4, диета 1.

5. причина 183: преступление 114 (убийство 33, преступление 30, насилие 26, террор 8, теракт 7, нападение 4, садизм, терроризм 2, ограбление, преступность 1),

обстоятельства 52 (война, любовь 7, обстоятельства 6, обман 4, репрессии 3, автокатастрофа, заговор, капкан, невинный, системы 2, бедная, бомж, бюрократизм, виновный, других людей, какой-либо аферы, ловушка, ложь, народ, невинная, несчастная, обреченность, племя, скандал, Сталин 1),

слабость 14,

убеждения 3 (Голгофа, Иисус, Жанна Д'Арк 1);

субъект, испытывающий воздействие 54: труп 24, потерпевший 19, пострадавший 5, изгой 2, пленник, подопытный кролик, раб, узники 1;

объект, осуществляющий воздействие 32: хищник 14, маньяк, палач 5, преступник, убийца 3, нападавший, народ 1;

вызываемая эмоция 29: жалость 13 (жалость 11, бедняга 2), горе 6, страх 5, сожаление, унижение 2, беда, печаль, плач, утрата 1;

результат воздействия 27: боль 13, смерть 12, гибель, траур 1;

оценка 6: несправедливость 3, случайность 2, зло 1;

орудие воздействия 4: костер 3, нож 1;

место 3: сериал 2, улица 1;

время 2: ночь 2.

5. Семное описание значений.

На этом этапе наборы сем, выделенных для каждого отдельного значения, описываются как отдельные семемы. Каждая семема получает словесно формулируемую исследователем дефиницию, основывающуюся на полученных экспериментальных данных и включающую все выделенные семы. Задача дефиниции – словесно отграничить данное значение от остальных.

Значения формулируются как упорядоченное связное перечисление экспериментально выявленных семантических компонентов каждого значения в их связи друг с другом. Каждое значение формулируется отдельно, указывается общее количество испытуемых, актуализировавших это значение; при каждой семе указывается количество испытуемых, обективировавших эту сему в ходе эксперимента.

Цифра, сопровождающая каждое значение, отражает количество испытуемых, обективировавших в эксперименте семантические компоненты данного значения и свидетельствует об относительной яркости соответствующего значения в семанте слова в языковом сознании испытуемых.

Жертва (340 исп.).

1. (343 исп.) Тот, кто пострадал в результате преступления 114, обстоятельств 52, слабости 11, своих убеждений 3; субъектом,

испытывающим воздействие является труп 23, потерпевший 19, пострадавший 5, изгой 2, пленник, подопытный кролик, раб, убитый, узники 1; объектом, который осуществляет воздействие, выступает хищник 14, маньяк, палач 5, преступник, убийца 3, нападавший 1; результатом воздействия является боль 13, смерть 12, гибель, траур 1; вызывает жалость 13, горе 6, страх 5, сожаление, чувство унижения 2, представляет собой беду, вызывает печаль, плач, чувство утраты 1; оценивается как несправедливость 3, случайность 2, зло 1; происходит ночью 2 в сериале 2, на улице 1; орудием воздействия является костер 3, нож 1.

2. (72 исп.). Живое существо 29, обычно убиваемое 19, приносимое 7 в дар божеству 14 для очищения грехов 3.

3. (11 исп.). Отказ 2 ради чего-то 3 или кого-то 1 от котлеты 1 с определенной целью 1; является глупостью 2, необходимостью 1.

4. (7 исп.). Пожертвование 7.

5. (5 исп.). Самопожертвование 5.

Некоторые семантические компоненты в результате эксперимента оказались в структуре значения описываемого слова случайно – например, «отказ от котлеты», но смысл описания психологически реального значения именно в фиксации и описании всех семантических компонентов, связываемых в сознании носителя языка с тем или иным словом.

6. Моделирование семантемы слова

По количеству испытуемых, актуализировавших разные значения исследуемого слова, можно представить иерархию значений в смысловой структуре исследуемого слова, вычислив индекс яркости значения как отношение числа испытуемых, актуализировавших компоненты данного значения в эксперименте, к общему числу испытуемых. Основным значением слова «жертва» будет являться «тот, кто пострадал в результате чего-то» (индекс яркости 78,2%). Именно оно и образует ядро семантемы исследуемого слова. Ближнюю периферию составляет значение «ритуально убиваемое существо» (индекс яркости 16,6%). Дальняя периферия представлена значением «отказ от чего-то или кого-то» (индекс яркости 2,5%). Крайнюю периферию образуют значения «пожертвование» (индекс яркости 1,6%) и «самопожертвование» (индекс яркости 1,1%).

Как показывает исследование, психолингвистическое значение далеко не всегда совпадает с его лексикографическим вариантом. Здесь можно выделить две тенденции (Фридман 2005, с. 335):

1. Слово в сознании носителя языка имеет больше значений, чем это отмечают словари (например, у слова «признание» в толковых словарях выделяется 4 значения, а в сознании - 8; слово «помощь» в словарях имеет 3 значения, в сознании - 4);

2. Количество значений, представленных в толковых словарях, богаче, чем в языковом сознании (так, слово «гость» в толковых словарях имеет 5

значений, а в языковом сознании - только 2, слово «родина» в словарях имеет 2 значения, в сознании - 1).

Кроме того, может различаться структура семантемы – иерархия ядерных и периферийных значений может различаться.

В случае со словом «жертва» количество лексикографических значений, выделяемых словарями и полученное в результате эксперимента, совпадает, но их иерархия в структуре семантемы существенно различается.

Описание психолингвистического значения может быть использовано для уточнения подачи значений слов в толковых словарях.

Концепт

При описании концепта через семантику номинирующих его языковых средств используются как все традиционные, так и экспериментальные методы описания значений, а результаты подвергаются особой процедуре – когнитивной интерпретации.

Все результаты описания семантики единиц номинативного поля концепта – как на уровне лексикографического, так и на уровне психолингвистического описания значений – могут быть использованы в описании концепта, это зависит от поставленных исследователем целей (максимально полное описание или описание основных, ядерных черт концепта, от возможностей исследователя и т.д.). Полученные результаты описания значений должны быть подвергнуты когнитивной интерпретации (см. ниже).

Вместе с тем возможно и прямое экспериментальное лингво-когнитивное описание концепта, минуя стадии описания значений единиц номинативного поля. Результаты описания номинативного поля концепта, как и результаты экспериментальных исследований, могут быть непосредственно подвергнуты когнитивной интерпретации (см. ниже).

Есть некоторые особенности применения ассоциативного эксперимента в описании концепта.

При описании концепта с использованием методик ассоциативного эксперимента могут быть учтены несколько реакций, предложенных испытуемыми, поскольку для выявления и описания содержания концепта важны любые психологически осознаваемые ментальные информационные компоненты, вычлняющиеся в сознании испытуемых в том или ином ментальном образовании (концепте) – как непосредственно осознаваемые в ходе эксперимента, так и выводимые путем рефлексии из содержания концепта.

Свободный ассоциативный эксперимент с использованием первой реакции лучше выявляет связи концепта в концептосфере, а направленный ассоциативный эксперимент - образующие концепт когнитивные признаки. Для целей описания содержания концепта второй предпочтительнее как более информативный. Однако можно использовать оба варианта и

обобщить в описании результаты, полученные в обоих экспериментах, поскольку объединенные признаки будут иметь показатель яркости, который позволит непротиворечиво расположить их в итоговой полевой модели концепта.

Таким образом, лингвокогнитивное описание концепта - это особая лингвистическая процедура, которая имеет как сходства с процедурами описания лексикографического и психолингвистического значений, так и принципиальные отличия от них.

Сходства описания значений и концептов:

анализируется семантика языковых единиц;
 выделяются семантические компоненты (семы);
 используются традиционные и экспериментальные методы выделения сем;
 результатом описания является некоторая обобщенная смысловая модель.

Основные отличия:

Лексикографическое значение

- используются преимущественно традиционные лингвистические методы;
- структура значения описывается и формулируется как связанная совокупность архисемы и минимума дифференциальных сем;
- при моделировании значения выделяются отдельные значения по денотативному принципу;
- выделенные значения упорядочиваются в семантему от основного значения к производным преимущественно по диахроническому принципу.

Психолингвистическое значение

- используются преимущественно экспериментальные методы;
- структура значения описывается и формулируется как связанная совокупность архисемы и максимума дифференциальных сем;
- при моделировании значения выделяются отдельные семемы по денотативному принципу;
- выделенные значения упорядочиваются в семантему от ядерного значения к периферийным по принципу психологической яркости в семантеме.

Концепт

- используются как традиционно-лингвистические, так и экспериментальные методы;

- при моделировании концепта выделяются когнитивные признаки, а не отдельные значения;
- структура концепта описывается на основе совокупности образа, информационного содержания и интерпретационного поля;
- содержание концепта описывается как совокупность когнитивных признаков, упорядоченных по принципу поля от ядра к ближней, дальней и крайней периферии.

3.3. Построение номинативного поля концепта

Построение номинативного поля концепта представляет собой установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки. М.В.Пименова отмечает: «Концепт объективируется различными языковыми знаками, разные авторы выражают одни и те же признаки концептов разнообразными языковыми средствами. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его представления» (Пименова Монография 2004, с. 12); «Методика исследования концептов ... заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов; в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов» (там же, с.20).

В построении номинативного поля концепта исследователь может пойти двумя путями.

Во-первых, можно сосредоточиться на выявлении только прямых номинаций концепта – ключевого слова и его синонимов (как системных, так и окказиональных, индивидуально-авторских) - это приведет к построению *ядра номинативного поля*. Например, ядро номинативного поля концепта женщина составят такие единицы как *женщина, лицо женского пола, баба, дама, телка, тетка, слабый пол, дочь дьявола* и др.

Во-вторых, можно не ограничиться прямыми номинациями и выявить все доступное исследователю номинативное поле концепта, включая номинации разновидностей денотата концепта (гипонимов) – *жена, хозяйка, мать, старуха, мегера, девчонка, фифа, мымра, леди, бизнес-леди, старая карга* и под., и наименования различных отдельных признаков концепта, обнаруживающихся в разных ситуациях его обсуждения – *ласковая, нежная, капризная, рождает детей, сплетничает, убирает, стирает, ревнует, ругает мужа, заботится о семье, любит тратить деньги, следит за мужем, чинит одежду* и т.д. и т.п. Наиболее часто номинируемые гипонимы оказываются наиболее типичными представителями концепта в коммуникации, наиболее часто номинируемые признаки – наиболее яркими признаками концепта, обсуждаемыми в коммуникации. И те, и другие позволяют пополнить

наши представления о структуре изучаемого концепта. К описанию можно добавить паремии, афоризмы, фразеологизмы о женщине. Это будет расширенное описание номинативного поля, *построение полного номинативного поля* концепта.

В зависимости от задач и возможностей исследователь может пойти по первому или второму пути; важно отметить, что второй путь, конечно, более трудоемкий, но дает гораздо более глубокие и достоверные результаты.

Покажем возможные приемы построения номинативного поля, которыми может воспользоваться исследователь.

*Установление ключевого слова-репрезентанта,
объективирующего концепт*

Ключевое слово – это определяемая исследователем лексическая единица, которая наиболее полно номинирует исследуемый концепт.

В качестве такого слова выбирается наиболее употребительное наименование (можно проверить это по частотному словарю), достаточно обобщенное по своей семантике (средней степени абстракции), желательно - стилистически нейтральное, неоценочное слово – *труд, судьба, дом, быт, счастье, женщина, мужчина, свобода* и под. Хорошо, если ключевое слово при этом оказывается многозначным - ключевые слова, которые имеют много значений (что устанавливается по толковым словарям) сразу же дают исследователю достаточно богатый материал для когнитивной интерпретации.

Удобнее по возможности выбирать субстантивную форму ключевого слова, поскольку субстантивная форма обеспечивает наиболее широкий номинативный охват денотата и дает возможность легче подбирать синонимы и антонимы.

Необходимо отметить, что ключевые слова находятся не у всех концептов, их функции могут выполнять устойчивые и фразеологические словосочетания (*железная дорога, умение жить, молодой человек, белая ворона, первая скрипка*), концепт может не иметь языкового обозначения и может быть в таком случае номинирован развернутым словосочетанием (*обращающийся с просьбой, получение информации в ответ на вопрос, говорить правду, желание другим добра*). В любом случае концепт должен быть назван, иначе дальнейшее его лингвистическое исследование окажется невозможным.

При изучении лингвистических концептов, характерных для какого-либо стиля, жанра или отдельного автора, выбор ключевого слова может быть сделан по частотности его употребления в соответствующих текстах. Так, например, З.Е. Фомина, обратившись к изучению концептов из сферы эмоционально-психологического состояния человека, выяснила частотность употребления их наименований в немецких художественных текстах. Наиболее частотными в этих текстах оказались слова, именуемые

любовь, страх, сердце, жизнь, судьбу и нек. др. (Фомина 2000). Очевидно, что любое из таких наименований может быть избрано в качестве ключевого слова для когнитивного исследования соответствующих концептов.

Установление ядра номинативного поля

Ядро номинативного поля устанавливается:

- через синонимическое расширение ключевого слова (используются словари синонимов и фразеологические словари). Например, для ключевой лексики *друг* устанавливаются синонимы *приятель, товарищ, кореш, дружка, не разлей вода* и др.;

- через анализ контекстов, в которых номинируется исследуемый концепт (художественные, публицистические тексты).

Выписываются любые номинации исследуемого концепта, включая окказиональные, индивидуально-авторские, описательные. К примеру, для концепта *русский язык* это будут: *русский язык, русский, наш язык, родной язык, великий и могучий, моя поддержка и опора, радость моя и надежда, наш исполин* и т.д.

Установление периферии номинативного поля

Периферийные компоненты номинативного поля устанавливаются разными способами.

Анализ художественных и публицистических текстов

Из текстов извлекаются номинации видовых разновидностей денотата концепта и отдельных признаков концепта.

Анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, также дает возможность выявить некоторые составляющие концепта.

Семья может быть *большая, маленькая* – следовательно, значение отражает когнитивный классификационный признак *размер*, может *создаться* и *развалиться*, ее можно *создать* и *разрушить*, она может быть *настоящая* и *фиктивная*, может быть *на стороне*, может быть *молодая, официальная* и *неофициальная, счастливая* и *несчастливая* и т.д. Из различных примеров сочетаемости лексемы *семья* с прилагательными и глаголами можно вывести многочисленные признаки семьи, характеризующие семью как концепт. Все эти признаки включаются в описание концепта, а их встречаемость в различных текстах фиксируется для выявления наиболее ярких, коммуникативно релевантных.

Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова

Этот метод предполагает подбор синонимов, антонимов ключевого слова, определение его гиперонима и согипонимов.

Данная методика может быть проиллюстрирована исследованием концепта *общение* в русском языке (Шаманова 1999).

Лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее концепт «общение» – одно из самых больших полей русского языка. Оно насчитывает 1828 лексем и 314 фразеологических единиц. Коммуникативную лексику составляют в основном языковые единицы таких частей речи как глагол и существительное, а также (в меньшей степени) прилагательное и наречие.

Ядро поля составляют лексемы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, в прямом значении, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений и в минимальной степени зависящие от контекста: разговаривать, рассказывать /рассказать, приказать/приказывать, обещать, просить/ попросить, молчать, звать, спрашивать/спросить, отвечать/ответить, отказаться, заявить, благодарить, требовать, вызвать, предлагать/ предложить, требование, беседа, разговор, ответ.

В ядре отчетливо выделяется центр: говорить (сказать), вопрос. Частотность лексем, входящих в центр ядра намного превышает частотность других единиц. Так, языковые единицы ядра имеют частотность от 100 до 553 на один миллион словоупотреблений, а языковые единицы центра ядра – от 900 до 2909 употреблений.

Основными признаками лексем, относящихся к ближней периферии, являются: меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в употреблении, минимальная зависимость от контекста: сообщить/сообщать, шутить, жаловаться, объявлять, заговорить, согласиться, разрешить, доказать, признаться, повторять/повторить, сообщение, весть, просьба, критика, объяснение, предложение, фраза, заявление, признание, молча и др.

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. Среди многозначных слов встречаются такие, в которых коммуникативное значение не является основным: *объясняться* в значении «вести беседу, разговаривать», *выступить* в значении «произнести речь, высказать свое мнение, высказаться (на собрании, перед публикой)» и т.д. В эту группу слов в отличие от предыдущих вошли преимущественно лексемы со стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями: *трепаться*, *болтать* и др.

Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство многозначных лексем входит в лексико-семантическое поле «Общение» не в основном значении: *отступить* в значении «перестать общаться с кем-нибудь», *переговорить* в значении «громко, много говоря, заставить замолчать других». Большинство слов имеют яркие стилистические и эмоционально-экспрессивные семы. К крайней периферии относятся устаревшие слова, поскольку они малоупотребительны или же употребляются не в основном значении (лексема «врать» в значении «лгать, говорить неправду», ограниченная

употреблением в разговорной речи, относится к дальней периферии, а в значении «болтать, говорить вздор» является крайне малоупотребительной и относится к крайней периферии). К данной группе слов относятся также лексемы, которые в основном значении входят в другую лексико-семантическую группировку, а «коммуникативное» значение является периферийным в их смысловой структуре: отлипнуть, отмахнуться, оттолкнуть, отцепиться, обрезать, лаять и др.

Построенное лексико-фразеологическое поле объективирует самые разные когнитивные признаки концепта общение, которые могут быть выявлены путем анализа семантики единиц, вошедших в данное поле.

Построение деривационного поля ключевого слова

Построение и изучение деривационного поля ключевого слова позволяет также выявить когнитивные признаки исследуемого концепта.

К примеру, для лексемы *быт* «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова отмечает следующие однокоренные единицы: *бытовой, бытовать, бытописатель, бытовизм, бытовик, бытовка, бытописание, жилищно-бытовой, электробытовой, старобытный* и др. Данные лексемы позволяют выявить когнитивный признак концепта – «повседневная жизнь».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля приводятся и другие однокоренные единицы, в настоящий момент вышедшие из употребления: *бытейский, бытейный, бытный, бытопись, бытословие, бытописец* и др., которые также вербализуют названный когнитивный признак.

В разговорной речи встречаются единицы: *бытовуха, бытовня, бытово* (наречие). Семантический анализ выявленных дериватов позволяет обнаружить целый ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта.

Построение паремиологического поля концепта

Весьма информативны для выявления интерпретационного поля концепта паремии. В них мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, складывавшиеся на протяжении длительного времени.

Для выявления когнитивных признаков исследуемого концепта паремии, содержащие ключевое слово-репрезентант концепта, его синонимы или характеризующие концепт описательно, упорядочиваются в паремиологическое поле. Источником паремий являются словари пословиц, поговорок, крылатых выражений и афоризмов.

Паремии инвентаризируются полностью, насколько это позволяют имеющиеся источники. В паремиологическое поле концепта войдут и противоречащие друг другу паремии, которых во всех тематических областях находится достаточное количество, ср. например, русские

пословицы, объективирующие концепт *деньги*: *деньги не приносят ума* (Ума на деньги не купишь), *деньги делают человека умным* (Богатство ум рождает), *деньги дают возможность материально благополучного существования* (Деньги наживешь – без нужды проживешь), *деньги причиняют беспокойство их обладателю* (Лишние деньги – лишние заботы). Ср. также концепт *муж*: *плохо женщине без мужа* (Жена без мужа – всего хуже), *нет ничего хуже плохого мужа* (Стужа да нужда, а лучше худого мужа); концепт *труд*: *только труд ведет к благополучию* (Без труда не вынешь рыбку из пруда), *честный труд не приводит к богатству* (От трудов праведных не наживешь палат каменных), *не следует спешить начинать работу* (работа не волк – в лес не убежит), *кто трудится, тому и плохо* (От работы кони дохнут), *кто не работает, тот не имеет материального благополучия* (Кто не работает, тот не ест) и т.д.

Смысл паремии интерпретируется как отражение когнитивного признака концепта.

Однако для отдельных концептов может не существовать пословиц, поговорок и афоризмов или их количество может быть по тем или иным причинам весьма незначительным.

Анализ устойчивых сравнений с номинантами концепта

Если с ключевым словом - репрезентантом или его синонимами в языке есть устойчивые сравнения, то эти сравнения также пополняют номинативное поле концепта: такое сравнение номинирует некий когнитивный признак, который присущ концепту, номинируемому основанием сравнения. Например:

силен как бык – *бык сильный*
 красив как Апполон – *Апполон красивый*
 глуп как курица – *курица глупа*
 слепой как крот- *крот плохо видит*
 длинный как жердь – *жердь длинная*
 и т.д.

Анализ фразеологических номинаций концепта

Лексема, номинирующая концепт, может быть употреблена в составе фразеологизма. В этом случае фразеологизм также входит в номинативное поле соответствующего концепта, а анализ значения фразеологизма позволяет установить определенные признаки соответствующего концепта. Ср. фразеологически объективированные когнитивные признаки концепта *собака*:

собачья жизнь, жить собакой - *у собаки плохая жизнь*;
 собачья преданность, смотреть собачьими глазами – *собака верное животное*;

собачье ремесло – *ничтожность, малополезность деятельности,*
 собачий нюх – *хороший нюх,*
 собачья радость – *собаке немного надо для радости и т.д.*
 Фразеологические номинации характерны далеко не для всех концептов.

Анализ ассоциативного поля концепта

Ассоциативное поле концепта образуется совокупностью ассоциатов на стимул – ключевую лексику-репрезентант концепта.

Ассоциативное поле формируется в результате обработки результатов свободного или направленного ассоциативного эксперимента.

Свободный ассоциативный эксперимент предполагает ответ испытуемых на предъявленный стимул любым словом, направленный ассоциативный эксперимент предполагает ответ, ограниченный определенными условиями – например, определенной частью речи, определенной конструкцией и т.д.

Ассоциативное поле формируется через перечисление ассоциатов, располагаемых по убыванию числа испытуемых.

Пример ассоциативного поля слова *совесть* (100 испытуемых):

СОВЕСТЬ 100: честность 11, стыд 6, внутренний контролер 5, мучения, порядочность, чистая 4, переживание, судья, чистота 3, Бог внутри тебя, вина, гложет, душа, мука, ответственность за поведение, плохо, когда есть угрызения, правда, сердце 2, академик Д.С.Лихачев, барьер, белый, богатство, важное свойство человека, вера в Бога, дискомфорт, должна быть, духовная гармония с самим собой, если есть, закон, зуд комара над ухом, когда хочется спать, камень, личное, лучшее, мораль, не быть хапугой, не могу без нее, не обманывать, не у всех, покоя не дает, попросили - сделай, поступок, преданность, проснется поздно, противный тролль, рамки, справедливость, стержень, такт, тень, часы, чистый лист бумаги, чувство одиноких людей 1; отказы - 3.

В дальнейшем ассоциаты, образующие ассоциативное поле, интерпретируются как языковые средства объективации тех или иных когнитивных признаков концепта, названного стимулом.

Таким образом, номинативное поле концепта строится из ключевого слова-репрезентанта, его синонимического ряда, единиц, выявленных в художественных и публицистических текстах, устойчивых сравнений, фразеологических единиц, лексико-фразеологического, деривационного, ассоциативного, паремиологического полей ключевого слова – репрезентанта концепта.

3.4. Экспериментальные методики исследования концептов

Мы уже рассмотрели выше экспериментальные методики – свободный и направленный ассоциативный эксперимент – как приемы формирования номинативного поля концепта.

Но экспериментальные методики могут не только помочь в формировании номинативного поля концепта, они могут быть использованы непосредственно для анализа содержания концепта и выделения образующих его когнитивных признаков.

Свободный и направленный ассоциативный эксперимент в равной степени позволяют выделить многочисленные когнитивные признаки, объективированные ассоциатами. Если в классическом ассоциативном эксперименте, направленном на анализ языкового сознания и определения психолингвистического значения слова, принято использовать только первую реакцию, то в применении ассоциативных экспериментов к анализу когнитивных структур могут использоваться и последующие за первой ассоциации, поскольку в когнитивном анализе выявляются и выводные знания и косвенные когнитивные признаки, обнаруживаемые как раз в последующих ассоциатах.

Кроме того, в когнитивных исследованиях оказывается эффективным рецептивный эксперимент.

Рецептивный эксперимент – это эксперимент на понимание, восприятие концепта, его субъективную дефиницию. Проводится методом анкетирования с вопросами типа:

- Что вы понимаете под...,
- Дайте свое определение...,
- Подберите синонимы к...,
- Выберите подходящие синонимы...
- Выберите правильное, на ваш взгляд, определение...
- Назовите противоположное понятие ...,
- Выберите противоположное понятие...
- ... - это хорошо или плохо? и т.д..

Близок к рецептивной методике экспериментальный прием, когда испытуемым предлагается закончить фразу типа: закон – это...

- собака – это...
- счастье – это... и под.

Данный прием представляет собой разновидность направленного ассоциативного эксперимента.

Указанные приемы позволяют получить богатую информацию о восприятии и интерпретации исследуемого концепта когнитивным сознанием. Полученные результаты обобщаются, подобно результатам ассоциативных экспериментов, и исследователь получает набор

когнитивных признаков, упорядоченных по яркости в сознании носителей языка.

Приведем пример использования рецептивной методики для определения содержания некоторых концептов.

Методом субъективных дефиниций Е.И.Грищук выявляла реальное содержание концепта *бдительность* в сознании старшеклассников. Испытуемым предлагалось:

продолжить фразу: бдительность – это;

объяснить значение слова *бдительность* человеку, который его в первый раз слышит (иностранцу);

описать зрительный образ, который вызывает слово,

назвать слово, близкое по значению;

назвать слово, противоположное по значению.

Затем методом ранжирования компонентов по яркости определялись компоненты, наиболее важные для сознания испытуемых.

В результате анализа субъективных дефиниций (опрошено 50 испытуемых) получены следующие компоненты исследуемого концепта: внимательность 11, осторожность 7, внимание к происходящим событиям 7, настороженность 6, наблюдательность 5, подозрительность 2, чрезмерная мнительность 2, зоркость 2, сосредоточенность, собранность 2, умение быть начеку, всегда наготове 2, думать, что говорить и кому 1, трезвый ум 1, ответственное отношение 1, поступать правильно 1.

Аналогичный эксперимент Е.И.Грищук провела с лексемой *толерантность*. Слово «толерантность» недавно вошло в современные словари русского языка. Оно представлено следующими дефинициями:

Толерантность - терпимость, снисходительность к кому- или чему-либо. (Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1982)

Толерантность – терпимость к чужому мнению или верованию (Большой толковый словарь иностранных слов. Ростов-на-Дону, 1995).

Эксперимент по установлению отношения старшеклассников к слову «толерантность» проводился в несколько этапов.

Первый этап

Испытуемым предъявлялись обе дефиниции и предлагалось подобрать наиболее подходящее к этим определениям русское слово:

Терпимость, снисходительность к кому - или чему-либо – это

Терпимость к чужому мнению или верованию – это.....

К первому определению (40 ии) были предложены варианты:

толерантность 28, уважение 2, доброта 1, снисхождение 1, милосердие 1, сочувствие 1, умение прощать 1, снисходительность 1, сердечность 1, сдержанность 1, отказы 2.

Ко второму толкованию (37 ии) были предложены варианты:

толерантность 26, уважение 4, понимание 2, бесконфликтность 1, невозмутимость 1, миролюбие 1, отказы 2.

Второй этап

Испытуемым предлагалось из приведенного списка слов выбрать три симиляра, то есть три слова, наиболее близких по значению к предложенным толкованиям.

Список предложенных слов включал следующие единицы (слова предъявлялись по алфавиту):

альтруизм, бесконфликтность, веротерпимость, компромисс, консенсус, миролюбие, плюрализм, покорность, понимание, сговорчивость, сдержанность, снисходительность, согласие, спокойствие, толерантность, уступчивость.

Было опрошено 55 человек по первому определению и 70 человек – по второму.

Результаты второго этапа могут быть представлены в следующей таблице:

«Терпимость, снисходительность к кому-либо, чему-либо» (50 человек)	«Терпимость к чужому мнению или верованию» (70 человек)
сдержанность (56 %)	понимание (46 %)
бесконфликтность (44 %)	бесконфликтность (40 %)
понимание (40 %)	веротерпимость (31 %)
снисходительность (36 %)	уступчивость (24 %)
толерантность (36 %)	согласие (23 %)
спокойствие (24 %)	миролюбие (16 %)
компромисс (22 %)	компромисс (14 %)
уступчивость (22 %)	спокойствие (14 %)
миролюбие (13 %)	толерантность (14 %)
сговорчивость (11 %)	снисходительность (11 %)
покорность (4 %)	сговорчивость (9 %)
веротерпимость (2 %)	покорность (1 %)

Слова *альтруизм*, *консенсус*, *плюрализм* не были выбраны ни одним испытуемым.

Третий этап

Контрольной группе испытуемых (30 человек) предлагалось дать субъективные дефиниции наиболее частотным реакциям, выявленным в предыдущем эксперименте: сдержанность, понимание, бесконфликтность, веротерпимость.

Приведем наиболее частотные дефиниции, полученные на этом этапе эксперимента.

Сдержанность – умение сдерживать эмоции 5, умение вести себя спокойно в любой ситуации 4, терпимость по отношению к чему-либо или кому-либо 2, снисходительность к чему-либо 1.

Понимание – способность понимать другого человека 6, взаимоотношения людей со сходными взглядами 4, попытка оценить ситуацию глазами других людей 2, осознание правильности чего-то 1.

Бесконфликтность – склонность к компромиссу 8, воздержание от ссоры с кем-то 4, сдержанность 3.

Веротерпимость – спокойное, терпимое отношение к вере другого человека 8, терпение верующего человека 4, вера человека в осуществление поставленной цели 2.

На основании анализа полученных результатов можно сделать следующие выводы.

Концепт «толерантность» имеет в сознании современных школьников два полюса: один полюс тяготеет к выражению словами *сдержанность, бесконфликтность, понимание, снисходительность*, другой – к выражению словом *веротерпимость*. Видимо, структура концепта в сознании школьников находится в стадии формирования и не имеет однословной ключевой номинации.

К исследованиям Е.И.Грищук примыкает эксперимент с ключевыми словами *бесконфликтность* и *терпимость* (Воронова, Стернин 2000).

Цель исследования - экспериментальным путем определить содержание концептов «терпимость», «бесконфликтность», «толерантность» в современном русском сознании, а также выявить их возрастную и гендерную специфику. Эксперимент проводился в форме анонимного анкетирования. Участникам эксперимента предлагалось ответить на вопросы следующего содержания:

1. Знаете ли вы слова *терпимость, бесконфликтность, толерантность*?

Варианты ответа: знаю и употребляю в речи; знаю, но не употребляю; слышал, но не знаю точного значения; не знаю.

2. Терпимый человек: какой он? что он делает? чего не делает?

3. Бесконфликтный человек: какой он? что он делает? чего не делает?

4. Толерантный человек: какой он? что он делает? чего не делает?

5. Как вы оцениваете следующие качества и понятия:

сдержанность;

бесконфликтность;

мягкость;

терпимость;
 доброта;
 толерантность;
 согласие;
 компромисс;
 консенсус

Варианты ответа: преимущественно положительно; скорее положительно, чем отрицательно; нейтрально; скорее отрицательно; резко отрицательно.

Если слово Вам незнакомо, поставьте прочерк.

6. Определите свое отношение к выражению «Кто не с нами, тот против нас». Согласны ли вы с ним?

7. Определите свое отношение к выражению: «Он - и нашим, и вашим». Какая это личность, по-вашему?

8. Обладаете ли вы лично терпимостью?

9. Часто ли Вы встречаете это качество в других людях?

Было опрошено 60 человек в возрасте от 13 до 75 лет. Основной состав опрашиваемых – школьники старших классов и студенты (от 15 до 23 лет) и люди среднего возраста (от 32 до 50 лет). Из опрошенных - 28 лиц мужского пола, 32 – женского.

Результаты эксперимента таковы.

Терпимость: знаю и употребляю – 45 человек, знаю, но не употребляю – 15 чел.

Бесконфликтность: знаю и употребляю – 30 чел., знаю, но не употребляю – 29, слышал, но не знаю точного значения – 1 чел.

Толерантность: знаю и употребляю – 5 чел., знаю, но не употребляю – 10 чел, слышал, но не знаю точного значения – 25 чел., не знаю – 20 чел.

Таким образом, слово «терпимость» вполне известно и широко употребляемо в речи; слово «бесконфликтность» в значительной степени присутствует в пассивном словарном запасе. Что касается слова «толерантность», то опрос показал, что широкому кругу населения оно еще недостаточно знакомо или вообще неизвестно.

Анализ структуры концептов показал следующее.

Терпимость для сегодняшнего русского человека – это качество характера, создающее определенную модель поведения. Эта модель проявляется в актах общения, взаимодействия нескольких людей (сохранение спокойствия при конфликте, умение промолчать и выслушать).

Бесконфликтность выступает как некоторый результат поведения, она является следствием миролюбивого характера, а для других – следствием равнодушия, пассивности и т.д.

Слово «толерантность» в широкое употребление в русском языке еще не вошло, хотя оно есть «на слуху» у людей и поэтому выявляется масса ложных значений данного слова. Однако доминирующим компонентом этого понятия в сознании людей является уважение к чужому мнению, что

совпадает со словарным значением слова («Толерантность. Терпимость к чужому мнению или верованию». Большой толковый словарь иностранных слов. Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Ростов-на-Дону, 1995).

Исследуемые понятия получили в основном положительную оценку, несмотря на неприятие или полное отторжение их со стороны некоторых опрошиваемых.

Радикальное «кто не с нами, тот против нас» большинство (51 человек) отвергло, добавив, что каждый имеет право на собственную точку зрения; 6 человек оценили смысл фразы либо нейтрально, либо отметили, что это не всегда верно. Однако одобрительных отзывов (полных и частичных) прозвучало также 6.

Человека, который «и нашим, и вашим», 29 человек охарактеризовали как двуличного, лживого, лицемера, непорядочного, «скользкого», подхалима. Девять респондентов назвали такого человека «слабым, безвольным»; к ним близко объяснение еще 9 человек, которые сочли такую личность «бесцветной», «не имеющей собственного мнения» и – как вывод – «не личностью вообще».

Семь человек сформулировали для выражения «и нашим, и вашим» значение «бесконфликтный, равнодушный», другие семь – «ловкий», «хитрый», «приспособленец» (слово «ловкий» возглавляет список) и, как следствие, «положительный или отрицательный в зависимости от ситуации». Три человека ответили, что это «широкая натура», «дружелюбный человек»; два – «дипломатичный», «компромиссный».

Таким образом, концепт «толерантность» формируется в русском языковом сознании, однако он находится еще в процессе становления и поэтому не имеет очерченности содержания. Данный концепт в русском сознании испытывает давление сходных концептов, имеющих явный или слабо выраженный неодобрительный оценочный знак.

Таким образом, экспериментальные методики – ассоциативный эксперимент и рецептивный эксперимент – позволяют выявить психологически реальное содержание концепта в когнитивном сознании носителей языка и ранжировать по яркости образующие концепт признаки.

3.5 Описание семантики языковых средств, образующих номинативное поле концепта

Следующим этапом лингвокогнитивного исследования является семантическое описание единиц выделенного номинативного поля. Номинативное поле состоит из разнородных языковых единиц, и задача этапа их семантического описания – представить значения единиц номинативного поля в виде набора отдельных семантических компонентов, которые впоследствии будут подвергнуты когнитивной интерпретации.

Семантическое описание заключается в толковании значений входящих в номинативное поле концепта единиц. «Описание концепта – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений» (Карасик 2004, с.110).

Значения паремий устанавливаются по паремиологическим словарям и сборникам.

Значение устойчивых сравнений типа *силен как бык* в специальном семантическом описании не нуждаются, поскольку смысл выражения эксплицирован в самом сравнении.

Описание семантики лексем и фразеологических единиц, входящих в номинативное поле концепта, осуществляется традиционными лингвистическими методами и приемами - установление значений по словарям (рекомендуется использовать несколько словарей и сформулировать обобщающую данные всех словарей дефиницию значения), а также в случае необходимости проведение компонентного анализа значений – в рамках синонимического ряда, лексико-фразеологического поля - о методике компонентного анализа подробнее см. Стернин 2003).

В результате описанных процедур исследователь получает семное описание значений единиц номинативного поля, то есть описание значений в виде семантических компонентов – сем. Это именно тот вид семантического описания, который удобен и необходим для следующего этапа когнитивного исследования – когнитивной интерпретации.

3.6. Верификация результатов описания концептов

Под верификацией понимается *проверка полученных данных путем обращения к носителям языка.*

Верификация – не обязательный, но желательный этап когнитивного исследования, поскольку многие результаты, получаемые традиционными лингвистическими методами, нуждаются в проверке на соответствие современному состоянию сознания носителей языка.

Важность верификации семантических данных связана еще с тем, что необходимо определить, на каком уровне существует в концептосфере тот или иной концепт. Любой концепт может существовать на бытийном и рефлексивном уровне (Зинченко 1997). Рефлексивный уровень – это уровень теоретического знания, бытийный уровень – фактического, практического применения. Для исследования концептов данное разграничение крайне важно, так как в некоторых работах наблюдается тенденция выдавать полученные в результате применения тех или иных методов изучения концептов теоретические модели (логическое, рефлексивное описание) за психологическую реальность.

Необходимо иметь в виду, что рефлексивными (логическими) методами можно выделить множество признаков концепта, которые будут приписаны ему лишь в силу их теоретической возможности, например, в

силу того, что этот признак отражен в одной-единственной поговорке и т.д. Все это может выглядеть правдоподобно, но только выглядеть. Важно удостовериться, что выделенные компоненты реально присутствуют в сознании народа.

И еще одно важное замечание. Концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но народ может им не пользоваться в своем практическом поведении (например, концепты *демократия*, *толерантность* усвоены народом на рефлексивном уровне, но не перешли на бытийный уровень, реально не функционируют в повседневном бытии народа, не определяют его поведение). При верификации это обстоятельство наглядно проявится – рефлексивные концепты продемонстрируют низкую согласованность ответов испытуемых, низкую яркость большинства когнитивных признаков, либо яркость преимущественно оценочных или ложных признаков.

Любое описание концепта, полученное лингвистом, – одна из возможных моделей концепта. Не случайно, описания одних и тех же концептов разными лингвистами даже по сходным методикам получаются далеко не всегда совпадающими.

Полученные данные в связи с этим и желательно подвергать процедуре верификации; особенно это важно при исследованиях, в значительной степени базирующихся на исторических штудиях, культурологической информации, анализе паремий – актуальность этой информации для современного человека далеко не очевидна.

В процессе верификации можно, что немаловажно, получить сведения о яркости когнитивного признака в структуре концепта, а также о возрастной, социальной, профессиональной, гендерной специфике концептов.

Верификация возможна *после семного описания значений* единиц номинативного поля.

К примеру, полученный список семантических компонентов (сем) может быть предъявлен группе носителей языка с просьбой отметить, присущ этот компонент значению соответствующей лексической единицы или нет. Окончательный список семантических компонентов описываемых единиц, подтвержденных большинством испытуемых, принимается за основу для когнитивной интерпретации.

Верификация может быть осуществлена также *после этапа выявления когнитивных признаков*, образующих содержание концепта. Испытуемым может быть предъявлен для верификации набор выделенных когнитивных признаков. Экспериментальная верификация позволит и ранжировать эти признаки по яркости в структуре концепта

Важную роль играет процедура верификации *при описании паремий*. Как уже отмечалось, присутствие многих паремий в сознании современного носителя языка не факт. Для включения паремиологических когнитивных признаков в содержание концепта необходимо верифицировать выражаемые ими смыслы: необходимо проверить их известность

носителям языка, их актуальность для современного национального сознания, их интерпретируемость носителями современного языка и степень согласия носителей языка с содержащимся в паремии утверждением.

Для этого паремии вместе со сформулированными исследователем их смыслами (возможно предъявление нескольких вариантов смыслов) должны быть предложены испытуемым, перед которыми ставится вопрос: *Согласны ли вы с выраженным смыслом? (Справедлива ли поговорка?)* Описывать когнитивные признаки концепта следует на основе только тех паремий, с которыми большинство опрошенных согласно. В этом случае можно полагать, что соответствующие смыслы являются достоянием современного когнитивного сознания. Важно также, чтобы паремия была известна большинству участников эксперимента, хотя это в принципе и не обязательно, так как сам факт наличия соответствующей паремии уже зафиксирован; важно признание справедливости паремии испытуемыми.

Если экспериментальная верификация паремиологического материала невозможна, исследователю следует руководствоваться своим собственным представлением об известности и «правильности» паремий и включать в описание только известные и «справедливые» для современного сознания паремии.

Так, эксперимент по проверке актуальности для русского языкового сознания 50 русских паремий о споре (100 ии) показал следующее: 22% испытуемых знают практически все паремии из представленного списка и с той или иной частотностью употребляют их, 34% знают большинство паремий, но не употребляют их, 40% знает и употребляет только небольшую часть наиболее известных паремий – *худой мир лучше доброй драки (ссоры), дурака не переспоришь, дальше в лес – больше дров, дальше спор – больше слов, рта не дает раскрыть, ты ему слово – он тебе десять* и нек. др. Таким образом можно определить сравнительную актуальность отдельных паремий и позиционировать их по яркости в структуре паремиологического поля и в структуре концепта.

Паремиологические смыслы по результатам верификации могут быть упорядочены по принципу поля с учетом их яркости в когнитивном сознании.

Процедура верификации может понадобиться и в некоторых частных случаях. Так, она может использоваться для прояснения ассоциативной связи стимула и ассоциата, в случае, если эта связь не поддается интерпретации исследователем. Например, *какая связь: долг – мороз, туча – кино* и под. Если в ответах испытуемых наблюдается определенная согласованность, соответствующую интерпретацию можно принять, если согласованности нет – подобные ассоциативные пары исключаются из когнитивной интерпретации.

Аналогично можно использовать процедуру верификации для определения смысла паремий, понимание которых вызывает у

исследователя затруднение: *как вы полагаете, что имеется в виду, когда говорят ... язык царствами ворочает?*

Верификация может понадобиться для выявления когнитивных признаков, объективируемых фразеологизмами (он смотрел на нее собачьими глазами - это как?, тоска зеленая – это какая?), а также для интерпретации когнитивных метафор (душа трепещет – что делает?, гроза кувыркается – что делает?) и т.д.

В целом верификация является дополнительной процедурой семантико-когнитивного анализа, повышающей надежность и психологическую достоверность описания содержания и структуры концептов.

3.7. Когнитивная интерпретация

Понятие когнитивной интерпретации

Семантико-когнитивное направление когнитивной лингвистики исследует концепты через значения номинирующих их языковых единиц.

Языковые средства выступают средством материализации языкового сознания. В рамках Московской психолингвистической школы А.А.Леонтьева и Е.Ф.Тарасова языковое сознание рассматривается как сознание, овнешняемое языковыми средствами и формируемое в процессе речевого общения. Оно исследуется через овнешняющие его содержание языковые средства.

К языковым средствам, овнешняющим языковое сознание, в данной концепции относятся отдельные слова, свободные словосочетания, фразеологизмы, структурные синтаксические схемы, паремии, тексты и ассоциативные поля. Ср.: языковое сознание – это «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами – отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных знаний, полученных от органов чувств в предметной деятельности» (Тарасов 2003, с.3).

Предметом исследования когнитивной лингвистики являются значения языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, т.е. языковое сознание, а конечной целью – реконструкция (моделирование) концепта как мыслительной единицы по данным языка, то есть реконструкция когнитивного сознания.

В связи с этим важнейшим этапом семантико-когнитивного исследования является когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц – именно этот этап процедуры лингвокогнитивного исследования «переводит» языковые данные в когнитивные и позволяет приступить к моделированию концепта. Другие

направления когнитивной лингвистики данного этапа не предусматривают или не выделяют как отдельный этап методики, растворяя его в анализе семантики. В семантико-когнитивном направлении интерпретация результатов лингвистического описания номинативного поля концепта – важнейший и абсолютно необходимый этап исследования.

Под когнитивной интерпретацией понимается мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта.

Все полученные до когнитивной интерпретации семантические описания – еще не описания содержания и структуры концепта, это толкования значений номинативных единиц, называющих отдельные когнитивные признаки, вербализованные теми или иными языковыми средствами.

Без этапа когнитивной интерпретации построение модели концепта невозможно – если данный этап миновать, то при моделировании концепта будут просто отождествлены с концептом значения единиц, номинирующих его, что не соответствует когнитивной реальности, существенно искажает и обедняет модель концепта.

Выявление когнитивных признаков

Это первый этап когнитивной интерпретации результатов семантического описания единиц номинативного поля концепта.

Когнитивная интерпретация сем

Итогом предыдущего этапа семантико-когнитивного исследования – описания семантики единиц номинативного поля концепта – является максимально полное описание значений языковых единиц. В итоге получается описание значений (лексикографическое или психолингвистическое, в зависимости от примененных методов и поставленных задач) через перечисление образующих их сем: каждое значение представлено своим набором сем.

Установление сем, образующих значения разных языковых единиц, номинирующих концепт, позволяет выявить их более или менее полный набор, образующий номинативное поле и следовательно отражающий когнитивные признаки исследуемого концепта. К примеру, анализ синонимического ряда позволяет выявить целый ряд семантических компонентов, репрезентирующих когнитивные признаки.

Так, О.Ю.Лукашкова исследовала концепт *друг*. Лексема *друг* была сопоставлена с синонимами – *приятель, товарищ*. Анализ словарных дефиниций трех исследуемых слов по Словарю синонимов под ред.

А.П.Евгеньевой позволяет выявить для слова *друг* такие семантические компоненты как «избранный» («Прятелей у Гаврика было много, а настоящих друзей всего один – Петя») и «интимность» (ср. друг и товарищ) (Лукашкова 2001). Все эти компоненты интерпретируются как когнитивные признаки концепта *друг*, а разные синонимы актуализируют разные аспекты этого концепта.

Затем совпадающие или близкие по содержанию семы, выделенные в единицах номинативного поля концепта, обобщаются (то есть сводятся к одному признаку) и интерпретируются как единый когнитивный признак концепта. Если семы имеют показатель яркости (являющийся результатом подсчета количества текстовых реализаций или частотности соответствующего ассоциата), то семы, обобщаемые в процессе когнитивной интерпретации в единый когнитивный признак, получают суммарную частотность из сложения отдельных реализаций данного признака.

Далее происходит ранжирование когнитивных признаков по яркости.

Ранжирование позволяет распределить когнитивные признаки по зонам – ядро, ближняя, дальняя периферия и интерпретационное поле. При наличии материалов экспериментов яркость тех или иных признаков определяется в процентах, выделяются профилирующие когнитивные признаки.

Когнитивная интерпретация паремий

Паремии подвергаются когнитивной интерпретации в форме обобщения паремиологических смыслов (сведение близких смыслов к одному более обобщенному смыслу); определяется относительная частота выражения тех или иных смыслов в собранном паремиологическом материале - в скольких паремиях из их общего количества выражен тот или иной смысл; устанавливаются наиболее часто объективируемые паремиологические смыслы.

Когнитивная интерпретация паремий предполагает, что на основе анализа их смысла формулируются соответствующие когнитивные признаки в виде утверждений о концепте. Если не удастся сформулировать признак как утверждение, то такая паремия исключается из дальнейшей интерпретации как не несущая для современного носителя языка однозначной информации.

Если возможны несколько интерпретаций, необходимо опросить информантов и выявить доминирующую. Если интерпретации оказываются равновероятными, то признается многозначность паремии и принимаются в учет все интерпретации.

Паремиологические смыслы в рамках интерпретационного поля могут быть упорядочены по принципу поля.

Так, были проанализированы словари пословиц и поговорок русского народа для выявления паремий о русском языке. Корпус исследуемого

паремиологического материала (паремиологическое поле) составил более 200 паремий. Эти паремии объективируют, к примеру, такие когнитивные признаки концепта *русский язык*:

Язык обладает большим влиянием (6 паремий -3% от общего числа паремий): Язык царствами ворочает; Язык – стяг, дружину водит; Ласковое слово и кость сломит; Язык мал, великим человеком ворочает; Мал язык – горами качает; Мал язык, да всем телом владеет.

Язык может быть опасен для человека (7 – 3,5%): Не ножа бойся – языка!; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Слово не стрела, а пуща стрелы (разит); Слово не стрела, а сердце сквозит (язвит); Слово не обух, а от него люди гибнут; Всякая сорока от своего языка гибнет;

Язык делает человека болтливым (6 – 3%): Язык болтает, а голова не знает; Что знает, все расскажет, и чего не знает, и то скажет; Язык – балоболка; Язык блудлив, что коза; Язык ворочается, говорить хочется; Язык без костей, во все стороны ворочается.

Говорить легче, чем работать (4 – 2%): Скоро то говорится, а не скоро делается; Скоро сказано, кабы да сделано; Все скоро сказывается, да не все скоро делается; Из лука – не мы, из пищали – не мы, а зубы поскалить, язык почесать – против нас не сыскать и т.д.

Паремии, объективирующие концепт «русский язык», дают как положительную, так и отрицательную оценку языка, причем негативные коннотации присутствуют в большем количестве (35%), чем позитивные (5%).

Самым актуальным для носителей русского языка оказался когнитивный признак приоритетности молчания (32,5% от общего числа паремий).

Когнитивная интерпретация результатов ассоциативных экспериментов

Когнитивная интерпретация результатов ассоциативных экспериментов может осуществляться через этап описания психолингвистического значения, а может осуществляться напрямую – через прямую когнитивную интерпретацию ассоциатов.

В первом случае выделяются ассоциаты, объективирующие отдельные значения слова, во втором же случае ассоциаты обобщаются непосредственно в когнитивные признаки, минуя стадию распределения семантических компонентов по отдельным значениям. Если ставится задача сопоставить лексикографическое, психолингвистическое значения и концепт, то необходим первый путь, если же ставится задача экспериментального описания содержания концепта – то используется второй путь.

Проиллюстрируем здесь прямую когнитивную интерпретацию результатов ассоциативного эксперимента.

Ассоциаты интерпретируются как языковые репрезентации определенных когнитивных признаков, образующих содержание концепта.

Ассоциаты, близкие по своему семантическому содержанию, обобщаются в интегральный когнитивный признак, который формулируется словесно. Для наименования формулируемого когнитивного признака выбирается обычно наименование наиболее частотной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово.

Так, в свободном ассоциативном эксперименте с 50-тью ии на слово-стимул *Земля* ассоциаты *большая 20, огромная 3, очень большая 2* интерпретируются как объективация обобщенного когнитивного признака *большая*, и частотность отдельных ассоциатов суммируется - 25; ассоциаты *круглая 24, огромный шар 2, земной шар 4, шарообразная 2* обобщаются в когнитивный признак *круглая 30* и т.д.

В ассоциативном эксперименте со словосочетанием *русский язык* интерпретируются как когнитивные признаки данного концепта:

богатый 132 (разнообразный, масштабный, многообразный, всеобъемлющий, широкий);

хороший 90 (хороший, замечательный, лучший, клевый, обалденный, нормальный, крутой, отличный);

сложный 57 (сложный, трудный, тяжелый, заумный);

легкий 46 (легкий, простой, доступный, понятный, доходчивый) и т.д.

Приведем еще пример. От 100 русских испытуемых (ии) были получены ассоциации на стимул *совесть* (Вахтель, Фридман 2002, с.38-45). Ассоциативное поле данного слова приведено выше, в разделе 3.3.

Когнитивная интерпретация результатов данного эксперимента выглядит следующим образом.

честность (честность, правда, порядочность);

справедливость (справедливость);

неприятные, тяжелые переживания (стыд, мучения, переживание, гложет, мука, вина, плохо, когда есть угрызения совести, дискомфорт, покоя не дает, камень, зуд комара над ухом, чувство одиноких людей);

проявляется в конкретных действиях (не обманывать, не быть хапугой, попросили - сделай, вера в Бога, поступок, справедливость);

имеет эталон (Д.С.Лихачев);

регулирует поведение личности (барьер, мораль, рамки, стержень, закон, судья, Бог внутри тебя, внутренний контролер, ответственность за поведение);

важна для человека (важное свойство человека, личное, должна быть)

присуща не всем людям (когда есть, не у всех, проснется поздно)

обеспечивает человеку моральную чистоту (сердце, чистая)

отсутствие совести обеспечивает благосостояние (богатство) и т.д.

Каждый признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта (процент испытуемых, актуализовавших данный признак). Например, признак *честность* будет иметь рейтинг 17% (честность 11, правда 2, порядочность 4), а признак *важность для человека* - 3% (важное свойство человека 1, личное 1, должна быть 1).

Можно выделить ядерные и периферийные когнитивные признаки, а также сравнить результаты ассоциативных экспериментов на один и тот же стимул в группах испытуемых, говорящих на разных языках, относящихся к разным социальным, гендерным, возрастным группам. Таким образом может быть выявлена национальная, гендерная, социальная, возрастная специфика соответствующих концептов.

Важно отметить, что в процессе когнитивной интерпретации в качестве когнитивных признаков концепта интерпретируются *все* полученные ассоциаты, включая единичные. Так, при когнитивной интерпретации стимула *правда* в качестве когнитивных признаков формулируются признаки, объективируемые такими единичными реакциями как газета (*есть газета «Правда»*), глаза (*правду говорят в глаза*), жизни (*правда должна отражать реальное положение дел в жизни*), горькая (*может быть и горькой, неприятной*), боль (*может доставлять боль*), лучше горькая (*лучше сказать правду, даже если она горькая*), во вред (*правда может быть во вред человеку*), горечь (*может доставить горечь*), иллюзия (*может быть иллюзией*), комсомольская (*есть газета «Комсомольская правда»*), лезвие бритвы (*правду говорить опасно – как ходить по лезвию бритвы*), сила (*говорить правду – это проявлять силу, правда обладает общественной силой*), смелый поступок (*говорит правду требует смелости*), совесть (*совесть человека побуждает его говорить правду*) у волка своя, у зайца своя (*понятие о правде различно у разных людей*), тяжелая ноша (*быть носителем правды тяжело*) и т.д.

Когнитивная интерпретация результатов психолингвистических экспериментов показывает, что в структуре концепта могут выделяться и быть при этом достаточно яркими противоречащие друг другу когнитивные признаки, ср. в концептах английский язык, русский язык – *легкий, трудный*; это – одно из существенных доказательств принципиального различия между концептом и значением слова – в последнем противоречащие признаки исключены. Противоречащие признаки включаются в интерпретационное поле концепта.

Когнитивная интерпретация метафор

Когнитивные метафоры в процессе когнитивной интерпретации должны быть сформулированы как определенные содержательные признаки, входящие в структуру концепта. Эти признаки извлекаются из содержания метафоры, преимущественно из основания сравнения, которое легло в основу метафоры.

Так, когнитивная метафора «огонь острый» (колет, пронизывает, распарывает) может быть интерпретирована как «причиняет боль, ущерб»; «огонь живой» и «огонь жидкий» (дышит, вздыхает, задыхается, течет, разливается, растекается, может взметнуться, воспринимается как струя) – как «активно функционирует», «постоянно движется и меняется» и т.д.

Интерпретация когнитивных метафор – сложная и далеко не всегда однозначно решаемая задача, поскольку, во-первых, в основу метафоры могут лечь несколько когнитивных признаков «метафоризируемого» объекта, а во-вторых, средством метафоризации часто выступает глубоко субъективное восприятие предмета или явления; именно поэтому во многих случаях метафоры с трудом поддаются когнитивной интерпретации. В таком случае метафора не может служить источником данных о когнитивных признаках соответствующего концепта.

Когнитивная интерпретация частотности лексем

Через частотность единиц можно сделать выводы о репрезентируемых ими концептах. Определенные концепты в концептосфере могут актуализироваться, становиться предметом обсуждения, то есть приобретать коммуникативную релевантность.

Выше, в главе 2, мы уже сформулировали закон коммуникативной релевантности концепта: если концепт актуализируется в концептосфере - повышается частотность номинирующих его лексических единиц, если его актуальность снижается - снижается и частотность объективирующих его языковых средств. Таким образом, когнитивная интерпретация частотности лексических единиц позволяет выявить актуальные и неактуальные в определенный период концепты в концептосфере народа.

Когнитивный анализ внутренней формы значения лексемы-номинанта

Иногда в когнитивных исследованиях анализируется внутренняя форма слова как источник сведений о структуре концепта. Так делает Ю.С.Степанов (1997); «В качестве вспомогательного средства... по-видимому, может использоваться и внутренняя форма слов» (Карасик 2004, с.171).

Так, в ходе исследования концепта «быт» в русском сознании при диахроническом анализе семантики ключевой лексемы «быт» А.В.Рудакова установила, что первоначально ядром концепта являлось конкретное понятие, которое может быть определено как «имущество» - конкретные предметы, принадлежащие человеку. В древнерусском языке концепт «быт» был представлен существительным среднего рода «быто» (ср. жито) - скарб, пожитки: «Изборяне грабиша быто Московское и Псковское» (Карамзин).

Постепенно ядро концепта окутывается новыми концептуальными признаками, увеличивается объем концепта. Ранее однозначное слово становится многозначным: у лексемы «быто» возникает на базе исконного ядра новое конкретное значение: средства к жизни, хозяйство. Ср.: «Весь быт хозяйский снаряжен» (Державин).

Развитию отвлеченности значения лексемы «быт», по мнению В.В.Виноградова, способствовало в конце ХУП - начале ХУШ веков

взаимодействие с польским языком. Постепенно конкретное значение лексемы «быт» начинает отодвигаться на периферию, а отвлеченное значение становится ядерным.

В XIX веке в словаре В.И.Даля у слова «быт» появляется значение род жизни, обычай и обыкновение: быт крестьянский, домашний, английский, нынешний и т.д. При этом сохраняется конкретное значение «средства к жизни, хозяйство».

С XIX века слово «быт» из просторечия переходит в литературный язык. Особенно активно слово «быт» начинает употребляться в 30-40-ые г.г. XIX века с расцветом реализма: бытовой роман, бытовое направление, бытописатель, бытописание.

В конце XIX - начале XX века лексема «быт» имеет все те же два значения. Но изменяется их соотношение: конкретный компонент уходит на дальнюю периферию, а в ядре концепта оказывается смысл, существующий до сих пор - образ жизни, уклад жизни, свойственный той или иной среде, той или иной социальной группе; нравы и обычаи повседневной жизни, характерные для того или иного класса, сословия, профессии. Именно этот смысл становится основным значением лексемы быт, остальные значения постепенно отмирают.

Кроме того, в конце XIX - начале XX века лексема «быт» начинает постепенно обозначать также душевный строй, образ мыслей, интеллектуальную жизнь. Ср.: «Итак, я ... не могу выворотить свой внутренний быт перед тобой» (Пирогов. Дневник старого врача).

Современные употребления слова *быт* демонстрируют следующее направление эволюции исследуемого концепта - унылая повседневность, рутина, уборка, стирка и т.д. Именно эти компоненты концепта «быт» определяют отношение русского человека к быту (бытовые разговоры, бытовые темы, бытовые проблемы, бытовое поведение, «бытовуха» и др.).

Таким образом, этимологический анализ может дать некоторые сведения о содержании концепта, но надо помнить, что этимологические сведения далеко не всегда актуальны для языкового сознания носителей языка и не могут в таком случае оказывать влияние на содержание концепта в актуальном сознании носителя концепта.

Выявление когнитивных классификационных признаков

Вторым этапом когнитивной интерпретации результатов описания концепта является обобщение отдельных когнитивных признаков и выявление на их основе когнитивных классификационных признаков, используемых для концептуализации данного явления. Близкие когнитивные признаки интерпретируются как репрезентации отдельного когнитивного классификационного признака концепта, а их частотность, установленная в ходе эксперимента или анализа текстов, суммируется для определения яркости, актуальности в структуре концепта тех или иных когнитивных классификаторов.

Так, когнитивные признаки *богатый, бедный*, выделенные в концепте *русский язык*, обобщаются классификационным признаком *богатство словарного состава*, когнитивные признаки *хороший, плохой* – классификационным признаком *общая оценка*, когнитивные признаки *сложный, простой* – классификационным признаком *доступность освоения*; когнитивные признаки *красивый, некрасивый* – классификационным признаком *эстетической оценки*, признаки *распространенный, известный, всемирный, широко изучаемый, многонациональный* – классификационным признаком *распространенность*, признаки *звучный, мелодичный, напевный, лирический, певучий, музыкальный* – классификационным признаком *звуковой образ* и т.д.

Все выявленные когнитивные признаки интерпретируются как объективация, репрезентация определенных когнитивных классификационных признаков; выявление когнитивных классификационных признаков позволяет выявить особенности концептуализации денотата концепта когнитивным сознанием.

3.8. Моделирование концепта

Моделирование концепта включает три взаимодополняющие, но выполняемые отдельно процедуры:

1. *описание макроструктуры концепта* (отнесение выявленных когнитивных признаков к образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);

2. *описание категориальной структуры концепта* (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как их иерархии по актуальности для концептуализации денотата концепта);

3. *описание полевой организации концепта* (выявление и описание когнитивных классификационных признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Описание макроструктуры концепта

Данная процедура предполагает распределение выделенных когнитивных признаков по структурным макрокомпонентам концепта – образной, информационной составляющей и интерпретационному полю. Это позволяет наглядно представить, какие типы информации преобладают в концепте и каково их соотношение друг с другом.

Например, концепт «английский язык» по результатам направленного ассоциативного эксперимента (160 ии) имеет следующий

макроструктурный состав (процент указывается от общего числа полученных реакций - 690):

Образный компонент - 20%:

*яркий, звездно-полосатый, Биг Бен (перцептивные образы) -7%);
умный, тупой, вежливый, культурный (когнитивные метафоры)- 13%.*

Информационное содержание-35%:

всемирный, Америка, Британия.

Интерпретационное поле - 45%:

оценочная зона: прекрасный, хороший, чужой, ужасный, красивый, интересный, грубый, оригинальный;

энциклопедическая зона: многообразный, благозвучный, стандартный, Америка, Британия;

утилитарная зона: общедоступный, сложный;

регулятивная зона: необходимый;

социально-культурная зона: современный, битл, Биг Бен;

паремиологическая зона: не представлена.

Моделирование макроструктуры концепта *английский язык* показывает, в нем большую роль играет информационное содержание, основой которого является когнитивный признак *всемирный*; образное содержание не отличается разнообразием, очень противоречива оценочная зона интерпретационного поля, тесно взаимосвязаны утилитарная и регулятивная зона: *английский язык* концептуализируется как одновременно общедоступный и сложный, но необходимый. В концепте нет паремиологической зоны.

При наличии паремиологической зоны в концепте она описывается отдельно, и внутри нее выделяются ядро и периферия. Моделирование паремиологической зоны концепта как полевой структуры осуществляется по убыванию количества паремий, представляющих тех или иные смыслы в паремиях.

Паремиологические смыслы могут быть и достаточно яркими, и актуальными для содержания концепта, но для того, чтобы можно было утверждать, что паремиологический смысл входит, к примеру, в ядро или ближнюю периферию концепта, либо в его информационное содержание, необходима процедура верификации паремиологических смыслов.

Описание категориальной структуры концепта

Данная процедура предполагает выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как их иерархии.

К примеру, ассоциативный эксперимент со словом *долг* (300 ии) и последующая когнитивная интерпретация результатов эксперимента позволяют выделить следующие когнитивные признаки, образующие содержание концепта *долг*:

обязанность 89 ответственность 37, моральная тяжесть 10, деньги 75, необходимость возврата 21; перед Родиной 35; перед родными, перед работой 3, перед другом 4, перед человечеством, законом 1; из-за нужды 1, из-за карт 2, ведет к *расплате* 3, *дуэли*, *мести* 1, исполнение приносит *почести*, *призвание* 1, бывает *священный*, *гражданский*, академический 1, носитель *друг*, *рыцарь*, *собака* 1.

Данные когнитивные признаки в структуре концепта объединяются, интегрируются следующим образом:

составляющие 214: *обязанность* 89 *ответственность* 37, *чувство* 2; деньги 75, необходимость возврата 21;

последствия 17: *тяжесть* 10, *ведет к расплате* 3, *дуэли*, *мести*, исполнение приносит *почести*, *призвание* 1;

сфера проявления 50: перед Родиной 35; перед родными, перед работой 3, перед другом 4, перед человечеством, законом 1;

причина появления 3: *нужда*, *карточный*, *карты* 1;

видовые разновидности 3: *священный*, *гражданский*, академический;

носитель 3: *друг*, *рыцарь*, *собака* 1.

Таким образом, ядерным когнитивным классификационным признаком концепта *долг* выступает признак *составляющие*-73,8%, ближнюю периферию составляет признак *сфера проявления*- 17,2%, дальнюю периферию – признак *последствия* -5,9%, крайнюю – признаки *причина появления*, *видовые разновидности*, *носитель* – по 1%.

Можно сделать вывод о том, что данное явление концептуализируется русским сознанием преимущественно рационально, путем вычленения составляющих явление элементов; причины, последствия, основные сферы проявления долга остаются на периферии когнитивного сознания.

Описание полевой организации концепта

Полевое описание делается в опоре на данные о яркости, актуальности тех или иных когнитивных признаков в структуре концепта.

Если исследование проводилось без привлечения экспериментальных методик, в опоре на словари и тексты, то яркость признаков определяется по частотности употребления тех или иных языковых единиц для номинации концепта (данные анализа текстов, частотного словаря), либо по количеству единиц, объективирующих тот или иной когнитивный признак – чем больше таких единиц, тем данный признак ярче и важнее для сознания (закон Шпербера).

Но в любом случае эти данные будут во многом умозрительны и неточны, желательна верификация яркости этих признаков в

эксперименте. Экспериментальные данные более надежны для вычленения в концепте ядра и периферии.

Наилучшие результаты дает сочетание традиционного лингвистического анализа (текстовая выборка) с экспериментальными приемами – в таком случае наиболее яркими и существенными для концепта признаются те признаки, которые оказываются яркими по результатам использования обеих методик.

Полевая структура концепта выстраивается на основании, прежде всего, яркости соответствующих когнитивных признаков в структуре концепта.

Когнитивные признаки распределяются по полевым зонам по степени яркости, которая определяется как доля испытуемых, выделивших данный признак.

Результатом полевой стратификации концепта является представление структуры исследуемого концепта как полевой структуры - ядра, ближней, дальней периферии и интерпретационного поля.

См. примеры подобной стратификации концептов русский язык и закон в разделе 3.1.

Итогом моделирования полевой организации концепта в рамках лингвоконцептологического исследования является словесное или графическое представление содержания концепта в виде полевой структуры.

1. Словесная модель

Концепт описывается словами, отдельно – ядро и периферия, отдельные слои и сегменты, отдельно интерпретационное поле (см. примеры выше, раздел 3.1).

2. Графическая модель

В качестве примера приведем графическое представление полевой организации концепта *женщина* из исследования (Паскова 2004).

В рисунке структуры концепта «женщина» совмещены изображение полевой организации и макрокомпонентной структуры концепта (рис.3).

Другой вариант графического представления полевой организации концепта предлагает О.О.Ипполитов (Ипполитов 2003).

В рисунке также совмещены макроструктурное и полевое описание, отражены только основные, базовые компоненты содержания концепта (рис.4).

Рис.3. Модель Н.А.Пасковой:

СХЕМА №1
Структура концепта «женщина» в текстах среднеанглийского периода

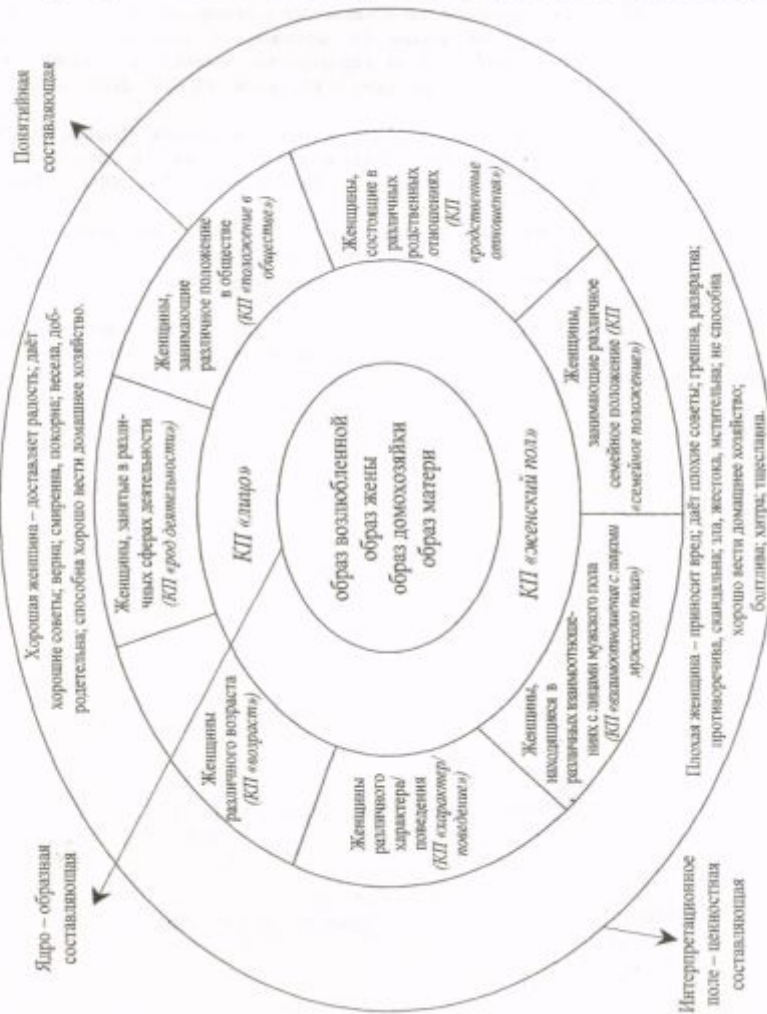
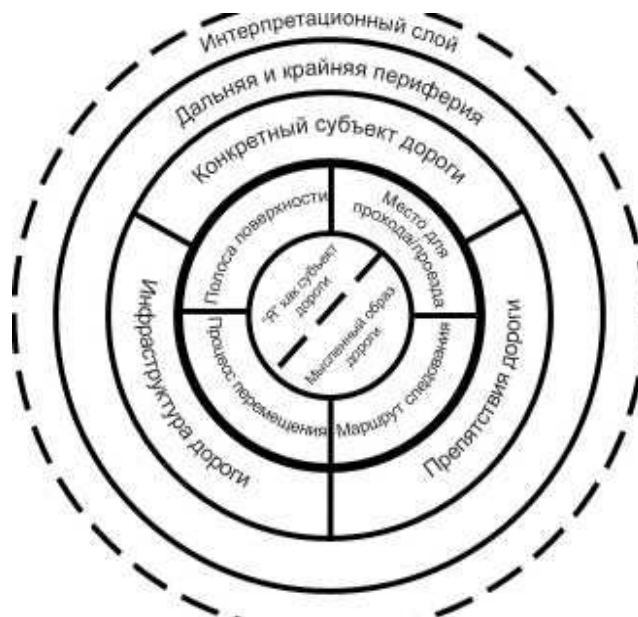

Рис.4. Модель О.О.Ипполитова:

Методы семантико-когнитивного языка продолжают разрабатываться.

Глава 4.

Опыт целостного семантико-когнитивного анализа

В данной главе иллюстрируются семантико-когнитивные методики описания концептов, разработанные в предыдущих главах, на материале опыта целостного описания значений и концептов.

Во-первых, вниманию читателей предлагается опыт целостного описания психолингвистического значения, выполненный И.А.Стерниным в соавторстве с Ж.И.Фридман (лексема *признание*). Этот раздел призван показать специфику экспериментального описания значения слова в отличие от *концепта*, теоретически обоснованную в главе второй данной книги. Нетрудно заметить, что описание психолингвистического значения может быть использовано как база для дальнейшей когнитивной интерпретации, и тогда его можно продолжить уже в аспекте описания соответствующего концепта. Но данный раздел приводится нами именно как иллюстрация целостного описания значения – для демонстрации специфики описания значения в отличие от концепта.

Во-вторых, в данной главе нами приводится целостное лингвоконцептологическое описание отдельного концепта (концепт *русский язык*), выполненное И.А.Стерниным совместно с Л.А.Тавдгиридзе – для демонстрации последовательного применения разработанной методики лингвоконцептологического описания.

В-третьих, приведены примеры когнитивно – семасиологического описания языковых явлений.

4.1. Психолингвистическое описание значения лексемы *признание*

Было проведено исследование значения слова *признание* при помощи методики направленного ассоциативного эксперимента. Была поставлена цель выявить и описать психологически реальное (психолингвистическое) значение данного слова.

Исследование было проведено в соответствии с методикой, предложенной в главе третьей.

1 этап. Формирование ассоциативного поля стимула ПРИЗНАНИЕ

Признание 500 - любовь 105, слава 34, откровенность, правда 33, уважение 22, честность 17, в любви, раскаянье 15, объяснение 13, вина 9, чистосердечное 8, успех 7, разговор 6, искренность, покаяние 5, благодарность, заслуга, открытость, понимание, смелость, суд 4, букет,

заслуг, наука, откровение, приговор, совесть, согласие, чувство 3, верность, всенародное, исповедь, истина, кино, легкость, награда, осознание, открыть душу, ошибка, победа, преклоненные колени, пытки, радость, сила, соглашение, тайна, успехов, чувства 2, авторитет, берег моря, блеф, великое, вины, "Воскресение" Л.Толстого, время, вы краснеете, гармония, горько, дело, доверие, долгожданное, допрос, душевный подъем, жертва, завоевание, закон, запоздалое, известность, искусство, киноактер, кольцо, ложь, милиция, музыкант, невыносимость, ночь, общественное мнение, общество, обычно после смерти, одаренность, ответ, оценка, оценка по достоинству, очищение, ошибки, порядочность, почет, правильно, премия, преступление, приятно, проступок, протокол, пылкость, разумность, Раскольников, раскрытие, решительность, роза, роман (книжный), свобода, слезы, стекло, страх, сцена, телевизионная передача, труд, тяжело, удача, ура!, ухо, явка с повинной 1; отказы -26.

2 этап. Семная интерпретация ассоциатов как сем

- в любви 138 (любовь 105, в любви 15, объяснение 13, чувства 5)
- слава 47 (слава 34, известность 6, успех 7)
- откровенность 92 (откровенность, правда 33, честность 17, открытость 4, откровение 3, истина 2, раскрытие 1, открыть душу 2)
 - проявляется в уважении (уважение 22)
 - проявляется в благодарности (благодарность 5)
 - чистосердечное 7 (чистосердечно 6, чистосердечное 1)
 - следствие заслуг 7 (заслуга 4, заслуг 3)
 - обусловлено раскаяньем 22 (раскаянье 15, покаяние 5, осознание совершенного 2)
 - проявляется в согласии с чем-либо 5 (согласие 3, соглашение 2)
 - вина 15 (вина 9, ошибка 3, преступление 1, проступок 1, ложь 1)
 - на берегу моря (берег моря 1)
 - смущение (вы краснеете 1)
 - ночью (ночь 1)
 - в подарок роза (роза 1)
 - в подарок кольцо (кольцо 1)
 - проявляется в разговоре (разговор 6)
 - проявляется в исповеди (исповедь 2)
 - является раскрытием тайны (тайна 2)
 - сопровождается проявлением пылких чувств (пылкость 1)
 - делается на ухо (ухо 1)
 - требует смелости (смелость 4, решительность 1)
 - проявление совести (совесть 3)
 - результат пыток (пытки 2)
 - результат применения силы (сила 2)

- совершается в милиции (милиция 1)
- результат тяжелых психологических переживаний (невыносимость 1)
- следствие одаренности (одаренность 1)
- проявление порядочности человека (порядочность 1)
- его трудно сделать 2 (труд 1, тяжело 1)
- приводит к осуждению в суде 7 (суд 4, приговор 3)
- представляет собой награду (награда 1)
- приносит радость (радость 2)
- выражается в премии (премия 1)
- приносит очищение (очищение 1)
- заносится в протокол (протокол 1)
- целесообразность 3 (правильно 1, разумность 2)
- прототипом является Раскольников 1
- описано в «Воскресении» Л.Н. Толстого 1
- в подарок букет 3
- в науке (наука 3)
- в музыке (музыкант 1)
- в литературе (роман (книжный))1
- в искусстве 1
- обычно после смерти 1
- выражение уважения (уважение 24)
- выражение благодарности (благодарность 4)
- выражение понимания (понимание 4)
- создает известность (известность 5)
- в кино (кино 2)
- имеет всенародный характер (всенародное 1)
- создает почет (почет 1)
- в телепередаче (телепередача 1),
- результат удачи (удача 1).
- проявляется в верности (верность 2),
- обусловлено сделанной ошибкой (ошибка 2),
- является победой (победа 2)
- выполняется на коленях (преклоненные колени 2)
- создает авторитет (авторитет 1)
- приводит к внутренней гармонии (гармония 1)
- его неприятно делать (горько 1)
- является формой проявления доверия (доверие 1)
- его можно долго ждать (долгожданное 1)
- делается на допросе (допрос 1)
- приводит к улучшению состояния души (душевный подъем 1)
- может опоздать (запоздалое 1)

• формируется мнением общества 3 (общество 2, общественное мнение 1)

- имеет форму ответа (ответ 1)
- представляет собой высокую оценку (оценка 1)
- является оценкой достоинств (оценка по достоинству 1)
- приводит к очищению души (очищение 1)
- обусловлено совершенным преступлением (преступление 1)
- обусловлено совершенным проступком (проступок 1)
- дает свободу (свобода 1)
- сопровождается плачем (слезы 1)
- вызывает страх (страх 1)
- проявляется в отношении к игре актера на сцене (сцена 1)
- доставляет приятные ощущения (приятно 1, ура! 1)
- представляет собой явку с повинной (явка с повинной 1)

Некоторые ассоциаты не поддаются однозначной интерпретации, поскольку отражают чисто индивидуальный, субъективный опыт испытуемых. В данном случае на этом основании не интерпретируются как семы единичные субъективные ассоциации: *закон, стекло, дело, время, завоевание, легко, блеф, великое.*

3 этап. Семейная атрибуция полученных семантических компонентов

Семы группируются по принципу общей денотативной отнесенности, что сигнализирует о принадлежности их к одному значению (семеме).

Первая группа сем:

- откровенность 92
- обусловлено раскаянием 22,
- обусловлено виной 15
- является раскрытием тайны 2
- требует смелости 4,
- проявление совести 3
- результат тяжелых психологических переживаний 1,
- проявление порядочности человека 1
- требует решительности 1
- его трудно сделать 2
- целесообразность 3
- его неприятно делать 1 ,
- приводит к улучшению состояния души 1
- приводит к очищению души 1
- сопровождается плачем 1
- вызывает страх 1

- проявляется в разговоре 6

Вторая группа сем:

- чистосердечное 7 ,
- обусловлено раскаянием 22,
- следствие вины 15
- требует смелости 4
- результат пыток 2
- результат применения силы 2
- совершается в милиции 1
- результат тяжелых психологических переживаний 1
- приводит к осуждению в суде 7
- заносится в протокол 1
- целесообразность 3
- прототипом является Раскольников 1,
- описано в «Воскресении» Л.Н. Толстого 1.
- делается на допросе 1
- имеет форму ответа 1
- представляет собой явку с повинной 1
- приводит к очищению души 1

Третья группа сем:

- в любви 138
- откровенность 92
- смущение 1
- ночью 1
- в подарок роза 1
- в подарок кольцо 1
- в подарок букет 3,
- проявляется в разговоре 6
- сопровождается проявлением пылких чувств 1
- делается на ухо 1
- требует смелости 5
- его трудно сделать 2
- выполняется на коленях 2
- его можно долго ждать 1
- может опоздать 1
- доставляет приятные ощущения 2

Четвертая группа сем:

- слава 47
- уважение 22,

- следствие заслуг 7 ,
- следствие одаренности 1
- приносит радость 2
- выражается в премии 1
- в науке 3
- в музыке 1
- в литературе 1,
- в искусстве 1,
- обычно после смерти 1.
- выражение уважения 24
- выражение благодарности 4
- результат успеха 7
- создает известность 5
- в кино 2
- имеет всенародный характер 1
- создает почет 1
- результат успехов 2
- в телепередаче 1
- результат удачи 1
- является победой 2
- создает авторитет 1
- его можно долго ждать 1
- формируется мнением общества 3
- доставляет приятные ощущения 2

Пятая группа сем:

- сопровождается пониманием 4,
- оценка заслуг человека 7
- приносит радость 2,
- оценка по достоинству 1,
- сопровождается выражением благодарности 5,
- доставляет приятные ощущения 2,
- высокая оценка 1,
- приводит к улучшению состояния души 1.

Шестая группа сем:

- проявляется в согласии с чем-либо 5
- формируется мнением общества 3

Некоторые семы повторяются в ряде значений, что связано с многозначностью ассоциатов и семантической близостью выделяемых значений. Например, семы *раскрытие тайны*, *требуется смелости*, *вызывает страх*, *оценка со стороны общества* и нек. др.

5 этап. Семное описание содержания и структуры значений

Семное описание значений на базе выделенных совокупностей сем предполагает связанное формулирование значений с ранжированием выделенных семантических компонентов по яркости (количеству выделивших их испытуемых).

Архисемы некоторых формулируемых значений могут быть не выявлены в ассоциативном эксперименте, в таком случае при формулировании значений они вводятся исследователем, например, архисема *сообщение* в описании некоторых следующих ниже значений слова *признание*.

Для удобства каждое психологическое значение получает условную краткую формулировку с указанием количества испытуемых, актуализовавших в эксперименте данное значение. Эта формулировка необходима для обсуждения и комментирования выделенных значений, она фактически выступает как условное сокращение того или иного объемного психологически реального значения.

Каждое значение иллюстрируется кратким примером его использования.

1. (147 ии) **Откровенное сообщение о своей вине**

(Она никак не ожидала услышать от него признание в том, что он в молодости без ее ведома пользовался ее банковским счетом).

Откровенное сообщение 92, проявляющееся в разговоре 6 о своей вине 15, причиной которого является раскаянье 22, проявление совести 3, порядочности 1, результат тяжелых психологических переживаний 1, которое трудно сделать 2, неприятно делать 1, вызывает страх 1, требует смелости 5, является раскрытием тайны 2, сопровождается плачем 1, но целесообразно сделать 3. приводит к улучшению состояния души 1, к очищению души 1.

2. (64 ии) **Заявление о совершенном преступлении**

(Он подписал чистосердечное признание).

Чистосердечное сообщение 7, которое имеет форму явки с повинной 1 или ответа 1, признающего вину 15, совершается в милиции 1, делается на допросе 1, заносится в протокол 1, обусловлено раскаяньем 22, применением силы 2, пытками 2, результат тяжелых психологических переживаний (невыносимость 1), приводит к осуждению в суде 7, к очищению души 1, прототипом является Раскольников 1, описано в «Воскресении» Л.Н. Толстого 1.

3. (159 ии) **Объяснение в любви**

(Она наконец дождалась его признания и осенью стала его женой).

Откровенное 92 сообщение о своей любви 138 в разговоре 6, сопровождается проявлением пылких чувств 1, выполняется на коленях 2, ночью 1, на берегу реки 1, делается на ухо 1, с преподнесением в подарок букета 3, кольца 1, розы 1, вызывает смущение 1, его трудно сделать 2, требует смелости 5, его можно долго ждать 1, может опоздать 1, доставляет приятные ощущения 2.

4. (104 ии) **Слава, уважение**

(Признание как к ученому пришло к нему поздно)

Слава 47 и уважение 22, которые создают известность 5, обычно после смерти 1, формируются мнением общества 3, имеют всенародный характер 1, следствие заслуг 7, одаренности 1, удачи 1 в области науки 3, кино 2, музыки 1, искусства 1, литературы 1, телевидения 1, выражаются в награде 1, премии 1, почете 1, авторитете 1, являются победой 2, которую можно ждать долго 1.

5. (23 ии) **Оценка по достоинству**

(В конце жизни он добился, наконец, признания в своем городе)

Оценка заслуг человека 7, высокая 1, по достоинству 1, сопровождающаяся выражением благодарности 5, понимания 4, которая приносит ему радость 2, доставляет приятные ощущения 2, приводит к улучшению состояния души 1.

6. (8 ии) **Согласие считать законным**

(Прошло несколько лет, прежде чем он добился признания как руководитель в своем коллективе)

Согласие с оценкой чем-либо какого-либо статуса 5, формируемое мнением общества 3.

6 этап. Моделирование семантемы слова

Моделирование семантемы слова в процедуре описания психологически реального значения слова предполагает полевое описание структуры семантемы. Моделирование предполагает два этапа: описание полевой стратификации семантемы в целом, а также моделирование полевой организации отдельных семем в составе семантемы.

Полевая стратификация семантемы

Ядро семантемы образует семема с наибольшим индексом яркости, остальные зоны определяются по процентному отношению к ядру.

Яркость семем определялась как процент испытуемых (от 500), актуализировавших данное значение в эксперименте.

Ядро семантемы

Объяснение в любви - 31,8%

(Она наконец дождалась его признания и осенью стала его женой).

Откровенное сообщение о своей вине -29,4%

(Она никак не ожидала услышать от него признание в том, что он в молодости без ее ведома пользовался ее банковским счетом).

Ближняя периферия

Слава, уважение 20,8%

(Признание как к ученому пришло к нему поздно)

Дальняя периферия

Заявление о совершенном преступлении -12,8 %

(Он подписал чистосердечное признание).

Крайняя периферия

Оценка по достоинству -4,6%

(В конце жизни он добился, наконец, признания в своем городе)

Согласие считать законным -1,6%

(Прошло несколько лет, прежде чем он добился признания как руководитель в своем коллективе)

Обращает на себя внимание примерно равная яркость двух ядерных семем слова, что делает эти значения примерно равнозначными в структуре семантемы; выделить одно основное значение в синхронном состоянии семантики слова *признание* не представляется возможным.

Полевая стратификация семем

Ядро семемы составляют наиболее яркие семантические компоненты, менее яркие составляют периферию семем. Яркость сем определяется аналогично яркости семем – по относительному количеству испытуемых, актуализировавших тот или иной семантический компонент в условиях эксперимента.

1. (147 ии) **Откровенное сообщение о своей вине**

(Она никак не ожидала услышать от него признание в том, что он в молодости без ее ведома пользовался ее банковским счетом).

Ядро: откровенное сообщение 92,

Ближняя периферия: раскаянье 22, вина 15,

Дальняя периферия: проявляется в разговоре 6 требует смелости 5, является проявлением совести 3, целесообразно сделать 3, трудно сделать 2, является раскрытием тайны 2.

Крайняя периферия: причиной является порядочность 1, результат тяжелых психологических переживаний 1, неприятно делать 1, вызывает страх 1, сопровождается плачем 1, приводит к улучшению состояния души 1, к очищению души 1.

2. (64 ии) **Заявление о совершенном преступлении**

(Он подписал чистосердечное признание).

Ядро: раскаянье 22, вина 15,

Ближняя периферия: чистосердечное сообщение 7, приводит к осуждению в суде 7

Дальняя периферия: обусловлено применением силы 2, пытками 2,

Крайняя периферия: имеет форму явки с повинной 1, имеет форму ответа 1, совершается в милиции 1, делается на допросе 1, заносится в протокол 1, результат тяжелых психологических переживаний (невыносимость 1), ведет к очищению души 1, прототипом является Раскольников 1, описано в «Воскресении» Л.Н. Толстого 1.

3. (159 ии) **Объяснение в любви**

(Она наконец дождалась его признания и осенью стала его женой).

Ядро: о любви 138, откровенное сообщение 92

Ближняя периферия: в разговоре 6, требует смелости 5,

Дальняя периферия: дарится букет 3, выполняется на коленях 2, его трудно сделать 2, доставляет приятные ощущения 2.

Крайняя периферия: сопровождается проявлением пылких чувств 1, делается ночью 1, делается на берегу реки 1, делается на ухо 1, дарятся кольца 1, дарятся розы 1, вызывает смущение 1, его можно долго ждать 1, может опоздать 1.

4. (104 ии) **Слава, уважение**

(Признание как к ученому пришло к нему поздно)

Ядро: слава 47, уважение 22

Ближняя периферия: следствие заслуг 7, создают известность 5,

Дальняя периферия: формируются мнением общества 3, в области науки 3, кино 2, являются победой 2,

Крайняя периферия: обычно после смерти 1, имеют всенародный характер 1, одаренности 1, удачи 1 музыки 1, искусства 1, литературы 1, телевидения 1, выражаются в награде 1, премии 1, почете 1, авторитете 1, которую можно ждать долго 1.

5. (23 ии) **Оценка по достоинству**

(В конце жизни он добился, наконец, признания в своем городе)

Ядро: оценка заслуг человека 7,

Ближняя периферия: сопровождается выражением благодарности 5, понимания 4

Дальняя периферия: приносит радость 2, доставляет приятные ощущения 2,

Крайняя периферия: высокая оценка 1, оценка по достоинству 1, приводит к улучшению состояния души 1.

6. (8 ии) **Согласие считать законным**

(Прошло несколько лет, прежде чем он добился признания как руководитель в своем коллективе)

Согласие с оценкой чем-либо 5, формируемое мнением общества 3.

Полевая стратификация невозможна из-за малочисленности семного состава семемы.

Полевая стратификация семем завершает моделирование психологически реального значения слова по результатам свободного ассоциативного эксперимента.

Модель полевого описания семантемы может быть использована как словарная статья психолингвистического толкового словаря.

4.2. Лингвоконцептологическое описание концепта *русский язык*

Покажем на примере описания концепта *русский язык* основные этапы лингвоконцептологического анализа.

Описание выполнено на основе материалов исследования Л.А.Тавдгиридзе (Тавдгиридзе 2005), проведенного под научным руководством И.А.Стернина, но представленный в этой статье материал существенно дополнен и переструктурирован руководителем с целью пошаговой иллюстрации методики комплексного лингвоконцептологического исследования. По сравнению с методикой, использованной Л.А.Тавдгиридзе в указанной работе, методика лингвоконцептологического исследования, представленная в данной главе, существенно усовершенствована.

Основные последовательные этапы лингвоконцептологического описания таковы:

1. Построение номинативного поля исследуемого концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.

4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка.

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

6. Моделирование концепта:

- описание макроструктуры концепта (отнесение выявленных когнитивных признаков к образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);

- описание категориальной структуры концепта (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков);

- описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Итогом моделирования концепта в рамках лингвоконцептологического исследования является словесное или графическое представление содержания концепта в виде полевой структуры.

7. Общие выводы об особенностях исследуемого концепта.

Рассмотрим последовательно процедуру и результаты анализа концепта *русский язык* по выделенным этапам.

1. Построение номинативного поля концепта

Для данной цели были выделены и проанализированы различные номинации исследуемого концепта *русский язык*. Основными способами прямой номинации данного концепта в русском языке оказались такие единицы как устойчивое словосочетание *русский язык*, реже используемое *родной язык* разг. *русский*, лексемы *речь*, *слово*, дейктические обозначения *язык*, *наш язык*, *наше слово*, а также метафорическая номинация «*великий и могучий*».

Ключевой номинацией выступает устойчивое сочетание *русский язык* как наиболее частотное, стилистически нейтральное.

Номинативное поле исследуемого концепта, образуемое прямыми номинациями, невелико, у ключевой номинации нет развернутой синонимии и симиляров, мало устойчивых единиц с данным значением, в связи с чем развернутое лексико-фразеологическое поле ключевой номинации построить не представляется возможным. Деривационное поле ключевой номинации также невелико: *русский язык – русскоязычный*.

В связи с этим основными приемами построения номинативного поля концепта *русский язык* оказываются: экспериментальные методики, анализ художественных текстов, фразеологизмов и паремий.

В качестве основной экспериментальной методики был использован направленный ассоциативный эксперимент *Русский язык – какой?*

Этот вид эксперимента был предпочтен свободному ассоциативному эксперименту и рецептивному эксперименту, поскольку предварительные пилотажные эксперименты с небольшим количеством испытуемых (10-15 человек) показали, что свободный ассоциативный эксперимент со стимулом *русский язык* и рецептивный (в частности, «кратко напишите, что такое *русский язык*», «дайте определение русскому языку – русский язык это...» и под.) дают мало релевантного для исследования материала, а направленный ассоциативный эксперимент дает максимальное число реакций, позволяющих сформировать ассоциативное поле стимула *русский язык*.

В направленном ассоциативном эксперименте приняло участие 1790 испытуемых — 1256 женщин и 534 мужчин. Из числа опрошенных — 669 в возрасте от 15 до 25 лет (младшая возрастная группа); 781 человек в возрасте 26–40 лет (средняя возрастная группа) и 340 человек в возрасте 41–60 лет (старшая возрастная группа).

Испытуемыми выступили студенты и абитуриенты Воронежского института менеджмента, маркетинга и финансов, а также их родители; учителя, проходившие курсовую подготовку повышения квалификации в Воронежском областном институте повышения квалификации и переподготовки работников образования; в числе испытуемых были также студенты второго курса факультета среднего профессионального образования при Институте менеджмента маркетинга и финансов и 163 жителя нескольких сельских населенных пунктов Воронежской области.

Период проведения эксперимента — 2002–2003 г.г. Эксперимент осуществлялся как в групповой, так и в индивидуальной форме. Групповой эксперимент проводился с 25–40 испытуемыми за один сеанс.

Испытуемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, определения к словосочетанию «русский язык» и запишите те, которые первыми приходят Вам в голову. Просим дать не менее 5 определений». В начале опросного лист приводилась фраза: **Русский язык – какой?**

В результате эксперимента от испытуемых было получено 7190 реакций. При этом 919 человек дали по 5 реакций, 366 человек по 4 реакции, 232 — по 3 реакции, 155 — по 2 реакции, 105 — по 1 реакции, 20 — отказались участвовать в эксперименте. Таким образом, процент отказа составил 1%, что является незначительной величиной и свидетельствует о том, что анализируемый концепт актуален для языкового сознания. Некоторые испытуемые не придерживались строго инструкции и в некоторых случаях давали ассоциаты, выраженные не определениями, как того требовало наше задание. Количество таких ассоциатов 350 (4,9% от общего количества реакций). Эти ассоциаты тоже были обработаны.

В результате было сформировано ассоциативное поле стимула *русский язык*, которое имело следующий вид:

Русский язык – какой? (7190): красивый 846; богатый 560; трудный 501; родной 232; великий 203; интересный 190; сложный 182; хороший 113; любимый 102; могучий 101; древний 95; разнообразный; народный 85; простой 61; умный 60; лёгкий 58; разносторонний 57; разный 56; ласковый 55; нежный 52; свободный, наш родной, мат 50; матерный 48; наш родимый, непонятный, международный 43; многообразный 42; содержательный 41; доступный 39; нецензурный, мягкий, удовлетворительный 36; самый любимый, огромный 35; красочный 34; тяжёлый 32; необъятный 31; близкий, увлекательный 30; занимательный, эмоциональный, безграничный 29; многосторонний, знакомый 28; выразительный, бескрайний, главный 27; обширный 25, благородный 24; интеллектуальный, объёмный, распространенный, непостижимый, звучный 23; матершинный 21; мой, яркий, запутанный, старый 20; цветной, поэтический, понятный 19; щедрый, ясный, колоритный, волшебный, поэтичный, масштабный, мировой, грубый, культурный 18; всемирный, многоликий, самый сложный 17; образный, светлый 16; самый лёгкий, важный, разговорный, насыщенный, выразительный, недостижимый, многогранный, российский, национальный, школьный, поэзия, свой, добрый, лучший, самый лучший 15; славный, разумный 14; наш, милый, доброта, истинный, заботливый, литературный 13; теплый, мудрый, правдивость, нужный, необходимый, обязательный 12; широкий, интеллигентный, интернациональный, музыкальный, необычный, разговор (ы) 11; габаритный, песня, переливающийся, межнациональный, сказочный, Россия, плавный, красноречивый, школа, близкий, настоящий, звонкий, уникальный, точный, лаконичный 10; благозвучный, необыкновенный, идеальный, стихотворный, пошлый, засорённый, превосходный, замечательный, изумительный, познавательный, продвинутый, развитый, первый 9; основной, глубокий, созвучный, восхитительный, чистый, урок, Родина, неограниченный, матный, достигаемый, учебный, Ленин, пушкинский, много нецензурных слов, всероссийский, многонациональный, человечный, смешной, средство общения 8; единственный, грамотный, обычный, ругательный, испорченный, вульгарный, общероссийский, отличный, всенародный, пословица, учительница, песенный, громкий, своеобразный, практичный, эффективный, конкретный, игривый 7; живой, средство ежедневного общения, универсальный, регламентированный, логичный, полезный, деловой, странный, самый главный, певучий, учитель, много поговорок, частушки, содержит диалекты, ненормативная лексика, родная страна, Липецкая область, берёза, народ, противный, общенародный, общепринятый, объединяющий, правильный, общеславянский, деревенский, разноголосый, прикольный 6; веселый, понимание, удобный, задорный, многозвучный, специфический, славянский, старинный, справедливый, роскошный, бесподобный, великолепный, суровый, честный, привычный, труднодоступный, солнечный, общий, общеупотребительный, много выражающий, берёзы, русские люди, Путин,

Есенин, Толстой, Москва, нравственный, гостеприимный, привычный, искренний, святой, чувственный, алфавит, книга, учебник, учебники, мелодичный, цивилизованный 5; системный, резкий, страстный, букварь, предмет, фольклор, божественный, открытый, лермонтовский, пластичный, грациозный, язык Пушкина, дерзкий, заимствующий, смелый, задумчивый, тонкий, простонародный, самобытный, грамматика, знания, голосистый, популярный, дисциплинированный 4; стандартный, воспитанный, тактичный, орфография, мягкое произношение, традиция, сочинение, душевный, чуткий, отзывчивый, гениальный, одаренный, изящный, природа, потрясающий, впечатляющий, уроки, ромашка, словарь русского мата, уматный, запрещённый, раскованный, славяне, Лермонтов, Достоевский, Тургенев, есенинский, Горбачев, Воронеж, мудрёный, тяжело даётся, общественный, гуманный, человеколюбивый, милосердный, вольнодумный, решительный, прямой, экспрессивный, многовековой, известный, знаменитый, удивительный, счастье, языковое общение, язык информации 3; выражение мысли, язык, на котором я общаюсь, нужен для общения, приветливый, радость, изучаемый, юмористический, темпераментный, прямолинейный, стойкий, единый, Зюганов, Гагарин, берёзка, Ломоносов, русские писатели, желанный, достоверный, верный, обычный, хреновый, образовательный, правило, правописание, грамотность, шумный, ведущий, нестандартный, востребованный, меткий, болтливый, многофункциональный 2; идеальный, неповторимый, с его помощью можно четко выразить свои мысли, многоцелевой, жив да и все!, чётко выражает мысли, хочу знать, хочу хорошо знать, не похож на другие языки, неординарный, самобытный, причудливый, часть нашей жизни, имеет авторитет в других странах, имеет значение в повседневной жизни, первый среди всех, коренной, актуальный, предпочитаемый, показательный; основа всех основ; журчащий; частично резкий; правильность речи; врожденная грамотность; диктанты на «2» «3», диктанты на «4», у меня по русскому «3», первое слово - «мама»!, знаки препинания, чистописание, учебный предмет, дисциплина, язык как дисциплина, мне все равно, хуже, чем английский, глюканутый; совершенно правильный, объективный; правдолюбивый, говорить можно обо всем, взаимопонимание, всеми любимый, его надо любить, только бы его и слушала б, язык эмоций, своё родное, привычный с детских лет, командный, армейский; отца и матери, душа народа, много диалектов, кладезь пословиц и поговорок; душа нации; выросли с ним; моя ДНК; им можно выразить все чувства, всеобъемлющий; учат в других странах; учат в других странах в привилегированных семьях; государственный; дипломатический; один из рабочих языков ООН; интеграция; Санкт – Петербург; огромная территория; деревня, пейзаж, золотая осень, зима, снег, мороз, лютые морозы, ясное небо, голубое небо, тайга, лес, дуб, речка, поле, пшеница, снопы, хлеб, яблоневый сад, мужик с плугом, родители – дети, отцы – внуки, человек, книга такая, словарь Ожегова, толковый словарь Даля, толковый словарь, чтение, письмо,

чтение книг, перо, указка, тетрадь, ручка, карандаш, родители, распространенные фамилии: Иванов, Петров, Сидоров, крестьянские избы, деревенские избы, щит и меч, дача, картошка, валенки, блины, пиво, русская водка, рубль, революция, революции, война, войны, бедность, безработица, невоспитанность, нет будущего, государственность, общность, коммунизм, преданность родине, патриотизм, президент, петровский язык, на нем говорили Пушкин и Лермонтов, язык, которым пользовался Пушкин, Ахматова, сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов, даётся не всем, требуются усилия, слишком много правил, сложен грамматически, в грамматике очень сложен, очень сложная грамматика, много исключений, объединяющий нации, лучистый, играющий цветами, художественно-тёплый, медовый, золотой, морской, зелёный, жгучий, мяукающий, находка для поэтов, льющийся, парящий, медленно текущий, сладкий, пахучий, сочный, приятный для слуха, ласкающий слух, приятные ощущения, самый матерный, отрицательная сторона – мат, мат без предела, отвратительная сторона – мат, матерно богат, льющийся мат, иногда самый нецензурный, много ругательных выражений, ругань в транспорте, с ругательствами, беспардонный, смелый в выражениях, может быть решительным и жестким, крепкий, один из самых жестоких языков мира, жестокость, обломный, разбитый, разоренный, колючий, зубастый, враждебный, сленг, жаргон, жаргонный, деградирующий, падение в никуда, портится красота, его портят люди, не все умеют пользоваться, его легко коверкать, утрачивает силу, забываются литературные нормы, упрощен без смысла, заимствованный, 70% заимствований, много заимствований из английского, много заимствований из английского, а это плохо - лучше все называть по-русски, татарское наречие испортило его, должен быть чистым, хотелось бы чистоты, чтоб не был засорен иностранными и нецензурными словами, выражает мысли в облегченной форме, простой для общения, хорошо воспринимаемый, понятный даже туркам, становится проще и проще, на нем легко разговаривать, прост в употреблении, прост в изучении, быстро учится, легко изучается, как русский человек с широкою душою, этот язык во всем мире самый лучший!, клевый, прикольный, класс!, самый лучший на земле, самый лучший язык в мире, горжусь им!, только бы его и слушал! язык чувств, заводящий, благословенный, училка, учитель строгий, учитель Николай Иванович, учительница Светлана Николаевна, синонимы, предлог, буквы, знак, деепричастие, ударение, определения, которые не учатся, морфемы, морфемный, в нем всего 33 буквы, словосочетание, вопросительный знак, вечный, долговечный, один из древних языков, родоначальник всех языков, язык многовековой культуры, язык, на котором говорили наши предки, имеет большую историю, старина, хорошо звучит, красиво звучит, перспективный, современный, модный, стильный, неожиданный, непредсказуемый, в нем тайна, комфортный, уютный, характеризует культуру, самый грамотный,

вызывает радость, хорошее настроение, миролюбие замысловатый 1, отказы 13.

Анализ фразеологических словарей русского языка позволил выделить следующие фразеологизмы, содержащие слово *язык* или номинирующие язык или его использование:

бес дернул за язык
 болтать языком
 вертится на языке
 давать волю языку
 держать язык за зубами
 длинный язык
 язык заплетается
 злые языки, злой на язык
 держать язык за зубами
 мозолить язык (чесать)
 молоть языком
 наступить на язык кому
 найти общий язык
 остер на язык
 острый язык
 язык отнялся
 язык не повернулся, не поворачивается
 по(чесать) язык
 попасть на язычок
 (по) трепать язык
 чесать языком
 (язык) плохо /хорошо подвешен
 держать язык на привязи
 прикусить язык
 прочистить язык
 как будто язык проглотил
 просится на язык
 развязать язык
 язык развязать кому-либо
 говорить на разных языках
 распускать язык (прост.)
 дар речи
 говорить русским языком
 язык сломаешь
 сорваться с языка
 типун тебе на язык
 трепать язык, языком
 трещать языком
 укоротить язык – заставить поменьше болтать
 чесать язык – заниматься пустой болтовней

эзоповский язык
 держать язык за зубами, на привязи
 длинный язык
 попридержать язык
 приходить на язык
 язык без костей
 язык прилип к гортани
 не сходит с языка
 язык чешется

Большинство из этих фразеологизмов характеризуют различные признаки функционирования или возможного использования языка.

Анализ художественных и публицистических текстов был выполнен по сборникам высказываний русских писателей и поэтов о русском языке. Были проанализированы высказывания русских писателей и публицистов о русском языке из следующих литературных источников:

1. Писатели о русском языке; Хрестоматия / Под общей ред. Докусова А.М. – Л. 1955.-451с.,

2. Словарь афоризмов русск. писателей / А.В. Королькова, А.Г. Ломов; А.Н. Тихонов; под ред. д-ра филологических наук, проф. А.Н. Тихонова. – М: Рус. яз. – Медиа, 2004, - XX, 636с.

Материалом для исследования послужили тексты следующих писателей: Абрамов Ф.А., Адамович Алесь; Айтматов Ч.Г, Аксаков И.С., Алексеев М.Н, Алексин А.Г, Астафьев В.П., Белинский В.Г., Бестужев-Марлинский А.А., Булгаков М.А., Бунин И.А., Вересаев В.В., Герцен А.И., Гоголь Н.В., Гончаров И.А., Горький М., Грин А.С., Даль В.И., Державин Г.А., Добролюбов Н.А., Достоевский Ф.М., Загоскин М.Н., Ильф И. и Петров Е., Карамзин Н.М., Ключевский В.О., Котляревский Н.А., Короленко В.Г., Куприн А.И., Лихачев Д.С., Ломоносов М.В., Островский А.Н., Паустовский К.Г., Пермяк Е.А., Писарев Д.И., Пришвин М.М., Пушкин А.С., Погодин М.П., Радищев А.Н., Салтыков–Щедрин М.Е., Толстой А.Н., Толстой Л.Н., Третьяковский В.К., Тургенев И.С., Тынянов Ю.Н., Успенский Г.И., Фадеев А.А., Фонвизин Д.И., Фурманов Д.А., Чаадаев П.Я., Чернышевский Н.Г., Чехов А.П., Чуковская Л.К., Чуковский К.И., Шкловский Б.В., Шолохов М.А., Хомяков А.С.

Были проанализированы также более 200 поэтических произведений, посвященных русскому языку, из них было получено 323 когнитивных признака, характеризующих русский язык.

Материалом для анализа послужили стихотворения из сборника Кавецкой Р.К. «Поэты о русском языке». Воронеж, 1988; Словаря афоризмов русских писателей / А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов; - М., 2004.

Анализируемые тексты принадлежат следующим авторам:

И.Бунин, А.Ахматова, М. Дудин, А.Яшин, Я. Смеляков, А.Марков, К.Алтайский, С.Сергеев-Ценский, В. Гордейчев, В.Саянов, Я. Белинский, С.Марков, С. Щипачев, Н. Леонтьев, Н. Кондакова, В. Маяковский, М. Львов,

А. Парпара, М. Геттуев, Р. Гамзатов, К. Акаев, Д. Джаббаров, Абдулла, Р. Фархади, А. Ерикеев, Р. Шукурбеков, С. Данилов, Т. Зумакулова, С. Капутян, И. Нонешвили, Мирзо Турсун-Заде, Р. Братунь, Р. Ахматова, М. Рауд, М. Парану, К. Кулиев, М. Танк, И. Фоняко, Л. Хаустов, Л. Ошанин, С. Васильев, В. Лифшиц, Е. Шевелева, Г. Диавара, Ву Тах Тьен, А. Ашкерц, Л. Адреев, А. Твардовский, Э. Иодковский, В. Шефнер, С. Щипачев, Г. Глазов, С. Баруздин, Н. Грибачев, В. Полторацкий, Я. Белинский, М. Комисарова, А. Марков, Е. Винокуров, Б. Слуцкий, С. Викуров, С. Островой, Н. Добролюбов, С. Смирнов, Н. Рыленков, А. Яшин, Я. Козловский, Л. Болеславский, Я. Вохминцев, К. Ваншенкин, В. Рождественский, В. Сидоров, Л. Ваганова, Л. Озеров, Я. Хедемский, В. Бокуч, А. Вознесенский, Л. Васильева, Л. Мартынов, Р. Казакова, И. Фоняков, С. Крыжановский, А. П. Сумароков, В. Брюсов, Д. Бедный, М. Светлов, Л. Татьяничева, Д. Самойлов, Л. Прокофьев, А. Гитевич, А. Балин, К. Некрасова, В. Федоров, В. Фирсов, Е. Стюарт, В. Жуков, Н. Ушаков, Н. Матвеева, И. Саянова.

Общий материал – высказывания писателей, поэтов и публицистов о русском языке, его свойствах, качествах, назначении, преимуществах русского языка и т.д. – составил более 700 примеров. Приведем примеры таких высказываний, характеризующих отдельные стороны русского языка и ставших материалом когнитивного анализа:

«Справедливо сказал *Гоголь*, что «в *Пушкине*, будто в лексиконе, заключалось все богатство, гибкость и сила нашего языка» (Белинский В.Г.).

«Является *Пушкин*, поэт и художник по преимуществу, окончательно преобразовывает язык русской поэзии, возведя его на высочайшую степень художественности, — и с ним первым является в русской литературе искусство как искусство, поэзия — как художественное творчество» (Белинский В.Г.).

«Начиная с *Пушкина*, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали «великий, прекрасный язык»...» (Горький М.).

«Русский язык — это прежде всего *Пушкин* — нерушимый причал русского языка. Это *Лермонтов*, *Лев Толстой*, *Лесков*, *Чехов*, *Горький*» (Толстой А.Н.).

«*Толстой* — гениальный писатель. Он достигает такой высоты своим языком, что глазам больно, до чего вы ясно видите... Он до галлюцинации видит движение, жесты и находит соответствующие слова» (Толстой А.Н.).

«<*Л. Толстой*> — хранитель русского классического языка. По манере он — наследник наших классиков» (Фурманов Д.А.).

«Язык *Гоголя* в наше время — образцовый русский язык, лучше *Гоголя* никто не писал прозой по-русски» (Чернышевский Н.Г.).

«Люблю *определенное, ясное* и красивое, и умеренное, — и все это нахожу в народной поэзии и в языке, в жизни» (Толстой Л.Н.).

«Наша *речь* преимущественно афористична, отличается своей *сжатостью, крепостью*» (Горький М.).

«Органичность произведения явится сама собой, явится язык сильный своей красочностью, потому что наш русский язык в высшей степени благодарен в этом отношении, ярк, удивительно *четок и компактен*» (М. Горький).

«Вникайте в прелесть простонародной *речи*, в строение фразы в песне, сказке, в псалтыре, в песне песней Соломона. Вы увидите тут поразительное богатство образов, *меткость сравнений, простоту* — чарующую силой, изумительную красоту определений». (Горький М.).

«Язык чистый, простой, *точный*, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» (Толстой А.Н.).

«Язык литературный и язык разговорный должны быть из одного материала. Литературный *язык сгущен и организован*, но весь строй его должен быть строем народной речи» (Толстой А.Н.).

«Разве у нас нет творчества, бьющего через край? Разве у нас нет умного, богатого, *гибкого, роскошного языка* более богатого и гибкого, чем какой-либо из европейских языков?» (Толстой А.Н.).

«Язык чистый, простой, *точный, образный*, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» (Толстой А.Н.).

«Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, что нельзя было бы передать русским языком. Звучание музыки, *блеск красок, игру света*, шум и *тень садов, неясность сна*, громыхание грозы, детский шепот и шорох морского гравия, нет таких звуков, образов и мыслей — сложных и простых, — для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения» (Паустовский К.Г.).

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятельми, италиянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем *великолепие* ишпанского, *живость* французского, *крепость* немецкого, *нежность* италиянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков» (Ломоносов М.В.).

«Язык наш *выразителен* не только для высокого красноречия, для громкой, *живописной поэзии*, но и для *нежной простоты*, для звуков сердца и чувствительности Он богаче *гармониею*, нежели французский; способнее для излития души в тонах; представляет более аналогичных слов, то есть сообразных и с выражаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки» (Карамзин Н.М.).

«Русский язык в умелых руках и в опытных устах — *красив, певуч, выразителен, гибок*, послушен, ловок и вместителен» (Чуковский К.И.).

«Литературный и речевой язык наш обладает *богатеишей образностью и гибкостью*, не зря Тургенев называл его «великим, *прекрасным*» (Горький М.).

«Органичность произведения явится сама собой, явится язык *сильный своей красочностью...*» (Горький М.).

«Красота, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть» (Ломоносов М.В.).

«Начиная с Пушкина, наши классики отобрали из *речевого хаоса* наиболее точные, *яркие*, веские слова и создали «великий, прекрасный язык»...» (Горький М.).

«Не должно мешать свободе нашего богатого и *прекрасного языка*» (Пушкин А.С.).

«*Разговорный язык простого народа* (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) *достойн также глубочайших исследований*» (Пушкин А.С.).

«Русский язык *чрезвычайно богат*...» (Белинский В.Г.).

«В продолжение XVIII века новорусская литература вырабатывала тот звучный *богатый язык*, которым мы обладаем теперь» (Герцен А.И.).

Он беспределен и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно (Гоголь Н.В.).

«Русский язык *неисчерпаемо богат* и все *обогащается* с быстротой поражающей» (Горький М.).

«Язык наш достаточно гибок и *богат* — следует глубже всмотреться в него...» (Горький М.).

«Наш русский язык, более всех новых, может быть способен приблизиться к языкам классическим *по своему богатству*, силе, свободе расположения, *обилию форм*» (Добролюбов Н.А.).

«Да будет же честь и слава нашему языку, который в *самородном богатстве своем*, почти без всякого чуждого примеса, течет как гордая, величественная река — шумит, гремит — и вдруг, если надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!» (Карамзин Н.М.).

«Для всего, что существует в природе, — воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов и трав — в русском языке есть *великое множество хороших слов* и названий» (Паустовский К.Г.).

Нам дан во владение *самый богатый*, меткий, поистине волшебный русский язык» (Паустовский К.Г.).

«*Натуральное богатство русского языка и речи так велико*, что не мудрствуя лукаво, сердцем слушая время, в тесном общении с простым человеком и томиком Пушкина в кармане можно сделаться отличным писателем» (Пришвин М.М.).

«Русский язык *так богат* и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас» (Тургенев И.С.).

«Употреблять *иностранное слово*, когда есть равносильное ему русское слово — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус» (Белинский В.Г.).

«*Литератор* должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски» (Горький М.).

«Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали» (Пушкин А.С.).

«За весь XVIII век литературный язык переваривает хаос иностранных слов, внесенных в начале века, и вырождается в служебно-придворное славословие...» (Толстой А.Н.).

«Как ни говори, а родной язык всегда останется родным. Когда хочешь говорить по душе, ни одного французского слова в голову нейдет, а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дело» (Толстой Л.Н.).

«... в народной речи есть своя свежесть, энергия, живописность» (Герцен А.И.).

«Русский язык — живой, как жизнь» (Чуковский К.И.).

«Говоря строго, язык никогда не устанавливается окончательно: он непрерывно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь... Язык идет вместе с жизнью народа» (Белинский В.Г.).

«Народный язык, алмазный язык всегда рассказывает в жесте полнокровного движения, максимального движения, отчетливого движения» (Горький М.).

«В продолжение XVIII века новорусская литература вырабатывала тот звучный богатый язык, которым мы обладаем теперь; язык гибкий и могучий, способный выражать и самые отвлеченные идеи германской метафизики и легкую, сверкающую игру французского остроумия» (Герцен А.И.).

«Русский язык достаточно богат, он обладает всеми средствами для выражения самых тонких ощущений и оттенков мысли» (Короленко В.Г.).

«...его язык богатейший и сладостнейший между всеми европейскими, что предопределено россиянам быть великим, благодатным явлением в нравственном мире...» (Тынянов Ю.Н.).

Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием» (Тургенев И.С.).

«Слово — великое орудие жизни» (Короленко В.Г.).

«Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких...» (Гоголь Н.В.).

«Сам по себе уже звучный и выразительный» (Пушкин А.С.).

«Язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может сказать поэт, мне мил» (Толстой Л.Н.).

«Выражается сильно русский народ! И если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света» (Гоголь Н.В.).

«Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков

сердца и чувствительности. Он богаче гармонией, нежели французский; способнее для излития души в тонах; представляет более аналогичных слов, то есть сообразных и с выражаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки» (Карамзин Н.М.).

«Русский язык! Тысячелетиями создавал народ это гибкое, неисчерпаемо богатое, умное, поэтическое и трудовое орудие своей социальной жизни, своей мысли, *своих чувств, своих надежд, своего гнева,* своего великого будущего» (Толстой А.Н.).

«Язык — душа нации. Язык — есть живая плоть идеи, *чувства,* мысли» (Толстой А.Н.).

«Язык, которым Российская держава великой частью света повелевает, по ее могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем *ни единому европейскому языку не уступает.* И для того нет сомнения, чтобы российское слово могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся» (Ломоносов М.В.).

«Как материал словесности, язык славяно-русской *имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими...*» (Пушкин А.С.).

«Уместно будет напомнить, что *язык создается народом.* Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его» (Горький М.).

«Русский язык настолько богат глаголами и существительными, настолько разнообразен формами, выражающими *внутренний жест, движение, оттенки чувств и мыслей, краски, запахи, материал вещей и пр.,* что нужно при построении научной языковой культуры разобраться в этом *гениальном наследстве «мужицкой силы»...*» (Толстой А.Н.).

«Сильный, выразительный и гибкий язык, ставший драгоценнейшим *достоянием народа,* он мудро устойчив и строг» (Чуковский К.И.).

«Язык — народ, в нашем языке это синонимы, и какая в этом богатая глубокая мысль!» (Достоевский Ф.М.).

«... действительно, ни один из европейских языков не сохранил всего богатства, *флексий столько, как русский*» (Бестужев-Марлинский А.А.).

«Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, — это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием» (Тургенев И.С.).

«Истинная *любовь* к своей стране немыслима без любви к своему языку» (Паустовский К.Г.).

«Пред вами громада — русский язык! *Наслажденье* глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его... Начните с первоначальных оснований» (Гоголь Н.В.).

«Первоэлементом литературы является язык, основное орудие ее и — вместе с фактами, явлениями жизни — материал литературы» (М. Горький).

«Словом можно *убить,* словом можно *спасти...*» (В. Шэфнер).

«Слова умеют плакать и смеяться, приказывать, молить и заклинать, И, словно сердце, кровью обливаться, и равнодушным холодом дышать, добры они бывают и жестоки, призывом стать и отзывом и зовом способно слово...И проклинают и клянутся словом» (Я. Козловский).

«...смогли мы сберечь... могучую...речь» (К. Алтайский).

«Ты волен и плавен, как Волга и Ладога, как наши равнины, широк и велик...» (К. Алтайский)

«Язык правдивый и свободный, и величав он, и могуч» (С.Сергеев-Ценский).

«Великая русская речь – надежда и счастье народа...» (С. Марков).

«Чтоб замерли в сердце моем истоки *могучего* слова» (С. Марков).

«То был язык *могучий*...» (Р. Гамзатов).

«И сердцем всем, сын горца, я привык считать родным *великий* тот язык» (Р. Гамзатов).

«О, как ты *свободен* и велик...» (К. Акаев).

«Служил он каждому, поведав итоги знанья и азы, язык ученых и поэтов, *могучий* ленинский язык» (Абдулла).

«Наш союз – союз свободных наций,... меж собой привыкших изъясняться на *великом* русском языке» (С. Данилов).

«И дали дальние тогда нам стали так близки! *На том великом* языке...» (М. Турсун-заде).

«Ты солнцем идешь к небосводам, неся негасимую правду народам, *могучее* русское слово...Крылатою песней ты реешь над светом, *великое* русское слово» (М. Танк).

«Говорят слова любви и мира *на великом* русском языке» (Л. Ошанин).

«Прекрасен, *могуч и велик*... людей на планете наш русский сближает язык!» (В. Лившиц).

«Это *язык великанов*, мужественный и нежный, *язык силачей и гигантов*...» (Г. Диавара).

«*Великий, мощный*, благозвучный, язык славянский...» (А. Ашкерц).

«*Умейте же беречь* хоть в меру сил, в дни злобы и страданья, наш дар бесценный – речь» (И. Бунин).

«И мы *сохраним тебя, русская речь*, великое русское слово» (А. Ахматова).

«Родная речь – *дарованное благо*...» (Л. Васильева).

«Я – русский. Дышу и живу *широкой*, свободною речью» (С. Марков).

«Бывают языки, как реки, а русский – *это океан*» (Р. Шукурбеков).

«... я владею русским *всеохватным* языком» (С. Данилов).

«*Язык расширяется* снова и снова...» (Б. Слуцкий).

«*Язык!* Его же – *не изговорить*. Слова! Им нет числа...» (Б. Слуцкий).

«*Люблю* тебя всей жизнью, всей судьбой...» (М. Дудин).

«Русской речи ширь и краткость, мне *близок* строй ее и *мил*» (Абдулла).

«Нас к этим словам привадила мать, *милы* они с самого детства...» (А. Яшин).

«*Признание в любви, откровенье – прекрасно его существо*»
(Р. Фархади).

«*Меня учил по ней любить Россию всей душою, ее язык, ее людей...*»
(Р. Братунь).

«*Люблю я русский разговор...*» (И. Фоняко).

«*Мне, нерусскому близок и дорог замечательный русский язык...*»
(А. Ерикеев).

«*То был язык для сердца дорогой...*» (Т. Зумакулова).

«*Люби его мой друг, как любит весь народ!*» (Т. Зумакулова).

«*Толкуйте – я сижу молчком, не отстраняюсь, не чуждаюсь, русским языком, как свежим хлебом наслаждаюсь...*» (И. Фоняко).

«*Любой народ в России сущий, гордится знанием его...*»
(Р. Шукурбеков).

«*Горжусь ее певучей речью...*» (М. Парану).

«*Но как представить жизнь без русской речи?*» (Т. Зумакулова).

«*Я люблю свой родной язык! Он понятен для всех...*» (А. Яшин).

«*Я понял роль твою родной язык...*» (А. Парпара).

«*Но русский есть язык и он навеки мне близок и понятен, как родной*»
(Т. Зумакулова).

«*Мой верный друг... родной язык!*» (В. Брюсов).

«*О, слово русское родное, ко мне почаще приходи!*» (М. Светлов).

«*Я жажду утолять привык родною речью...*» (В. Рождественский).

«*Звучащий, как музыка, русский язык...*» (К. Алтайский).

«*Слова в иной пословице поются, а не молвятся*» (В. Гордейчев).

«*...твои слова, пророчица, журчат – и слушать хочется*» (В. Гордейчев).

«*Певучий и помнящий чутко то время, когда языки сходились на озере Чудском...*» (Р. Фархади).

«*Все, что я буду вечно беречь, вдохновенная русская лира, многозвучная русская речь*» (А. Ерикеев).

«*Музыки нежней красивой*» (И. Нонешвили).

«*И слово русское, как музыка, звучит...*» (М. Рауд).

«*В моей душе запела Русь. Горжусь ее певучей речью...*» (М. Парану).

«*Гармония неповторимых созвучий...*» (М. Танк).

«*У костра ли в ночном, бывало слово сказкою расцветало, слово дудочкой распевало...*» (Н. Брауд).

«*Слова угасшей старины... Они ласкали, жгли и пели*»
(В. Рождественский).

«*Из древней тьмы, на мировом погосте, звучат лишь письмена*»
(И. Бунин).

«*Глагол времен, мой гений, мой язык...*» (М. Дудин).

«*Будто плоть земная, живуч...*» (А. Яшин).

«*Веками речь хранена, умом она гранена*» (Н. Леонтьев).

«*Он славен, вечен, неизменен...*» (Р. Шукурбеков).

«*Всего прочнее на земле – печаль. И долговечней царственное слово*»
(А. Ахматова).

«Мне остался *от дедов и прадедов* ключ к их тайнам – мой русский язык» (Н. Рыленков).

«Должны мы *дар веков* сберечь...» (С. Сергеев - Ценский).

«Из *вечной бронзы* выкован *извечный* русский выговор...» (В. Гордейчев).

«Созвучья слова не случайны! Пусть связь речений далека, в ней неразгаданные тайны *всегда живого языка*» (В. Брюсов).

«Тот прекрасный, *вечно юный*, тот, который мир услышать рад...» (Е. Шевелева).

«Живут слова единою семьей и от родных корней берут начало, растет язык *извечно молодой*, так будет впредь, так и всегда бывало» (В. Рождественский).

«Речь народа *красная*, будто ткань *атласная*...» (Н. Леонтьев).

«*Кристалльное* русское слово! (Н. Леонтьев).

«Будто хлеб ржаной, он *пахуч*...» (А. Яшин).

«Ты, *пахнувший* прелой овчиной...» (Я. Смеляков).

«И мама говорит стихи Ершова

Мне *на волшебном* русском языке...» (Р. Ахматова).

«*Чарующий* русский язык...» (К. Кулиев).

«*Живой*, как родник...» (К. Алтайский).

«*Живой* родник...» (М. Львов).

«Любо мне с твоим «рукоделом» *плыть по русской речи*, как по речке...» (В. Гордейчев).

«Исполненный красы пленительной, и буйной мощи, и огня, певучих слов поток *стремительный* переливается, звеня» (Д. Бедный).

«...мой *ленинский*, мой *пушкинский*, мой русский; души моей, судьбы моей язык!» (Я. Белинский).

«...я русский бы выучил

только за то,

что им

разговаривал Ленин» (В. Маяковский).

«...*Язык Державина и лермонтовских струн*...» (В. Рождественский).

«*Свод мудрости*» (Я. Белинский).

«*Раздумьями* обильна наша речь» (Н. Леонтьев).

«Слово красное целит в суть вещей и *смысла* глубь» (Н. Леонтьев).

«Как ты проста, *осмысленная* речь» (Е. Винокуров).

«*Точный*, самый правильный язык» (Е. Шевелева).

«Но ваш язык, что всех *точней* и краше» (Г. Диавара).

«Язык народа и богат и *точен*» (Н. Рыленков).

«Великий русский любви и *братства*, души богатства, *родства* язык! Нас всех *сроднивший*, страну мою *объединивший* в одну семью! Язык товарищ, язык *связист*!» (Н. Львов)

«Разъединенные *соединивший* звенья...» (А. Парпара).

«Язык *сближенья* и язык общенья... Он *сдружил* и *сплотил* все народы, революции нашей язык!» (А. Ерикеев).

«...навсегда в груди моей *сроднился* язык узбекский с русским языком» (Д. Джаббаров).

«Но могли ли мы, братья, *понять друг друга*, если б не было русского языка» (С. Капатикян).

«Навсегда вошли без перевода Русские советские слова в речь и душу каждого народа на правах *духовного родства*» (С. Данилов).

«...людей на планете наш русский *сближает* язык!» (В. Лившиц).

«Это язык *нерасторжимого* братства...» (Д. Диавара).

«Он *проводник и переводчик* на все земные языки» (Абдулла).

«*Неразгаданная тайна* всегда живого языка» (В. Брюсов).

«Как часто в *тайне* звуков *странных* и в потаенном смысле слов я обретал напев нежданных, овладевавших мной стихов!» (В. Брюсов).

«Вы, прадеды наши, в неволе, мукою запудривши лик, на мельнице русской *смололи заезжий татарский язык*. Вы взяли *немецкого малость*, хотя бы и больше могли...» (Я. Смеляков).

«Русский язык – *словно горы и воздух*...» (А. Ашкерц).

«Он *вдохновляет* на труд беззаветный...» (М. Геттуев).

«Тобой...*любая боль излечится*...» (В. Гордейчев).

и др.

Был также проведен анализ русских *паремий*, характеризующих русский язык. Под паремиями понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, предназначенные для употребления в дидактических целях. Как правило, это пословицы, поговорки, авторские высказывания, ставшие афоризмами. Репрезентация концепта осуществляется всем текстом паремии.

Были проанализированы словари пословиц и поговорок русского народа:

Даль В. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т. – М.: Художественная литература, 1984.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1991.

Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя. – М., 1957.

Аникин В.П. Русские народные пословицы и поговорки. – М., 1988.

Русские народные загадки, пословицы, поговорки. /Сост. Ю.Г. Круглов. – М., 1990.

Пословицы. Поговорки. Загадки /Сост. А.Н. Мартынов, В.В. Митрофанова. – М.; 1986.

Русские пословицы и поговорки / Сост. А.И. Соболев. – М., 1983.

Русские пословицы и поговорки /Сост. Э.В. Померанцева. – М., 1973.

Корпус исследуемого паремиологического материала, связанный с концептом «русский язык», составил более 200 паремий, характеризующих разные стороны использования языка.

Примеры паремий, номинирующих признаки и свойства языка:

Язык царствами ворочает; Язык – стяг, дружину водит; Ласковое слово и кость сломит. Язык мал, великим человеком ворочает; Мал язык – горами качает; Мал язык, да всем телом владеет.

Язык до побоев доводит; Язык доводит до кабака; Язык до добра не доведет; Свой язык – первый супостат; Языце, супостате губителю мой!; До чего язык не договорится!; За худые слова слетит и голова.

Никто бы про тебя не знал, когда б сам не сболтал; Сама скажет сорока, где гнездо свила; Птица поет – сама себя продает.

Не ножа бойся – языка!; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Всякая сорока от своего языка гибнет; Слово не стрела, а пуще стрелы (разит); Слово не стрела, а сердце сквозит (язвит); Слово не обух, а от него люди гибнут.

Кто говорит, что хочет, сам услышит, чего не хочет; Говоря про чужих, услышишь и про своих; Больше говорить – больше согрешишь; От худого слова – да на век ссора.

Слово не воробей: вылетит – не поймаешь; Коня на возжжах удержишь, а слово с языка не воротишь; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Бабий язык, куда не завались, достанет.

Язык поит и кормит, и спину порет; Язык и хлебом кормит, и спину порет; Язык языку ответ дает, а голова слетает; Язык голову кормит (он же и до побоев доводит); Язык хлебом кормит и дело портит; Язык до Киева доведет и до кия.

На словах, что на гусях, а на деле, что на балалайке; На словах, что на саях, а на деле, что на кобыле; По разговорам всюды (годится), а по делам никуды; Не все то верится, что говорится.

Горе в чужой земле безъязыковому.

Поменьше говори, побольше услышишь; В запертой рот муха не пролетит; Кстати промолчать, что большое слово сказать; кто мало говорит, тот больше делает; Лучшие недоговорить, чем переговорить; Кто меньше толкует, тот меньше тоскует; Молчи глухая, меньше греха; Молча отмолчишься, как в саду отсидишься; Сказано – серебро, а не сказано – золото; Меньше говорить, меньше грешить; Меньше врется – спокойнее живется; Щи хлебай, да поменьше бай; Ешь капусту, да не мели попусту.

Меньше говори, да больше делай; Кто мало говорит, тот больше делает; Кто много говорит, тот мало делает; Не спеши языком, торопись делом; Языком не торопись, а делом не ленись; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит.

Языком капусты не шинкуют; Языком и лаптя не сплетишь; Кто языком итурмует, не много навоюет; Горлом не возьмешь; Горлом изба не рубится; Горлом дело не спорится; Языком масло не собьешь; Сколько не говорить, а с разговором сытым не быть.

Словом человека не убьешь; Слово не обух, в лоб не бьет; Словом не перелобанишь; Сколько не говорить, а с разговором сытым не быть; Не все

то делается (творится), что говорится; Все мы говорим, да не по говоренному выходит.

Рассказчики не годятся в приказчики; Хороший рассказчик – плохой приказчик.

Скоро то говорится, а не скоро делается; Скоро сказано, кабы да сделано; Все скоро сказывается, да не все скоро делается; Из лука – не мы, из пищали – не мы, а зубы поскалить, язык почесать – против нас не сыскать.

Язык лепечет, а голова не ведает; Язык болтает, а голова не знает; Язык наперёд ума рыщет; Язык мягок: что хочет, то и лопочет (чего не хочет, и то лопочет); Что знает, все скажет, - и чего не знает, и то скажет.

Язык, что вехотка: всё подтирает; Язык – жернов: мелет, что на него ни попало; Бабий язык – чёртово помело; Язык без костей, во все стороны ворочается.

Говори с другими поменьше, с собой побольше; Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай; Загороди рот топором, заставь молчать; Держи язык короче, держи язык на привязи; Держи язык за замком.

Зерна мели, а лишнего не ври; Блюда хлеб на обед, а слово на ответ; Врал бы, да меру знал бы.

Слушай больше, а говори меньше; Да побольше бы слушал, поменьше бы говорил; Бог дал два уха и один язык; Поменьше говори, побольше услышишь; Меньше бы говорил, да побольше бы слушал; Кто говорит, тот слеп, кто слушает – собирает и пожинает.

Чье правое дело – говори смело; за великое дело – великое слово.

Доброе слово и кошке приятно; Ласковое слово и кость ломит.

Таким образом, номинативное поле концепта русский язык составили прямые номинации (*русский язык, русская речь, слово, русское слово, наш язык, русский, родной язык* и др.), ассоциативное поле стимула *русский язык*, фразеологические единицы, паремии и высказывания о русском языке писателей, поэтов и публицистов.

2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.

На данном этапе анализируется семантика единиц номинативного поля концепта с использованием словарей, методики компонентного анализа, контекстуального анализа и выделяются семантические компоненты, характеризующие денотат концепта.

Анализ семантики номинативного поля, включающего прямые номинации исследуемого концепта - *русский язык, родной язык, разг. русский, язык, русское слово, русская речь, наш язык, «великий и могучий»*, а также деривата *русскоязычный* путем обращения к словарям русского языка и анализа их словарных дефиниций позволил выделить следующие

семантические компоненты (семы): *средство общения, славянский, используется в России, родной, великий, могучий, им владеют русские.*

Анализ значений слов - ассоциатов, составивших ассоциативное поле *русский язык*, позволил выявить многочисленные признаки русского языка, названные ассоциатами. Толкования значений ассоциатов выполняются исследователем в опоре на системные значения этих слов, словарные дефиниции, с учетом их реальной отнесенности к денотату – конкретному предмету номинации (в нашем случае – русскому языку) в конкретном тексте или эксперименте. Например:

красивый 846 – *хорошо звучит*, богатый 560 – *богатый словарный запас и выразительные средства*; трудный 501- *трудный для изучения*; родной 232 – *родной для граждан России*; великий 203 – *великий по своему значению*; интересный 190 – *интересный для изучения*; сложный 182 - *сложный для изучения*; хороший 113 – *вызывает положительные эмоции*; любимый 102 – *вызывает любовь носителей языка*; могучий 101- *эффективный*; древний 95 – *имеет длительную историю* и т.д.

Анализ семантики фразеологизмов со словом *язык* также позволяет выявить ряд признаков, характеризующих использование языка:

бес дернул за язык – *язык может использоваться необдуманно*
 вертится на языке – *языковое выражение мысли требует усилий*
 давать волю языку – *можно говорить лишнее, избыточное*
 язык заплетается – *пользование языком может быть в определенных условиях затруднено*

молоть языком – *речь может быть необдуманной*
 язык отнялся – *способность использовать язык может исчезнуть*
 язык не повернулся, не поворачивается – *языковое выражение мысли в обществе может быть ограничено определенными условиями*
 язык плохо /хорошо подвешен – *способность к владению языком может быть хорошей или плохой* и т.д.

Анализ высказываний писателей и поэтов позволяет определить те признаки русского языка, которые деятели слова рассматривают как существенные, важные, отличительные, как предмет осмысления и обсуждения. Каждое высказывание интерпретируется как характеристика конкретного признака языка, который формулируется исследователем в виде отдельного утверждения:

«Справедливо сказал Гоголь, что «в Пушкине, будто в лексиконе, заключалось все богатство, гибкость и сила нашего языка» (Белинский В.Г.). – *образцовый носитель русского языка - Пушкин*

«Начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали «великий, прекрасный язык»...» (Горький М.). - *создатель русского литературного языка - Пушкин*

«<Л. Толстой> — хранитель русского классического языка. По манере он — наследник наших классиков» (Фурманов Д.А.). – *носитель образцового русского языка – Л.Толстой*

«Люблю *определенное, ясное* и красивое, и умеренное, — и все это нахожу в народной поэзии и в языке, в жизни» (Толстой Л.Н.). – *народный язык красив и ясен*

«Наша *речь* преимущественно афористична, отличается своей *сжатостью*, крепостью» (Горький М.). - *русская речь афористична*

«Язык чистый, простой, *точный*, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» (Толстой А.Н.) – *русский язык точен*

«Разве у нас нет творчества, бьющего через край? Разве у нас нет умного, богатого, *гибкого, роскошного языка* более богатого и гибкого, чем какой-либо из европейских языков?» (Толстой А.Н.) – *русский язык гибок и богат.*

«Язык чистый, простой, *точный, образный*, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства» (Толстой А.Н.) – *русский язык образный*

«Нет ничего такого в жизни и в нашем сознании, что нельзя было бы передать русским языком. Звучание музыки, *блеск красок, игру света*, шум и *тьнь садов, неясность сна*, громыхание грозы, детский шепот и шорох морского гравия, нет таких звуков, образов и мыслей — сложных и простых, — для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения» (Паустовский К.Г.) - *русский язык универсален для выражения мысли.*

«Не должно мешать свободе нашего богатого и *прекрасного языка*» (Пушкин А.С.) – *язык богат и прекрасен*

«*Русский язык неисчерпаемо богат и все обогащается* с быстротой поражающей» (Горький М.).

«*Язык* наш достаточно гибок и *богат* — следует глубже всмотреться в него...» (Горький М.) – *русский язык богат и быстро обогащается.*

«В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей» (Белинский В.Г.) – *в русском языке много заимствований* и т.д.

Аналогично описывается значение паремий, номинирующих различные свойства языка:

Язык царствами ворочает - *язык является могущественным средством воздействия на людей;*

Язык до добра не доведет – *язык может причинить говорящему вред;*

Не ножа бойся – языка! – *языком можно причинить ущерб человеку;*

Больше говорить – больше согрешить – *многословие причиняет вред говорящему* и т.д.

На данном этапе исследования каждая языковая единица, являющаяся компонентом номинативного поля концепта, должна получить толкование, характеризующее конкретный признак или признаки языка.

Подобное описание семантики языковых средств, образующих номинативное поле концепта, подготавливает базу для их когнитивной интерпретации.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств.

Когнитивная интерпретация представляет собой выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу. Когнитивная интерпретация осуществляется как обобщение семантических признаков, выявленных при анализе семантики языковых единиц, образующих номинативное поле концепта, и формулирование тех когнитивных (ментальных) признаков концепта, которые репрезентируются различными, но сходными по семантике языковыми средствами.

Так, например, когнитивная интерпретация результатов проведенного ассоциативного эксперимента будет иметь следующий вид (сначала приводится когнитивный признак, затем указывается, каким количеством ассоциатов он объективирован в эксперименте, затем приводятся языковые единицы, значение которых обобщено в ходе когнитивной интерпретации данным когнитивным признаком):

Богатый 1125

(богатый 560; безграничный 295; разнообразный 85; разносторонний 57; разный 56; многообразный 42; содержательный 41; огромный 35; необъятный 31; многосторонний 28; бескрайний 27; обширный 25; объемный 23; масштабный 18; многоликий 17; многогранный 15; широкий 11; габаритный 10; неограниченный 8; много выражающий 5; им можно выразить все чувства, всеобъемлющий 1);

Красивый 846;

Сложный 808

(сложный 753; непостижимый 55; сложная грамматика 5, сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов);

Выразительный 502

(ласковый 55; нежный 52; мягкий 36; красочный 34; эмоциональный 28; выразительный 27; яркий 20; цветной, поэтический 19; поэтичный, колоритный 18; страстный; светлый, образный 16; насыщенный, поэзия 15; теплый 12; переливающийся, красноречивый, плавный 10; стихотворный 9; чистый 8; солнечный 5; пластичный, грациозный 4; лучистый, играющий цветами, художественно-теплый, медовый, золотой, морской, зеленый, жгучий, мяукающий, находка для поэтов; изящный 3; льющийся, парящий, медленно текущий, сладкий, пахучий, сочный, приятный для слуха, ласкающий слух, приятные ощущения 1);

Родной 497

(родной 232; наш родной 50; наш родимый 43; Родина 41; близкий 30; знакомый 28; мой 20; свой 15; наш 13; славянский 11; привычный 5; известный 4; свое родное, привычный с детских лет, отца и матери, выросли с ним, моя ДНК 1);

Грубый 279

(мат 193; грубый 77; деградирующий 9);

Интересный 277

(интересный 250; познавательный 27);

Хороший 236

(хороший 115; лучший 98; славный 14; идеальный 9);

Доступный 225

(простой 181; знакомый 28; прост для изучения 10; обычный 7);

и т.д.

Аналогично обобщаются результаты семантического описания фразеологизмов, высказываний писателей и поэтов и паремии.

Примеры когнитивной интерпретации фразеологизмов:

Язык может использоваться необдуманно (10 примеров):

бес дернул за язык, молоть языком, (по) трепать язык, чесать языком, распускать язык (прост.), сорваться с языка, трепать языком, трещать языком, чесать язык , болтать языком;

Можно говорить лишнее, избыточное, неуместное (5 примеров):

давать волю языку, молоть языком, бес дернул за язык, длинный язык, сорваться с языка;

Мысль может требовать языкового выражения (5 примеров):

просится на язык, приходит на язык не сходит с языка, вертится на языке, дать волю языку и т.д.

Примеры когнитивной интерпретации паремий:

Язык является могучим средством воздействия на людей (6 примеров):

Язык царствами ворочает; Язык – стяг, дружину водит; Ласковое слово и кость сломит. Язык мал, великим человеком ворочает; Мал язык – горами качает; Мал язык, да всем телом владеет;

Язык может причинить ущерб говорящему (7 примеров):

Язык до побоев доводит; Язык доводит до кабака; Язык до добра не доведет; Свой язык – первый супостат; Языце, супостате губителю мой!; До чего язык не договорится!; За худые слова слетит и голова и т.д.

Примеры когнитивной интерпретации высказываний писателей и поэтов:

Богатый (28 примеров):

«Красота, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть» (Ломоносов М.В.).

«С одной стороны *обилие* и сила, с другой — гибкость и способность русского языка к изображению всех чувств сердца человеческого» (Державин Г.А.).

«Да будет же честь и слава нашему *языку*, который в самородном *богатстве своем*, почти без всякого чуждого примеса, течет как гордая, величественная река» (Карамзин Н.М.).

«Пред вами *громада* – русский *язык!*» (Гоголь Н.В.).

«...*он беспределен* и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно» (Гоголь Н.В.).

«Наш русский *язык*, более всех новых, может быть способен приблизиться к языкам классическим *по своему богатству*, силе, свободе расположения, *обилию форм*» (Добролюбов Н.А.).

«Гибок, *богат* и при всех своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития» (Чернышевский Н.Г.).

«Русский язык *чрезвычайно богат*...» (Белинский В.Г.).

«Русский язык *так богат* и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас» (Тургенев И.С.).

«*Язык как море*. У одного берега воды моря прозрачны и солонны, у другого — опреснены впадающей в него рекой и полны мути. И все это в одно и то же время, только в разных точках пространства» (Успенский Г.И.).

«*Русский язык неисчерпаемо богат* и все *обогащается* с быстротой поражающей» (Горький М.).

«*Язык наш достаточно гибок и богат* — следует глубже всмотреться в него...» (Горький М.).

«*Язык особенно быстро обогащается* в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности» (Горький М.).

«Разве у нас нет творчества, бьющего через край? Разве у нас нет умного, богатого, гибкого, роскошного *языка* более *богатого* и гибкого, чем какой-либо из европейских языков?» (Толстой А.Н.).

«*Натуральное богатство русского языка и речи так велико*, что, не мудрствуя лукаво, сердцем слушая время, в тесном общении с простым человеком и томиком Пушкина в кармане можно сделаться отличным писателем» (Пришвин М.М.).

«Для всего, что существует в природе, – воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озер, лугов и полей, цветов и трав – в русском *языке* есть *великое множество хороших слов* и названий» (Паустовский К.Г.).

«Нам дан во владение *самый богатый*, меткий, поистине волшебный русский *язык*» (Паустовский К.Г.) и т.д.

Красивый (3 примера):

«*Красота*, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких

правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть» (Ломоносов М.В.).

«Язык, которым Российская держава великой частью света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, *красоту* и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся» (Ломоносов М.В.).

«*Красота* языка заключается единственно в его ясности и выразительности» (Писарев Д.И.).

Выразительный (3 примера)

«Язык наш *выразителен* не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности (Карамзин Н.М.).

«Красота языка заключается единственно в его ясности и *выразительности*» (Писарев Д.И.).

«Русский язык в умелых руках и в опытных устах – красив, певуч, *выразителен*, гибок, послушен, ловок и вместителен» (Чуковский К.И.).

Гибкий (7 примеров)

«Разве у нас нет творчества, бьющего через край? Разве у нас нет умного, богатого, *гибкого*, роскошного языка, более богатого и гибкого, чем какой-либо из европейских языков?» (Толстой А.Н.).

«Язык чистый, простой, точный, образный, *гибкий*, будто нарочно созданный для великого искусства» (Толстой А.Н.).

«Литературный и речевой язык наш обладает богатейшей образностью и *гибкостью*, не зря Тургенев называл его «великим, прекрасным» (Горький М.).

«Русский язык в умелых руках и в опытных устах – красив, певуч, выразителен, *гибок*, послушен, ловок и вместителен» (Чуковский К.И.).

«С одной стороны обилие и сила, с другой — *гибкость* и способность русского языка к изображению всех чувств сердца человеческого» (Державин Г.А.).

«Русский язык так богат и *гибок*, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас» (Тургенев И.С.) и др.

Прекрасный (10 примеров):

«Не должно мешать свободе нашего богатого и *прекрасного* языка» (Пушкин А.С.).

«Начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали «великий, *прекрасный* язык»...» (Горький М.).

«Нам дан во владение самый богатый, меткий, поистине *волшебный русский язык*» (Паустовский К.Г.) и др.

Необходимость широко изучать народную речь (15 примеров):

«*Изучение старинных песен, сказок и т.д. необходимо для совершенного знания свойств русского языка*» (Пушкин А.С.).

«Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас *свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.*» (Пушкин А.С.).

«*Разговорный язык простого народа* (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) *достойн также глубочайших исследований*» (Пушкин А.С.).

«Развитие литературного языка теперь должно идти путем *изучения народной речи*, народного синтаксиса, путем уплотнения, прояснения и экономии языка и, что очень важно, — путем развития глаголов, столь обильных, ярких и мощных в народной речи...» (Толстой А.Н.)

и так далее.

Подчеркнем, что отнесение ассоциатов к определённому когнитивному признаку (а также, аналогично, отнесение к определенному когнитивному признаку фразеологизмов, паремий, афоризмов и авторских высказываний) представляло в ряде случаев значительную трудность, поскольку многие ассоциаты, фразеологизмы, паремии весьма объёмны по своему смысловому содержанию, широкозначны и многозначны, и подчас весьма трудно однозначно определить, в каком конкретно смысле испытуемый использовал данное слово в качестве ассоциативной реакции на предъявленный стимул, какой признак концепта объективирован данным фразеологизмом, паремией и т.д.

В случае затруднений такого рода мы опираемся на следующие принципы:

- 1) логический критерий;
- 2) вероятностный критерий (выбирается наиболее вероятная интерпретация);
- 3) принцип аналогии (если ряд слов или выражений сходной семантики без сомнения может быть отнесён к тому или иному когнитивному признаку, то близкое к ним по смыслу слово или выражение также будет отнесено к данному признаку);
- 4) дополнительную верификацию ассоциативной связи стимула и реакции у информантов (в затруднительных случаях мы обращались к информантам с просьбой объяснить, например, какую связь имеет данный ассоциат со стимулом «*русский язык*»).

В любом случае в ходе процедуры когнитивной интерпретации неизбежно наблюдается некоторое «насилие» над материалом в сторону

более обобщённой характеристики формулируемого признака, что представляется неизбежным в подобного рода процедурах обобщения.

Субъективная оспоримость отнесения тех или иных ассоциатов и других элементов номинативного поля концепта к определённому когнитивному признаку является неизбежной погрешностью психолингвистической методики, связанной с субъективным характером ассоциирования, а также неизбежной погрешностью процедуры любого смыслового обобщения. Вместе с тем, как показывает опыт анализа, в подавляющем большинстве случаев процедура когнитивной интерпретации семантики единиц номинативного поля может быть осуществлена достаточно непротиворечиво.

4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка.

В ряде случаев по мере необходимости проводилась дополнительная верификация результата когнитивной интерпретации связи стимула и реакции у информантов.

Мы обращались к информантам с просьбой объяснить, какую связь имеет тот или иной ассоциат со стимулом «*русский язык*». Испытуемым предъявлялись стимул и спорная реакция и ставилась задача предложить свою интерпретацию этой связи, подобрав синоним или симиляр или просто пояснив, что, по их мнению, имеется в виду.

Например: русский язык – *медленно текущий*: это какой?

Ответы: *неторопливый, неспешный, приятный*; на этом основании ассоциат интерпретировался как языковая репрезентация положительно оценочного когнитивного признака «приятный».

В интерпретационном эксперименте принимало участие небольшое количество испытуемых – 10-15, и если большинство давало сходные ответы, дальнейший опрос не проводился.

Подобная верификация оказалась необходимой и при когнитивной интерпретации некоторых паремий и фразеологических единиц.

Также мы обратились к небольшой группе испытуемых (15 человек) с просьбой пояснить, в каком смысле используется в паремиях (предлагалось 10 паремий) и фразеологизмах (предлагалось 10 фразеологизмов) слово *язык* – имеется ли в виду *русский язык* или *язык вообще*.

Опрос испытуемых показал, что под *языком* в пословицах, поговорках и фразеологизмах подавляющее большинство испытуемых понимает *язык вообще*, но при этом *язык вообще* в их сознании, по их собственному признанию, представлен *русским* языком. На этом основании соответствующий языковой материал интерпретировался как характеристика русского языка.

Верификация может также использоваться для подтверждения испытуемыми всех выделенных когнитивных признаков (генеральная или

итоговая верификация). Для этого испытуемым предлагается полный список выделенных исследователем когнитивных признаков с полным списком обобщенных ими лексем, фразеологизмов, афоризмов и под. и предлагается подтвердить или отвергнуть эти признаки (в случае несогласия испытуемые должны вычеркнуть те или иные языковые примеры, иллюстрирующие когнитивный признак, или целиком когнитивный признак).

Подобная процедура необходима, если когнитивные признаки выделялись не экспериментальными, а лексико-семантическими приемами – в опоре только на данные словарей и тексты. В таком случае когнитивные признаки, подтвержденные всеми испытуемыми в процессе верификации, составят ядро концепта, остальные отойдут к периферии.

В случае с описанием концепта *русский язык* процедура генеральной верификации не проводилась, поскольку данные о яркости отдельных признаков были получены в ходе экспериментальной процедуры – направленного ассоциативного эксперимента.

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

На этом этапе осуществляется описание содержания концепта в форме перечисления выявленных когнитивных признаков.

Признаки перечисляются в порядке убывания их яркости; яркость определяется количеством испытуемых, выделивших тот или иной признак.

Когнитивные признаки, полученные из разных источников - путем когнитивной интерпретации значений ассоциатов, фразеологизмов, паремий и высказываний писателей и поэтов о языке – унифицировались, то есть приводились к единой метаязыковой формулировке. Например, признаки *прекрасный, восхитительный, отличный, великолепный* унифицировались формулировкой *прекрасный* как наиболее обобщенной по содержанию и стилистически нейтральной.

В описание концепта включались только те когнитивные признаки, которые нашли подтверждение в эксперименте. Подавляющее большинство признаков, полученных в ходе когнитивной интерпретации значений фразеологизмов, паремий и высказываний мастеров слова, нашли подтверждение в результатах ассоциативного эксперимента. В этом случае можно говорить о том, что полученный список отражает *национальную концептосферу*. Зафиксированная объективация одного и того же когнитивного признака в разных языковых источниках – в ассоциативном поле, во фразеологии, в паремиях, в афоризмах и др. свидетельствует о коммуникативно релевантном характере данного признака и является аргументом в пользу признания его ярким, существенным для когнитивного сознания народа.

Вместе с тем, выявились когнитивные признаки, которые зафиксированы только в паремиях, только во фразеологии или только в высказываниях писателей и поэтов. Они рассматриваются нами как реальные, существующие в концепте, но относящиеся к периферии когнитивного сознания народа. Такие когнитивные признаки включаются в описание концепта, но как принадлежность крайней периферии концепта.

Наличие таких признаков подтверждает относительную автономность существования в сознании народа паремиологической, фразеологической и художественно-публицистической концептосфер, в рамках которых есть свои особенности категоризации предметов и явлений, отличающиеся от категоризации их национальной концептосферой.

Так, в концептосфере писателей и поэтов представлены такие когнитивные признаки:

язык как явление природы, действительности (когнитивная метафора): «Есть речь, как *ветерок степной*, есть речь, как *моря глубина*, как *дождик проливной*, когда восходят семена, как *родниковые ключи*, как *свинцовый град...*» (А. Марков);

«противоречивость воздействия»:

«Ты – *тверд и гибок, нежен и силен...*

Ты – *сталь и пепел, колокол и лен,*

Загадка тьмы и откровенья свет» (М. Дудин).

«Слово может *возвысить, очистить* душу человека и *уронить* ее в бездну, то есть *унизить, оскорбить, осквернить*. Из слов составляются гимны, поднимающие народы на борьбу, из слов же составляются пасквили, возводящие хулу на самые дорогие и святые для нас истины» (Алексеев М.Н.).

«могущество»:

«Ты – *царь, ты молот...*» А.Ашкерц.

«Есть чудеса: улыбка, веселье, прощение и... вовремя сказанное, нужное слово. *Владеть этим — значит владеть всем*». (Грин А.С.)

«преимущество русского языка перед европейскими»:

«Как материал словесности, *язык славяно-русской имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими...*» (Пушкин А.С.)

и др.

В паремиях выражены такие когнитивные признаки, которые не фиксируются в национальной концептосфере:

необходимость больше молчать:

Говори с другими поменьше, с собой побольше; Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай; Загороди рот топором, заставь молчать; Держи язык короче, держи язык на привязи; Держи язык за замком.

Зерна мели, а лишнего не ври; Блюда хлеб на обед, а слово на ответ; Врал бы, да меру знал бы.

Слушай больше, а говори меньше; Да побольше бы слушал, поменьше бы говорил; Бог дал два уха и один язык; Поменьше говори, побольше услышишь; Меньше бы говорил, да побольше бы слушал; Кто говорит, тот слеп, кто слушает – собирает и пожинает.

Поменьше говори, побольше услышишь; В запертой рот муха не пролетит; Кстати промолчать, что большое слово сказать; кто мало говорит, тот больше делает; Лучшие недоговорить, чем переговорить; Кто меньше толкует, тот меньше тоскует; Молчи глухая, меньше греха; Молча отмолчишься, как в саду отсидишься; Сказано – серебро, а не сказано – золото;

Меньше говорить, меньше грешить; Меньше врется – спокойнее живется; Щи хлебай, да поменьше бай; Ешь капусту, да не мели попусту.

язык способен причинить вред человеку:

Язык до побоев доводит; Язык доводит до кабака; Язык до добра не доведет; Свой язык – первый супостат; Языце, супостате губителю мой!; До чего язык не договорится!; За худые слова слетит и голова.

Не ножа бойся – языка!; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Всякая сорока от своего языка гибнет; Слово не стрела, а пуще стрелы (разит); Слово не стрела, а сердце сквозит (язвит); Слово не обух, а от него люди гибнут.

Слово не воробей: вылетит – не поймаешь; Коня на вожжах удержишь, а слово с языка не воротишь; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Бабий язык, куда не завались, достанет.

Язык поит и кормит, и спину порет; Язык и хлебом кормит, и спину порет; Язык языку ответ дает, а голова слетает; Язык голову кормит (он же и до побоев доводит); Язык хлебом кормит и дело портит; Язык до Киева доведет и до кия;

деятельность важнее разговоров:

Меньше говори, да больше делай; Кто мало говорит, тот больше делает; Кто много говорит, тот мало делает; Не спеши языком, торопись делом; Языком не торопись, а делом не ленись; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит.

Языком капусты не шинкуют; Языком и лаптя не сплетешь; Кто языком штурмует, не много навоюет; Горлом не возьмешь; Горлом изба не рубится; Горлом дело не спорится; Языком масло не собьешь; Сколько не говорить, а с разговором сытым не быть.

Рассказчики не годятся в приказчики; Хороший рассказчик – плохой приказчик.

молчание полезнее речи:

Говори с другими поменьше, с собой побольше; Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай; Загороди рот топором, заставь молчать; Держи язык короче, держи язык на привязи; Держи язык за замком.

Зерна мели, а лишнего не ври; Блюда хлеб на обед, а слово на ответ; Врал бы, да меру знал бы.

Слушай больше, а говори меньше; Да побольше бы слушал, поменьше бы говорил; Бог дал два уха и один язык; Поменьше говори, побольше услышишь; Меньше бы говорил, да побольше бы слушал; Кто говорит, тот слеп, кто слушает – собирает и пожинает

и т.д.

Фразеологический фонд ярко концептуализирует такой признак языка как ***средство для пустых разговоров, болтовни:***

болтать языком, длинный язык, молоть языком, по(чесать) язык, (по)трепать язык, чесать языком, распускать язык (прост.), трепать язык, языком, трещать языком, чесать язык, язык без костей, чесать языки.

Подтвержденные экспериментально когнитивные признаки концепта *русский язык* позволяют следующим образом представить содержание исследуемого концепта (признаки представлены списком по убыванию количества объективирующих их ассоциатов):

богатый 1125

красивый 846;

сложный 808

выразительный 502

родной 497

грубый 279

интересный 277

доступный 225

благородный 224

международный 219

великий 203;

народный 174

нужный 165

школьный предмет 154

старый 131;

умный 123

звучный 117

могучий 101;

необычный 76

культурный 54

удовлетворительный 51

свободный 50;

используемый известными писателями и поэтами 44;

средство общения 43;

непонятный 43;

точный 40;

понятный 37;

связан с русской природой 37;
 универсальный 24;
 используемый известными русскими людьми 22;
 живой 21;
 веселый 21;
 используемый рядовыми жителями России 20;
 засоренный 19;
 чувственный 16;
 громкий 15;
 на нем написаны известные произведения художественной литературы
 10;
 часть быта 10;
 радость 10;
 используется бедными людьми 8;
 неприятный в звучании 8
 выражает нравственные ценности (идеалы) 6
 официальный 4
 директивный 2

Когнитивные признаки, представленные единичными реакциями, нами здесь не приводятся.

6. Моделирование концепта

Первым этапом моделирования концепта является описание макроструктуры концепта. Выявленные когнитивные признаки концепта подлежат распределению по основным структурным компонентам концепта – образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю.

Образное содержание концепта

Образное содержание концепта включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей о русском языке (кодирующий образ УПК, по Н.И.Жинкину и И.Н.Горелову), а также когнитивный образ, который отражает смысловые связи (метафорические, метонимические) содержания концепта с другими концептами.

Перцептивный образ концепта русский язык по данным эксперимента может быть представлен следующим образом (указывается яркость соответствующих чувственных признаков в структуре концепта; яркость этих признаков не может быть велика, поскольку чувственный образ в сознании носителя языка индивидуален, можно лишь сопоставить образную «нагруженность» разных органов чувств в формировании перцептивного образа данного концепта):

Зрительный образ 229 – 2,8%: *красочный 34; яркий 20; цветной 19; колоритный 18; светлый 16; насыщенный, выразительный 15; переливающийся 10; чистый 8; Липецкая область, береза 6; солнечный, Москва, березы 5; Воронеж, природа, ромашка 3; березка 2; лучистый, играющий цветами, медовый, золотой, морской, зеленый, Санкт – Петербург, огромная территория, деревня, пейзаж, золотая осень, зима, снег, мороз, лютые морозы, ясное небо, голубое небо, лес, тайга, яблоневый сад, хлеб, снопы, пшеница, поле, дуб, речка, крестьянские избы, деревенские избы, щит и меч, дача, валенки, картошка, русская водка, рубль, блины, пиво 1.*

Тактильный образ 158 – 2,2%: *ласковый 55; нежный 52; мягкий 36; теплый 12; художественно-теплый, жгучий, пластичный 1.*

Вкусовой образ 3 - 0,4%: *медовый, сочный, сладкий 1.*

Звуковой образ 125- 1,7%: *звучный 23; музыкальный 11; песни, звонкий 10; благозвучный 9; созвучный 8; песенный, громкий 7; певучий, разноголосый 6; мелодичный, многозвучный 5; голосистый, резкий 4; шумный 2; хорошо звучит, красиво звучит, журчащий, частично резкий, мяукающий, приятный для слуха, ласкающий слух, мягкое произношение 1.*

Обонятельный образ 1 – 0,01%: *пахучий 1.*

Некоторые признаки – светлый, яркий, ласковый, и др. включенные в рубрику перцептивных образов, могут одновременно рассматриваться и как когнитивные образы в силу того, что соответствующие номинации имеют в русском языке и переносное значение.

Перцептивный образ составляет 7% от общего количества когнитивных признаков.

Когнитивный образ представляет собой уподобление качествам людей, народа, говорящего на нем, создаваемых на нем произведений и др., то есть некоторые признаки людей и предметов, соприкасающихся с языком, переносятся на сам язык. В качестве когнитивных образов интерпретируются метафорические и метонимические характеристики денотата концепта:

Моральные качества 227 - 3,2%: *благородный 24; щедрый 18; добрый 15; славный 14; доброта, истинный, заботливый 13; правдивость 12, настоящий 10; идеальный 9; человечный 8; правильный 6; святой, гостеприимный, справедливый, честный 5; смелый, задушевный, божественный, тонкий 4; вольнодумный, решительный, милосердный, гуманный, человеколюбивый, душевный, чуткий, отзывчивый 3; достоверный, стойкий, верный 2; как русский человек с широкою душою, правдолюбивый, совершенно правильный, объективный, взаимопонимание, благословенный 1.*

Психические качества 36 – 0,5%: *смешной 8; прикольный 6; искренний, веселый 5; открытый 4; прямой 3; юмористический, прямолинейный 2; говорить можно обо всем 1.*

Интеллектуальные качества 123 – 1,7%: *умный 60; интеллектуальный 23; разумный 14; мудрый 12; глубокий 8; гениальный, одаренный 3.*

Физические качества 44 – 0,6%: *плавный 10; игривый 7; живой 6; задорный 5; грациозный 4; изящный, льющийся 3; приветливый, болтливый 2; парящий, медленно текущий 1.*

Вызываемые чувства 8 - 0,1%: *счастье 3; радость 2; вызывает радость, хорошее настроение, миролюбие 1.*

Культурные навыки 41- 0,5%: *культурный 18; интеллигентный 11; цивилизованный 5; тактичный, воспитанный 3; характеризует культуру и др. 1.*

Когнитивные образы составляют 6,7% всех когнитивных признаков.

Образный компонент в целом объединяет 13,7% когнитивных признаков, образующих содержание концепта.

Информационное содержание концепта

Информационное содержание концепта образуется когнитивными признаками, характеризующими сущность и дифференциальные составные элементы исследуемого концепта.

Информационное содержание концепта «русский язык» образуется следующими когнитивными признаками:

Средство общения 0,6%

(средство общения, с его помощью легко общаться, с его помощью легко выразить свои мысли, средство ежедневного общения, языковое общение, язык, на котором я общаюсь, нужен для общения, разговор (ы), понимание, язык информации, выражение мысли, с его помощью можно четко выразить свои мысли).

Распространен в России 0,5%

(Россия, Родина, страна, родная страна, Москва, Воронеж, Липецкая область), огромная территория, деревня).

Близость носителям 5,7%

(родной, родимый, близкий, привычный, мой, свой, наш, привычный с детских лет, отца и матери, выросли с ним, моя ДНК, Родина).

Предмет изучения в школе 2%

(учитель, школа, урок, уроки, школьный, образовательный, учебный, предмет, букварь, книга, учебник (и), алфавит, сочинение, правило, грамматика, орфография, правописание, грамотность, знание, знаки препинания, чистописание, правильность речи, врожденная грамотность, диктанты на «2» и «3», диктанты на «4», у меня по русскому «3», первое слово - «мама»! синонимы, предлог, знак, буквы, деепричастие, ударение, определения, которые не учатся, морфемы, морфемный, в нем всего 33 буквы, словосочетания, вопросительный знак).

Информационное содержание концепта составляет 9,8% содержания концепта.

Интерпретационное поле концепта

Интерпретационное поле концепта очень объемно и включает многочисленные когнитивные признаки, характеризующие отношение народа к своему языку и различные энциклопедические и выводные знания о его признаках и функционировании, полученные из опыта.

В интерпретационное поле концепта «русский язык» входят следующие когнитивные признаки:

Оценочная зона

Красивый 11,8%.

Выразительный 6,7% (*выразительный, впечатлительный, экспрессивный, поэтический, поэтический, стихотворный, образный, поэзия, красноречивый, красочный, яркий, цветной, колоритный, насыщенный, переливающийся, грациозный, медовый, золотой, морской*).

Хороший 4% (*хороший, лучший, самый лучший, превосходный, замечательный, восхитительный, изумительный, прелестный, роскошный, бесподобный, отличный, великолепный, клёвый, любимый, самый любимый, милый, желанный, только бы его и слушала, его надо любить, всеми любимым, только бы его и слушала, лучше нет, самый лучший на земле, самый лучший в мире, горжусь им, прикольный, класс; удовлетворительный, противный, обычный, хреновый, мне всё равно, хуже чем английский, глюканутый*).

Мифологическая зона

Мифологическая характеристика 4,9% (*могучий, великий, свободный*).

Энциклопедическая зона

Огрубляется 2,8% (*много ругательных выражений, ругань в транспорте, с ругательствами, грубоватый, иногда пошлый, беспардонный, смелый в выражениях, может быть решительным и жестким, крепкий, один из самых жестоких языков мира, жестокость, обломный, разбитый, разоренный, смелый в выражениях, колючий, зубастый, враждебный, сленг, жаргон, жаргонный*).

Широкая распространенность языка 2,2%

(*международный, распространенный, всемирный, мировой, общепринятый, общеупотребительный, общероссийский, всенародный, общенародный, общий, общественный, российский, всероссийский*).

огромная территория объединяющий нации, государственный, дипломатический, учат в других странах, учат в других странах в привилегированных семьях, один из рабочих языков ООН, интеграция).

Древний 1,8%

(древний, старый, многовековой).

Народный 1,6% *(традиция, общеславянский, самобытный, деревенский, славянский, народный, простонародный).*

Не похожий на другие 1% *(уникальный, единственный, исключительный, неповторимый, не похож на другие языки, необычный, специфический, необыкновенный, странный, своеобразный, нестандартный, удивительный, самобытный, причудливый, неординарный, не предсказуемый, неожиданный, в нем тайна).*

Объединяющий характер языка 0,7%

(национальный, интернациональный, межнациональный, многонациональный, объединяющий, единый, общность).

Универсальный 0,3% *(универсальный, системный, многофункциональный).*

Носители – рядовые люди 0,3% *(славяне, народ, русские люди); рядовые лица б: мужик с плугом, родители – дети, отцы – внуки, человек, распространенные фамилии: Иванов, Петров, Сидоров).*

Много заимствований 0,3% *(70% заимствований, много заимствований из английского, а это плохо – лучше все называть по-русски, татарское наречие испортило его, должен быть чистым, хотелось бы чистоты, чтоб не был засорен иностранными словами).*

Громкий 0,2%

(громкий, резкий, громкий, шумный).

Известный 0,2% *(известный, популярный, изучаемый, знаменитый).*

Деградирует 0,1% *(деградирующий, падение в никуда, портится красота, его портят люди, не все умеют пользоваться, его легко коверкать, утрачивает силу, теряет красоту и чистоту, забываются литературные нормы).*

Утилитарная зона

Большой объем словарного состава 15,6%

(бескрайний, безграничный, необъятный, неограниченный, широкий, обширный, объемный, емкий, масштабный, огромный, содержательный, необъятный, разнообразный, разный, многообразный, многозначный, многогранный, многоликий, многосторонний, многовыражающий, им можно выразить все чувства, всеобъемлющий).

Сложный 14,5 % *(тяжелый, мудреный, задачливый, замысловатый, тяжело дается, трудно доступный, малопонятный: непонятный, непостижимый, самый сложный, дается не всем, требуются усилия, сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов, много правил, сложный грамматически, в грамматике очень сложен, много исключений, очень сложная грамматика).*

Интересный 3,9% *(увлекательный, занимательный, интересный, хочу хорошо знать, хочу знать).*

Доступный 3,1% *(простой, легкий, простой, доступный, самый легкий, достигаемый, понятный, ясный, выражает мысли в облегченной форме, прост для общения, хорошо воспринимаемый, понятный даже туркам, становится проще и проще, на нем легко разговаривать, прост в употреблении, прост в изучении, быстро учится, легко изучается).*

Необходимый 2% *(необходимый, востребованный, обязательный, практичный, удобный, полезный, эффективный, деловой, ведущий, главный, самый главный, важный, основной, основа всех основ, часть нашей жизни, имеет авторитет в других странах, первый среди всех, коренной, актуальный, предпочитаемый, показательный, перспективный, модный, стильный).*

Точный 0,6% *(точный, конкретный, лаконичный, меткий).*

Безграничность тематики 0,1% *(говорить можно обо всем, взаимопонимание).*

Социально-культурная зона

На нем говорят известные деятели 0,9% *(Ленин, Горбачев, Зюганов, Путин, Гагарин, президент, Петровский язык, Пушкин, пушкинский, язык Пушкина, Пушкин и Лермонтов, язык, которым пользовался Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Некрасов, Есенин, Тургенев, есенинский, русские писатели).*

На нем написаны любимые литературные произведения 0,1% (литература, классика, поэзия, стихи, «Война и Мир», «я русский бы выучил только за то...», любимые книги, язык любимых книг, чтение книг, «Ночь на Ивана Купала»).

Источник фольклора 1% (много поговорок, разговорный, сказочный, волшебный, русские народные песни, частушки, содержат диалекты, пословицы, фольклор, много диалектов, кладезь пословиц и поговорок).

На нем говорят страдающие люди 0,1% (революции, война, войны, бедность, безработица, нет будущего).

Паремиологическая зона

Отдельно описывается паремиологическая зона интерпретационного поля. Эта зона отражает преимущественно исторические когнитивные представления народа. Паремии отражают интерпретацию концепта сознанием народа преимущественно в исторической перспективе.

Анализ русских паремий, объективирующих концепт *русский язык*, показывает, что представление русского народа о родном языке представлено следующими когнитивными признаками:

Молчание полезно (24%)

Поменьше говори, побольше услышишь; В запертой рот муха не пролетит; Кстати промолчать, что большое слово сказать; кто мало говорит, тот больше делает; Лучшие недоговорить, чем переговорить; Кто меньше толкует, тот меньше тоскует; Молчи глухая, меньше греха; Молча отмолчишься, как в саду отсидишься; Сказано – серебро, а не сказано – золото; Меньше говорить, меньше грешить; Меньше врется – спокойнее живется; Щи хлебай, да поменьше бай; Ешь капусту, да не мели попусту.

Говори с другими поменьше, с собой побольше; Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай; Загороди рот топором, заставь молчать; Держи язык короче, держи язык на привязи; Держи язык за замком.

Слушай больше, а говори меньше; Да побольше бы слушал, поменьше бы говорил; Бог дал два уха и один язык; Поменьше говори, побольше услышишь; Меньше бы говорил, да побольше бы слушал; Кто говорит, тот слеп, кто слушает – собирает и пожинает.

Зерна мели, а лишнего не ври; Блюда хлеб на обед, а слово на ответ; Врал бы, да меру знал бы.

Практическая деятельность важнее речевой (23,5%)

Меньше говори, да больше делай; Кто мало говорит, тот больше делает; Кто много говорит, тот мало делает; Не спеши языком,

торопись делом; Языком не торопись, а делом не ленись; Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит.

Языком капуста не шинкуют; Языком и лаптя не сплетешь; Кто языком штурмует, не много навоюет; Горлом не возьмешь; Горлом изба не рубится; Горлом дело не спорится; Языком масло не собьешь; Сколько не говорить, а с разговором сытым не быть.

Словом человека не убьешь; Слово не обух, в лоб не бьет; Словом не перелобанишь; Сколько не говорить, а с разговором сытым не быть; Не все то делается (творится), что говорится; Все мы говорим, да не по говоренному выходит.

Язык способен причинить человеку вред (17%)

Не ножа бойся – языка!; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Всякая сорока от своего языка гибнет; Слово не стрела, а пуще стрелы (разит); Слово не стрела, а сердце сквозит (язвит); Слово не обух, а от него люди гибнут.

Кто говорит, что хочет, сам услышит, чего не хочет; Говоря про чужих, услышишь и про своих; Больше говорить – больше согрешить; От худого слова – да на век ссора.

Язык до побоев доводит; Язык доводит до кабака; Язык до добра не доведет; Свой язык – первый супостат; Языце, супостате губителю мой!; До чего язык не договорится!; За худые слова слетит и голова.

Слово не воробей: вылетит – не поймаешь; Коня на вожжах удержишь, а слово с языка не воротишь; От языка не уйдешь; Язык везде достанет; Бабий язык, куда не завались, достанет.

На словах, что на гусях, а на деле, что на балалайке; На словах, что на саях, а на деле, что на кобыле; По разговорам всюды (годится), а по делам никуды; Не все то верится, что говорится.

Никто бы про тебя не знал, когда б сам не сболтал; Сама скажет сорока, где гнездо свила; Птица поет – сама себя продает.

Говорение легче практической деятельности (6%)

Скоро то говорится, а не скоро делается; Скоро сказано, кабы да сделано; Все скоро сказывается, да не все скоро делается; Из лука – не мы, из пищали – не мы, а зубы посколоть, язык почесать – против нас не сыскать. Рассказчики не годятся в приказчики; Хороший рассказчик – плохой приказчик.

Язык часто действует без контроля со стороны человека (4,5%)

Язык лепечет, а голова не ведает; Язык болтает, а голова не знает; Язык наперед ума рыщет; Язык мягок: что хочет, то и лопочет (чего не хочет, и то лопочет); Что знает, все скажет, - и чего не знает, и то скажет.

Язык, что вехотка: всё подтирает; Язык – жернов: мелет, что на него ни попало; Бабий язык – чёртово помело; Язык без костей, во все стороны ворочается.

Действие языка может быть противоречивым (3%)

Язык поит и кормит, и спину порет; Язык и хлебом кормит, и спину порет; Язык языку ответ дает, а голова слетает; Язык голову кормит (он же и до побоев доводит); Язык хлебом кормит и дело портит; Язык до Киева доведет и до кия.

Язык – эффективное средство воздействия на людей (3%)

Язык царствами ворочает; Язык – стяг, дружину водит; Ласковое слово и кость ломит.

Необходимость вежливого слова (1%)

Доброе слово и кошке приятно; Ласковое слово и кость ломит.

Необходимость знания языка страны, где находишься (0,5%).

Горе в чужой земле безъязыковому.

Интерпретационное поле концепта русский язык в целом составляет 76,8% его когнитивного содержания.

Вторым этапом моделирования концепта является описание его категориальной структуры, то есть выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков.

Анализ когнитивных признаков концепта показывает, что они организованы и обобщаются следующими классифицирующими признаками (приводятся в порядке уменьшения яркости соответствующего классификационного признака в категориальной структуре концепта; процент вычисляется от общего количества полученных ассоциативных реакций, которых каждый испытуемый давал 5, поэтому общая сумма процентов превышает 100):

1. **Эстетическая оценка** (1348 – 75,3%). Признаки дают эстетическую характеристику языку.

2. **Объем словарного состава** (1125 – 62,8%). Характеризует язык с точки зрения объема его лексических и выразительных средств.

3. **Возможность освоения** (1033 – 57,7%). Характеризует как степень сложности, так и степень легкости освоения языка.

4. **Степень близости носителям** (534 – 29,8%). Когнитивные признаки подчеркивают связь носителей с родным языком.

5. **Мифологемы** (354 – 19,8%). Когнитивные признаки отражают стереотипное представление о родном языке его носителями (*великий, могучий*).

6. **Сфера использования** (343 – 19,1%). Когнитивные признаки отражают социальные условия, статус функционирования языка, многообразие людей, которые им пользуются.

7. **Особенности словарного состава** (298 – 16,6%). Когнитивные признаки отражают лексические особенности русского языка, огрубление русского языка, сожаление по поводу присутствия в нем большого количества заимствованной лексики; желание видеть родной язык свободным от этих негативных черт.

8. **Общая оценка** (287 – 16%). Дает общую оценочную характеристику языку (хороший, плохой).

9. **Вызываемый интерес** (277 – 15,6%). Когнитивные признаки указывают на степень интереса к родному языку со стороны его носителей.

10. **Нравственная оценка** (224 – 12,5%). Когнитивные признаки содержат позитивную нравственную оценку языка (благородство, искренность, справедливость, святость, смелость, нравственность).

11. **Эмоциональная оценка** (216 – 12,1%). Дает общую эмоционально-оценочную характеристику (милый, любимый, родной и др.).

12. **Связь с национальными традициями** (174 – 9,7%). Когнитивные признаки отражают связь русского языка с фольклором, со славянскими традициями.

13. **Престижность** (162 – 9%). Когнитивные признаки указывают на известность русского языка, на важность, необходимость знания родного языка для его носителей.

14. **Необходимость изучения** (154 – 8,6%). Признаки, указывающие на принятые средства, приемы, формы и условия обучения русскому языку; особенности структуры языка, указания на результаты изучения родного языка.

15. **Темпоральная характеристика** (131 – 7,3%). Когнитивные признаки характеризуют временные параметры языка (древний, старый).

16. **Особенности звучания** (125 – 7%). Признаки раскрывают звуковые характеристики языка (звонкий, звучный и др.).

17. **Интеллектуальная оценка** (123 – 6,9%). Когнитивные признаки указывают на интеллектуальный потенциал языка.

18. **Индивидуальная характеристика** (76 – 4,2%). Когнитивные признаки подчеркивают неповторимость, уникальность, своеобразие родного языка.

19. **Функциональная характеристика** (68 – 3,8%). Когнитивные признаки характеризуют степень универсальности, регламентированности, точности родного языка.

20. **Необходимость соблюдения норм культуры общения** (54 – 3%). Характеризует русский язык с точки зрения соблюдения норм культуры поведения и речевых норм.

21. **Основная функция** (43 – 2,4%). Когнитивные признаки характеризуют язык как средство общения, передачи информации и выражения мыслей.

22. **Физическая характеристика** (21 – 1,2%). Характеризует живость, динамичность, «энергетическую» сторону языка.

Третьим этапом моделирования концепта является описание полевой организации выявленных когнитивных признаков - выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта и представление содержания концепта в виде полевой структуры.

Полевая организация концепта отражает иерархию отдельных когнитивных признаков в структуре концепта, которая отражается в вычленении в структуре концепта ядра и различных зон периферии.

Членение содержания концепта на ядро и периферию осуществляется по критерию яркости когнитивных признаков. Яркость когнитивного признака определяется количеством ассоциатов, объективировавших этот признак в ассоциативном эксперименте.

В ядро концепта по признаку яркости могут войти как образные, эмоциональные, так и рациональные компоненты концепта, как компоненты его информационного содержания, так и компоненты интерпретационного поля концепта.

По соотношению ядерности - периферийности тех или иных структурных элементов концепта (образа, информационного содержания, интерпретационного поля) концепты будут существенно различаться – в одних ядерными компонентами могут стать образы – перцептивный или когнитивный, в других – информационное содержание, в третьих – интерпретационные компоненты (например, оценка).

Полевое описание структуры концепта является результатом его моделирования. Оно может иметь словесную (описание в форме текста) либо графическую (изображение в виде рисунка) форму. В данном случае мы используем словесную форму представления результатов полевого описания структуры концепта.

Полевая структура концепта *русский язык* может быть представлена в следующем виде:

Ядро

богатый 1125;
красивый 846;
сложный 808;
выразительный 502;
родной 497;

Ближняя периферия

грубый 279;
интересный 277;
хороший 234;
доступный 225;
благородный 224;
международный 219;
великий 203;

народный 174;
нужный 165;
школьный предмет 154;
старый 131;
умный 123;
звучный 117;
могучий 101;

Дальняя периферия

необычный 76;
культурный 54;
удовлетворительный 51;
свободный 50;
используемый известными писателями и поэтами 44;
средство общения 43;
непонятный 43;
точный 40;
понятный 37;
связан с русской природой 37;
универсальный 24;
используемый известными русскими людьми 22;
живой 21;
веселый 21;
используемый рядовыми жителями России 20;
засоренный 19;
чувственный 16;
громкий 15;
на нем написаны известные произведения художественной литературы
 10;
часть быта 10;
радость 10;

Крайняя периферия

используется страдающими людьми 8;
неприятный в звучании 8
выражает нравственные ценности (идеалы) 6
официальный 4
директивный 2

7. Выводы

Общие выводы лингвоконцептологического исследования, которые можно сделать после завершения процедуры описания и моделирования концепта *русский язык* таковы.

Макроструктура концепта *русский язык*.

Образный компонент составляет 13,7% содержания концепта.

Подавляющее большинство признаков образного компонента концепта входят в дальнюю периферию концепта. Из этого следует, что образная составляющая заметна в структуре концепта, но не является определяющей в его структуре, преобладают рациональные и оценочные признаки.

Достаточно велика яркость образов (13,7% от всех признаков). Следует отметить, что представленные в содержании концепта образы формируются всеми 5-ью органами чувств. Среди перцептивных образов преобладают зрительные (43% от всех образов концепта). Когнитивные образы (6,7%) носят преимущественно морально-этический характер и основаны на отождествлении русского языка с лучшими носителями языка, выдающимися деятелями, использовавшими русский язык для целей, связанных с гуманизмом, свободой, справедливостью, правдой, демонстрацией ума, мудрости и смелости.

Яркость перцептивного образа (7%) и когнитивного образа (6,7%) примерно совпадают, ни одна из составляющих образного компонента в концепте *русский язык* не является доминирующей.

Информационное содержание исследуемого концепта составляет 9,8% его содержания.

Наиболее яркими информационными признаками являются признаки *близость носителям языка* (5,7%) и *предмет школьного изучения* (2%). Это свидетельствует, что в информационном содержании концепта доминируют прагматические признаки.

Интерпретационное поле концепта составляет 76,8% содержания концепта.

Оно очень объемно (три четверти всего содержания концепта), доминирует в концепте и включает многочисленные когнитивные признаки, характеризующие отношение народа к своему языку и различные выводные знания о его признаках и функционировании.

Наиболее заметными в интерпретационном поле концепта является утилитарная зона (39,8%) и оценочная зона (22,5%), что свидетельствует о преимущественно эмоционально-прагматическом характере интерпретационного поля исследуемого концепта. Признаки *сложный* и *красивый* из этих двух зон входят в ядро концепта – факт, который в когнитивных исследованиях наблюдается достаточно редко. Менее заметны энциклопедическая зона (11,5%), мифологическая зона (4,9%) и социокультурная зона (2,1%).

Паремиологическая зона интерпретационного поля практически не верифицирована ассоциативным экспериментом, что свидетельствует о ее периферийности, преимущественно историчности и, возможно, известной

мифологичности вычлняемых при ее анализе когнитивных признаков. Эта зона отражает, таким образом, преимущественно исторические когнитивные представления народа.

В паремиологической зоне доминируют когнитивные признаки *Молчание полезно* (24% всех паремиологических признаков), *Практическая деятельность важнее речевой* (23,5%), *Язык способен причинить человеку вред* (17%).

В гораздо меньшей степени в паремиологическом фонде русского языка концептуализированы такие наблюдения как:

Говорение легче практической деятельности (6%),

Язык часто действует без контроля со стороны человека (4,5%),

Действие языка может быть противоречивым (3%).

Анализ паремиологически объективированных когнитивных признаков концепта язык показывает, что историческое сознание народа, отраженное в паремиях, преимущественно осознает и концептуализирует в паремиях негативные стороны использования языка, что противоречит основному содержанию концепта в общенациональной концептосфере. Данное обстоятельство является еще одним аргументом в пользу признания паремиологической зоны интерпретационного поля самостоятельной когнитивной сферой, отражающей преимущественно исторические представления о русском языке.

Паремии, имеющие отношение к концепту «русский язык», объективируют как положительные, так и отрицательные характеристики; негативные характеристики (35%) присутствуют в существенно большем количестве, чем позитивные (5%). Таким образом, если концепт в целом преимущественно положительно маркирован, то паремиологическая зона концепта маркирована преимущественно отрицательно, что также является еще одним подтверждением особого статуса паремиологических признаков в структуре концепта.

Исследование в целом показывает, что концепт «русский язык» имеет достаточно объёмное информационное содержание и богатые интерпретационные признаки, многие из которых очень ярки в структуре концепта. Из 5 когнитивных признаков, образующих ядро содержания концепта, три (*красивый, сложный, хороший*) представляют интерпретационное поле концепта и лишь два (*богатый, родной*) его информационное содержание.

Ядро концепта компактное, преимущественно оценочное, что свидетельствует о преимущественно оценочном характере концепта *русский язык* в русской концептосфере.

Периферия концепта обширная, нет больших разрывов в яркости признаков ближней и дальней периферии, периферийная часть концепта содержит многочисленные признаки, обладающие заметной яркостью. Это свидетельствует о когнитивной релевантности концепта для русского сознания, о его важности для концептосферы, наличии многочисленных

связей концепта «русский язык» с другими элементами русской концептосферы.

Родовой когнитивный признак концепта «средство общения» не является ярким и принадлежит дальней периферии концепта.

Необходимо также отметить, что интерпретационное поле демонстрирует в своем содержании противоречивые характеристики (что является характерным признаком интерпретационных полей концептов вообще): русский язык концептуализируется как *чистый* 24 и *засоренный* 19, как *нецензурный* 193 и как *культурный* 41, *литературный* 13, как *непонятный* 43 и как *знакомый* 28, *известный* 3, как *сложный* 808 и как *доступный* 225.

Данные признаки в содержании концепта обусловлены возрастными, социальными, гендерными или чисто субъективно-личностными, индивидуальными особенностями носителей языка.

Достаточно велика яркость образов в структуре концепта (13,7% от всех признаков). Следует отметить, что выявленные образы формируются всеми пятью органами чувств, что является достаточно редким явлением для абстрактного концепта.

Достаточно сильна и заметна в структуре концепта мифологическая составляющая – великий, могучий (19,8% всех признаков), но эти признаки не входят в ядро, оставаясь в рамках ближней периферии концепта.

В целом в концепте русский язык в русском когнитивном сознании ведущую роль играет эмоционально-прагматическое содержание интерпретационного поля концепта.

Концепт «русский язык» в русской концептосфере выступает как преимущественно оценочный, причем он выступает как двуоценочный с ярким преобладанием положительной оценки. Положительная оценка в структуре концепта характерна для 63% когнитивных признаков, отрицательная оценка – для 17%, неоценочные признаки составляют всего 20% от общего числа признаков.

4.3. Из опыта когнитивно – семасиологического описания языковых явлений

В данном разделе мы проиллюстрируем отдельные приемы использования результатов семантико-когнитивного исследования в традиционных семасиологических описаниях.

Приведем два примера.

Е.Н. Королёва изучала семантему глагола *играть*. Словари обычно дают толкования значения этого глагола с точки зрения игровой деятельности людей. Исследование Е.Н. Королёвой показало, что первым денотативным значением этого глагола была игровое движение в природе, наблюдаемое людьми. Именно оно представлено в нижеследующих предложениях.

Две белые бабочки играли в воздухе (М. Горький. Трое). Рыба играла и плескалась беспрестанно (Аксаков. Семейная хроника). В окнах дачи играло солнце (Чехов. Живой товар). Над перевалом, совсем близко, играли крупные звезды (Серафимович. Железный поток). Я люблю, когда в тонком стакане играет золотистое вино (Л. Андреев. Мысль).

Эту семему глагола *играть* можно определить так: двигаться легко и свободно, весело мелькая в глазах наблюдателя.

Человек, наблюдая окружающий мир и вербализуя его образы, переносил соответствующие номинации на свои, уже человеческие действия. В современном языке *играют дети, играют спортсмены, картежники, музыканты, актеры*. Для каждого вида игровой деятельности в языке разработана богатая парадигматика, синтагматика и деривация. На основе каждой семемы глагола *играть* появилась богатая фразеология, но в основе всей семантемы данного глагола лежит его первая денотативная семема, отражающая образы игры в природе. Анализ всех семем глагола *играть* позволил автору представить такой набор признаков концепта игровой деятельности.

1. Свобода, непринужденность, легкость (иногда энергичность), живость движения, в природе сопровождаемая сменой красок, бликов света.

2. Удовольствие, наслаждение, хорошее настроение, получаемые от деятельности.

3. Возможное использование орудий игры и участие другого лица, деятельность может носить соревновательный характер.

4. Иногда наличие правил, чётко определенной цели, ограничения во времени и пространстве.

5. Непредсказуемость хода событий, интрига.

6. Сопровождение звуками, а иногда сознательная деятельность по извлечению звуков.

7. Имитация, подражание, а значит доля вымысла, ирреальности.

8. Игра может стать способом заработать деньги, она становится работой.

В целом глагол *играть*, делает вывод Е.Н. Королёва, обладает положительной коннотацией, игра в сознании человека прочно связана с отдыхом, удовольствием, с процессами расслабления и релаксации организма после физического, психического, умственного напряжения. Но есть и игра, требующая напряжения ума, памяти, эмоций. Это творчество, импульс, путь к познанию жизни. Связи семем позволяют увидеть, что игра – связующая нить между миром взрослых и детей, миром реальным и вымышленным, серьёзным и несерьёзным (Королева 2005, с. 13-14).

На основе такого исследования лексикографы могут уточнить в словарной статье связи нескольких значений полисемичной лексемы.

Второй пример иллюстрирует вхождение лингвиста в сферу типовых пропозиций, иначе говоря, в сферу образов событий.

При изучении структурных схем простого предложения в русском языке как знаков типовых пропозиций (синтаксических концептов, как мы их назвали) мы не сразу могли определить типовую пропозицию схемы *кто/что действует чем*. В этой схеме вербализуются достаточно разные ситуации и события внешнего мира.

Человек или животное проявляет себя движением какой-либо части своего тела (*кто-то кивнул головой, махнул рукой, передернул плечами, переступил ногами и т.п.*).

Некий феномен проявляет себя звуками (*телега стучит колесами по мостовой, рыбины шлепали хвостами, птицы хлопали крыльями, отец постучал ложкой по столу и т.п.*).

Некий феномен проявляет себя запахами (*плащ пахнет нафталином*), свечением (*даль сияла каким-то мягким светом*), испусканием частиц из своей массы (*птеныцы поросли серым пушком, дорога заросла кустарником и т.п.*).

Человек проявляет себя выполнением некоторых функций, он управляет предприятием, владеет вниманием собравшихся, торгует грибами, ослаб ногами, устал душой, работает грузчиком и т.п. (подробнее соответствующий материал см.: Волохина, Попова, 1999, с. 56-69).

Несмотря на отсутствие лексических связей между рассмотренными вариациями, одинаковость структурной схемы все же подсказывает, что в сознании носителей старого русского языка была какая-то единая типовая пропозиция, которую обслуживала эта схема. Мы посчитали возможным реконструировать ее под именем «инобытие объекта».

В системе пропозиций «бытие объекта» (кто/что существует где) и «небытие объекта» (кого/чего нет где) пропозиция «инобытие объекта» находит свое место. Говорящие выделяли как особую пропозицию *проявление тем или иным объектом своего присутствия в мире доступными ему средствами* – запахами, звуками, свечением, телодвижением, местоположением и функционированием в том или ином статусе и т.п.

Эта типовая пропозиция *представления себя миру* постепенно утрачивала свою концептуальную ценность, а структурная схема разрушалась, так как не во всех случаях словоформа творительного падежа была в ней необходима для полноты информации. В целях экономии усилий достаточно было сказать, что кто-то кивнул, постучал, что нечто пахло, сияло, что вокруг светало, темнело и т.п., потому что глаголы включили в себя и значение творительного падежа, а часто и значение того феномена, который проявлял себя обозначенным действием.

Все это и привело к тому, что синтаксический концепт «инобытие объекта» утрачивался, разрушался, распадался на слои.

Но благодаря переживающей его структурной схеме *кто/что действует чем* мы догадываемся о его существовании в концептосфере наших предков и даем возможность историкам русского синтаксиса восстановить

недостающие звенья развития целого ряда взаимосвязанных структурных схем простого предложения.

Таковы возможности использования когнитивного подхода в традиционных лингвистических семасиологических исследованиях.

Заключение

В Заключении кратко остановимся на основных теоретических положениях, которые были изложены в нашей книге.

Разные направления в современной когнитивной лингвистике имеют многие общие исходные постулаты, разработанные лингвистами, когнитологами, психолингвистами. Прежде всего, это признание невербального характера концептов и концептосферы, лишь часть которой получает выражение (овнешнение) при помощи языковых знаков разного ранга (лексемы, фразеосочетания, структурно-синтаксические схемы).

Когнитивная лингвистика установила, что концепт не привязан к одному языковому знаку – он выражается многими знаками как языковыми, так и неязыковыми, и никогда полностью не выражается. Любой концепт находится в мозгу разных людей, составляющих то или иное общество; имея общую часть для всех, он включает и множество варьируемых признаков – социальных, групповых, индивидуальных. Концепты, а с ними и концептосфера, постоянно развиваются, какие-то признаки они теряют, какие-то приобретают, какие-то видоизменяют. Поэтому, чтобы получить через анализ языка более или менее полное представление о признаках концепта, входящего в концептосферу конкретного народа, желательно привлечь к исследованию не только лексикографическое, но и психологически реальное его наполнение, включая его оценочное, эмоциональное, энциклопедическое содержание, отражаемое в том числе паремиями, ассоциативными полями и т.п.

На данном этапе наших исследований мы определяем концепт как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению.*

Совокупность общенародных концептов образует концептосферу народа.

Отсутствие языкового знака для вербализации концепта не определяет реальность его присутствия или отсутствия в сознании человека, так как существует много невербализованных концептов. Причины вербализации/невербализации концепта – чисто коммуникативные (востребованность концепта для обмена информацией между говорящими). Какая-то часть концептов индивидуального сознания может оставаться невербализованной.

Тем не менее, изучение семантики языковых знаков позволяет получить доступ в концептосферу, так как эта семантика составляет значительную

часть концептосферы народа, пользующегося системой знаков конкретного языка.

Развиваемая нами в данной книге семантико-когнитивная концепция изучения языка базируется на изучении соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными.

Ту часть концептосферы, которая закреплена за знаками данного языка мы называем *семантическим пространством языка*.

Семантика языковых знаков, как теперь выясняется, недостаточно изучена традиционными лингвистическими методами. Кроме лексикографического значения, обнаружено психологически реальное (психолингвистическое) значение, которое варьирует у разных групп людей, у отдельных личностей. По номинативной плотности и рекуррентности языковых средств, выражающих концепт, можно судить о его важности, актуальности и коммуникативной востребованности в том или ином обществе в тот или иной период времени.

Мы разрабатываем также модель структуры концепта. Мы полагаем, что концепт имеет нежесткую структуру, соотносящуюся с полевой моделью, разработанной лингвистами на материале языковых средств. Иными словами, признаки концепта распределяются на ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. Когнитивные признаки, формирующие эту модель, могут быть по уровню абстрагированности, по уровню обобщения более или менее конкретными, а по содержанию – образными, информационными и интерпретационными.

По нашим представлениям, концепты и семемы языковых знаков постоянно взаимодействуют и «перетекают» в сознании человека друг в друга. В силу этого, изучив содержание семантики языковых знаков по всему номинативному полю концепта, исследователь получает знания о большом количестве признаков концепта. Благодаря этому можно, с одной стороны, лучше понять процессы семантических изменений в системе языка, а, с другой стороны, дать достоверный материал для историков, этнографов, культурологов и других представителей гуманитарных наук.

На данном этапе разработки семантико-когнитивного анализа языка мы видим такие задачи дальнейших исследований:

1. Изучать все новые и новые участки семантического пространства языка и подвергать их когнитивной интерпретации.
2. Исследуя семантику языковых знаков (слов, фразеосочетаний, ассоциативных полей, структурных синтаксических схем), выяснять, признаки каких концептов или их системных связей эти знаки выражают.
3. Установив наличие в изучаемой концептосфере определенных концептов, выяснять, какую роль эти концепты играют в системной организации языковых знаков и как они определяют особенности их функционирования в речи.

4. Определяя структуру и типы концептов по данным языка, моделировать эти концепты в рамках лингвоконцептологических исследований в интересах когнитивной науки.

5. Развивать психолингвистические исследования процессов концептуализации и категоризации, то есть формирования концептосферы людей.

6. Выявлять национальную специфику концептов и концептосфер в целях оптимизации межкультурной коммуникации.

Развиваемый нами семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях показывает, что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и надежным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт как единицу концептосферы.

Представляется, что теоретическое значение когнитивной лингвистики на современном этапе развития научной мысли трудно переоценить. Несомненно, что когнитивная лингвистика – новый этап в исследовании такой важнейшей проблемы языкознания как *язык и мышление*, и именно когнитивная лингвистика вдохнула новую жизнь в эту проблему. Идеи и категориальный аппарат когнитивной лингвистики позволяют решить многие теоретические проблемы лингвистики, которые вызвали затруднения или имели противоречивые решения в докогнитивной лингвистике.

Развитие современной когнитивной лингвистики, как нам представляется, во многом определит направления и методику научных исследований нынешнего столетия.

Использованная литература

1. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Прага, 1978.
2. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта. Волгоград, «Перемена», 2003.
3. Антология концептов /Под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. Т. 1-2.. Волгоград, «Парадигма», 2005.
4. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // ВЯ - 1987. - № 3. – С.46-51.
5. Архипов И.К. Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. - Часть 1. – Тамбов, 2001. - С.13-15.
6. Аскольдов С.А. Концепт и слово.// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. - С.267-279.
7. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. - Воронеж, 1996.
8. Балашова Е.Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях. Автореф. дис... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
9. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной лингвистики // Изв. РАН – СЛЯ - 1997, № 1. – С.11-21.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
11. Бебчук Е.И. Образный компонент в лексической структуре русского существительного. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1991.
12. Богданов В.В. Структурная схема в семантике предложения // Исследования по семантике. Уфа, 1985. – С. 14-21.
13. Бодуэн де Куртенэ И.А. Количественность в языковом мышлении // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Ч. 1. М., 1963. - С. 311-324.
14. Болдырев Н.Н. Категоризация событий и специфика национального сознания // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С. 29-30.
15. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2001.
16. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. –2004. -№ 1, с.18-36.
17. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура. Материалы международной конференции 12-14 мая 1999 г. - Тамбов, 1999. - С.62-69.
18. Болдырев Н.Н. Системные и функциональные связи языковых единиц как результаты категоризирующей деятельности языкового сознания // Связи языковых единиц в системе и реализации. - Тамбов, 1998. - С.5 -16.
19. Бондарко А.В. К интерпретации понятия «смысл» // Словарь. Грамматика. Текст. - М., 1996. – С.316-321.

20. Быкова Г.В. Лакуны как явление языка и речи // Филологические записки - Вып. 14. - Воронеж, 2000. - С. 183-196.
21. Бюлер К. Теория языка. М., 1993.
22. Васильев Л.М. Теория и методология современного языкознания. Принципы знаковости и формальности языка. Уфа, 1990.
23. Вахтель Н.М., Фридман Ж.И. Морально-нравственная лексика в русском языковом сознании / Язык и национальное сознание. - Вып.3. - Воронеж, 2002. – С.38-45.
24. Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М.В.Пименовой. Вып.4. Кемерово, 2004.
25. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
26. Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) // ВЯ – 1954 - № 1 – С.8-16.
27. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.
28. Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт. М, 2004.
29. Воронова Т.А., Стернин И.А. Концепт «толерантность» в русском сознании // Языковая структура и социальная среда. - Воронеж, 2000. – С. 79-83.
30. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр.соч. в 6-ти томах. - М.. 1982. - Т.2.
31. Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование). Автореф. дис....канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
32. Высочина О. Понимание и адаптация иноязычного слова в сознании носителя языка. На материале русского и финского языков. Jyväskylä, 2002.
33. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
34. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
35. Горелов И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения / Вопросы психолингвистики. – 2003, №1. – С.13-18.
36. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.
37. Грищук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников). Автореф.дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2002.
38. Грищук Е.И. Абстрактные концепты в восприятии школьника // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. - С.80-82.
39. Грищук Е.И. Коммуникативно-психологическая лексика в языковом сознании старшеклассников / Язык и национальное сознание. Вып.7. Воронеж, 2005. – С.58-67
40. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ - 1994, № 4. - С.17-33.
41. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
42. Жинкин И.Н. Избранные труды. Язык. Речь. Творчество. М., 1998.

43. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Н.И.Жинкин. Язык, речь. Творчество. – М., 1998.- С.146-162.
44. Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.
45. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Воронеж, 1990.
46. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
47. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. - Тверь, 1992.
48. Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. - Ч.1. - Тамбов, 1998. - С.6-9.
49. Залевская А.А. Когнитивный подход к слову и тексту // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. - Москва, 2000. - С.91.
50. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида //Слово.Текст. Избранные труды. М, 2005. – С.234-244.
51. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001, с.39)
52. Залевская А.А. Слово. Текст. М., Гнозис, 2005.
53. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории /Вопросы психолингвистики. 2003, №1., с.30-35.
54. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили: К началам органической психологии. М., 1997.
55. Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира // Когнитивная семантика. – Ч. 2. – Тамбов, 2000.- С. 176-180.
56. Ипполитов О.О. Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
57. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
58. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов. Антология концептов. Т.1. Волгоград, 2005. - С.13-15.
59. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. - М., 2000. - С. 107-109.
60. Кобрин Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика. - Ч. 2.- Тамбов, 2000.- С. 170-175.
61. Колесов В.В. Язык и ментальность /Русистика и современность. Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб, 2005.- С.12-16.
62. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб, 2004.

63. Колосова Л.И. Концепт «совесть» в концептосфере русского и французского языков // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С. 88-89.
64. Колшанский Г.В. Семиотика слова в логическом аспекте// Язык и мышление. М., 1967.– С. 187- 208.
65. Королёва Е.Н. Семантический ареал многозначного слова (на материале русского глагола ИГРАТЬ и английского глагола TO PLAY). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
66. Костин А.В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И.Даля (на материале концепта «вода»). Автореф. дис....канд. филол. наук. Иваново, 2002.
67. Кравченко А.В. Проблема языкового значения как проблема представления знаний // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 1997.
68. Красавский Н.А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосфер // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. - Волгоград, 2000. - С.18-20.
69. Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
70. Красных В.В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика. - Часть 1. - Тамбов, 2000. - С. 53-55.
71. Красных В.В. Фрейм структуры как единицы языкового сознания // Языковое сознание содержание и функционирование. - М., 2000.- С.128-129.
72. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. М., 1996.
73. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов, 2005.
74. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // ВЯ - 1994, № 4.- С. 26-34.
75. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. –2004, № 1. –С.6-17.
76. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
77. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) //Изв. РАН - СЛЯ - 1997, №3. - С.22-31.
78. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Материалы международной конференции. – Часть 1. - Тамбов, 1999. - С.6-13.
79. Кузлякин С.В. Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях /Русистика и современность Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. СПб, 2005. – С. 136-141.
80. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Пер. с англ. Р.И.Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. - М., 1988 – С. 12-21.

81. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск, 1999.
82. Левицкий Ю.А. От высказывания к предложению. Пермь, 1995.
83. Лемяскина Н.А. Коммуникативное поведение младшего школьника (психолингвистическое исследование). Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1999.
84. Лемяскина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника. Воронеж, 2004.
85. Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000.
86. Леонтьев А.А. Общение как объект психолингвистического исследования //Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
87. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
88. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
89. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. //Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. - С.16-21.
90. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. //Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. - С.16-21.
91. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд.3. М., 1972.
92. Леонтьев А.Н. Психолингвистические вопросы сознательности учения // Изв. Акад. пед. наук РСФСР. Вып.7. М, 1947.
93. Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В.А.Мануйлов. М., 1981.
94. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
95. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН - СЛЯ - 1993, № 1. – С.3-9.
96. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., Academia, 1997. -С. 280-287.
97. Лук А.Н. Мышление и творчество. М., 1976.
98. Лукашкова О.Ю. Концепт «дружба» в русском языке // Культура общения и ее формирование. - Вып.8. - Воронеж, 2001. - С.84-85.
99. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода //Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып.1. Архангельск, 1977. - С.11-35.
100. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975.
101. Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Воронеж, 2006.
102. Мыркин В.Я. Чувственно-иконическое значение слова //Филологические науки. - 2005, № 5. - С.102-107.
103. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.
104. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. -№ 1, с.53-64.
105. Новое в зарубежной лингвистике. Вып 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

106. Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения // Изв. АН СССР. – ОЛЯ – 1984, № 2.
107. Паскова Н.А. Концепт «женщина» в текстах среднеанглийского периода. Автореф. дис....канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
108. Пименова М.В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов). / Вопросы когнитивной лингвистики. –2004. -№ 1, с.83-90.
109. Пименова М.В.. Предисловие. / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В.Пименовой. Вып.4. Кемерово, 2004.208 с.
110. Пинкер С. Языковой инстинкт // Логос,. - 1999, №9. - С. 28-49.
111. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. О сборниках статей проблемной группы «Логический анализ языка» // ВЯ - 1991, № 2. - С.126-139.
112. Попова З.Д. Знаковая ситуация в лингвосемиотике // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2005, №2. – С. 208-216.
113. Попова З.Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ - Серия 1. Гуманитарные науки. - 1996, № 2. – С. 64-68.
114. Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. - М., 1996.-С.255-268.
115. Попова З.Д., Стернин И.А. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии. // Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово, 2004. – С.53-54
116. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку. Антология концептов. Т.1. - Волгоград, 2005. - С.7-10.
117. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд.3, Воронеж, 2003.
118. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.
119. Попова З.Д. Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2002.
120. Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А., Борискина О.О., Пименов Е.А., Пименова М.В.. Введение в когнитивную лингвистику. / Под ред. М.В.Пименовой. Кемерово, 2004.
121. Попова З.Д., Стернин И.А., Чарыкова О.Н. О разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения) // Язык и национальное сознание. - Воронеж, 1998. – С. 21-23.
122. Попова З.Д., Хаустова Э.Д. Английские fruits и русские фрукты (контрастивные заметки) // Связи языковых единиц в системе и реализации. - Тамбов, 1998. – С. 32-35.
123. Попова З.Д., Стернин И.А. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) // Язык. Этнос. Картина мира. - Вып. 1. - Кемерово, 2003. – С.16-23.
124. Потребня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.

125. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
126. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. - Вып.36. - М., 1998. – С. 274-323.
127. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. РАН – СЛЯ - 2000, № 3. – С. 3-15.
128. Розенфельд М.Я. Образ в семантической структуре конкретных и абстрактных лексем // Язык и национальное сознание. - Вып.7. - Воронеж, 2005. – С.42-47.
129. Розина Р.И. Когнитивные тенденции в таксономии. Категоризация мира в языке и тексте // ВЯ - 1994, № 6. - С.60-78.
130. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж, 2004.
131. Рудакова А.В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
132. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // ВЯ - 1996, № 5. - С.39-50.
133. Сигал К.Я. Проблема иконичности в языке. Обзор литературы // Вопросы языкознания. - 1997, №6.- С. 100-120.
134. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. - Волгоград, 2000. - С.38-45.
135. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Автореф. дисс...докт. филол. наук. Волгоград, 2004.
136. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004.
137. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвистические концепты прецедентных текстов в слушании или дискурсе. М., 2000.
138. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М., 1954.
139. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М., Молодая гвардия, 1995.
140. Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики// Труды по языкознанию. М., 1977. С.31-284.
141. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
142. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.
143. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.
144. Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. Воронеж, 2003.
145. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях. / Вопросы когнитивной лингвистики. –2004, № 1. - С.65-69.
146. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
147. Стернин И.А. Психологически реальное значение слова и его изучение // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. - С. 116-122.

148. Структуры представления знаний в языке. Сборник научно-аналитических обзоров. М. 1994.
149. Тавдгиридзе Л.А. Концепт *русский язык* в русском языковом сознании. Автореферат дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
150. Тавдгиридзе Л.А. Объективация концептов *русский язык* и *английский язык* в коммуникативном сознании сельских жителей // Культура общения и ее формирование. - Вып. 13. - Воронеж, 2001. - С. 66-70.
151. Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. – С.6-15.
152. Тарасов Е.Ф. Сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003. - С.3-10.
153. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание - перспективы исследования // Языковое сознание содержание и функционирование. XII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – Москва, 2000. – С. 2-3.
154. Титова О.И. Перспективы лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона / Филологические науки. – 2003, № 2. - С. 79-86.
155. Фисенко О.С. Концепт *гроза* в русском языковом сознании. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
156. Фомина З.Е. Системообразующие элементы концептуальной модели эмоционально-психологического состояния человека (на материале немецких художественных текстов) // Когнитивная семантика. Материалы второй международной школы-семинара. - Часть 2. - Тамбов, 2000. – С. 154-155.
157. Фреге Г. Смысл и денотат// Семиотика и информатика. - Вып. 35. - М., 1997. – С. 358-379.
158. Фридман Ж.И. К вопросу о методике исследования социально - психологической лексики / Культура общения и ее формирование. - Вып.13.- Воронеж, 2004. - С. 66-71.
159. Фридман Ж.И. К вопросу о методике исследования социально-психологической лексики // Культура общения и ее формирование. - Вып. 13. – Воронеж, 2004. - С. 39-45.
160. Фридман Ж.И. К вопросу о психологически реальном значении слова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. - Вып.2. – Пятигорск, 2005. - С.335-340.
161. Фридман Ж.И. Социально-психологическая лексика в языковом сознании //Язык и национальное сознание. - Вып. 7. – Воронеж, 2005. - С. 53-58.
162. Фрумкина Р.М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике // ВЯ - 1996, № 2. – С. 55-67.
163. Худяков А.А. Семиозис простого предложения. Архангельск, 2000.

164. Чарыкова О.Н. Менталитет и «образ мира» // Язык и национальное сознание. - Вып. 1. - Воронеж, 1998. – С. 26-27.
165. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: свойства и различия в теориях и целях // ВЯ - 1996, № 2. - С.68-78.
166. Чернышова Е.Б. Коммуникативное поведение старшего дошкольника (психолингвистическое исследование). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.
167. Чернышова Е.Б., Стернин И.А. Коммуникативное поведение дошкольника. Воронеж, 2004.
168. Шайкевич А.Я. Русская языковая картина мира в ряду других картинок //Московский лингвистический журнал. – 2005, № 2. - С.5-21.
169. Шаманова М.В. Национальная специфика отражения концепта «общение» в лексико-фразеологической системе русского языка // Язык и национальное сознание. - Вып. 2. - Воронеж, 1999. – С. 52-54.
170. Шарандин А.Л. Прототипические характеристики лексико-грамматических разрядов русского глагола // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. – Часть 1. - Тамбов, 1998. – С.129-131.
171. Шаховский В.И. Текст как способ экспликации эмоциональности языкового сознания// Языковое сознание. Содержание и функционирование. М., 2000. - С.274-275.
172. Шилова Г.Е., Стернин И.А. Частотный словарь иноязычных слов. Воронеж, 2005.
173. Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
174. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. / Под ред. З.Д.Поповой и И.А.Стернина. Воронеж, 2002.
175. Язык и национальное сознание. / Под ред. И.А.Стернина. Вып.1, Воронеж, 1998.
176. Язык и национальное сознание. /Под ред. И.А.Стернина. Вып.2, Воронеж, 1999.
177. Язык и национальное сознание. / Под ред. И.А.Стернина. Вып.3, Воронеж, 2002.
178. Язык и национальное сознание. / Под ред. И.А.Стернина. Вып.4, Воронеж, 2003.
179. Язык и национальное сознание. / Под ред. И.А.Стернина. Вып.5, Воронеж, 2004.
180. Язык и национальное сознание. / Под ред. И.А.Стернина. Вып.6, Воронеж, 2004.
181. Язык и национальное сознание. / Под ред. И.А.Стернина. Вып.7, Воронеж, 2005.
182. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
183. Язык и структура представления знаний. М., 1992.
184. Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.
185. Языковое сознание и образ мира. М., 2000.

186. Языковое сознание: Содержание и функционирование. XII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
187. Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. /Под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. М.- Барнаул, 2004.
188. Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.
189. Rosh E. Cognitive Representation of Semantic categories // Journal of Experimental Psychology. - 104.- 1975. P.192-233.
190. Rosh E.H. Principles of Categorization // Rosh E.H., Lloyd B.B. Cognition and Categorization. Hillsdale, 1978. – P.27-48.

Содержание

От авторов	с. 3
Глава 1. Когнитивная лингвистика в современной науке о языке	
1.1. Когнитивная наука и когнитивная лингвистика	с.6
1.2. Основные направления в современной когнитивной лингвистике	с.10
1.3. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку	с.13
Глава 2. Основные категории и постулаты современной когнитивной лингвистики	
2.1. Понятие концепта	с.21
2.2. Понятие концептосферы	с.25
2.3. Концепт и проблема невербальности мышления	с.27
2.4. Концептосфера и сознание. Виды сознания	с.29
2.5. Картина мира	с.35
2.6. Концептосфера, менталитет, когнитивная картина мира	с.40
2.7. Концептосфера, семантическое пространство языка, языковая картина мира	с.43
2.8. Номинативное поле концепта	с.46
2.9. Концепт и слово	с.54
2.10. Концепт и значение	с.64
2.11. Структура концепта	с.74
2.12. Типы концептов	с.81
2.13. Понятие концептуализации. Формирование концептов в фило- и онтогенезе	с.85
2.14. Категоризация, дифференциальные и классификационные когнитивные признаки	с.89
2.15. Национальная специфика концептов	с.100
2.16. Номинативная плотность концепта	с.103
2.17. Рекуррентность концепта	с.104
Глава 3. Методы и приемы семантико-когнитивного исследования концептов	
3.1. Принципы семантико-когнитивного анализа концептов	с.112
3.2. Методы описания значений и концептов: сходство и различие	с.116

3.3. Построение номинативного поля концепта	с.124
Установление ключевого слова-репрезентанта, объективирующего концепт	с.125
Установление ядра номинативного поля	с.126
Установление периферии номинативного поля	с.126
Анализ художественных и публицистических текстов	с.126
Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова	с.126
Построение деривационного поля ключевого слова	с.128
Построение паремиологического поля концепта	с.128
Установление устойчивых сравнений с номинантами концепта	с.129
Установление фразеологических номинаций концепта	с.129
Анализ ассоциативного поля концепта	с.129
3.4. Экспериментальные методики исследования концептов	с.131
3.5. Описание семантики языковых средств, образующих номинативное поле концепта	с.136
3.6. Верификация описания концептов	с.137
3.7. Когнитивная интерпретация	с.140
3.8. Моделирование концептов	с.148

Глава 4. Опыт целостного семантико-когнитивного анализа

4.1. Психолингвистическое описание значения лексемы <i>признание</i>	с.153
4.2. Лингвоконцептологическое описание концепта <i>русский язык</i>	с.163
4.3. Из опыта семантико-когнитивного описания языковых явлений	с.208

Заключение	с.210
-------------------	-------

Использованная литература	с.215
----------------------------------	-------

Содержание	с.225
-------------------	-------